

ГУБЕРНСКИЙ

ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

4/97

(24)

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ,
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

4/97

(24)

Время Общество Знание

- Старина загадочная и мудрая 3
Семейный альбом. "Соня, я полон надежды" 5
В гостях у фермера Горбунова 9
Хранители и собиратели.
Фоторассказ о судиславских музейщиках, музыкантах, художниках 11
Детское творчество 20
Земляки. Художник Герман Комлев
и олимпийская чемпионка Алевтина Олюнина 22
Один день из жизни усадьбы Следово 27

Свидетельства Архивы Документы

- Летописи и предания о князе Судиславе 31
Из истории сел и деревень 33
Хозяева и гости сельца Леонтьева 42
Из записок дворянина Павла Прибыльского 46
Ведомость о Преображенской церкви 54
Из истории судиславского купечества 56
Имя в истории края. Дом Невского 62
Промыслы и ремесла. Мельницы в жизни крестьян 65

Литература Искусство Культура

- Язык земли. По материалам "Губернской экспедиции" 71
Борис Бочкарев. Судиславские сказки 73
Кристина Бахирева. Стихи 75
Обычаи и обряды. Деревенские игры, забавы, хороводы 77
Народное краснословие. Песни, частушки, притания 78

Учредитель – администрация Костромской области.

Попечители: областной государственный архив,
Костромское епархиальное управление, объединение "Костромакурорт",
областная научная библиотека, историко-архитектурный музей-заповедник.

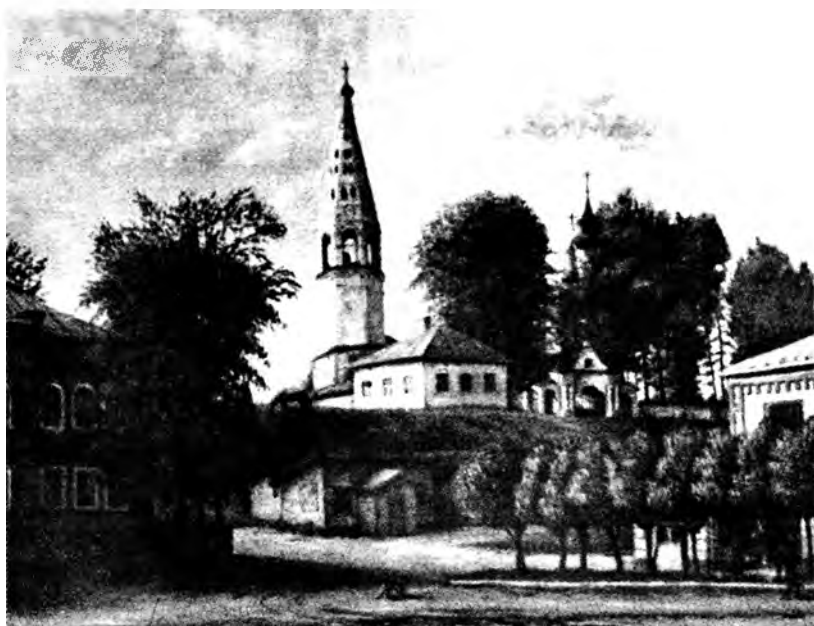
Журнал зарегистрирован региональной инспекцией (г. Тверь).

Регистрационный номер Т-0162.

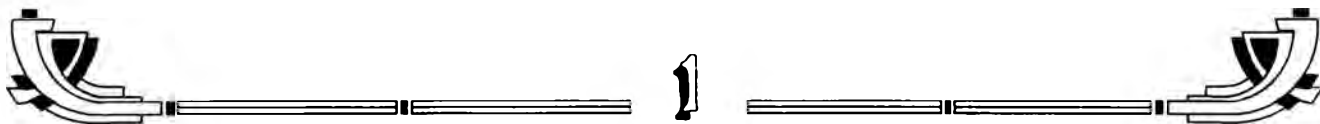
ТИХИЙ, ДОБРЫЙ И СТАРИННЫЙ...

Хорошо видны с холма
Церковь, сосны и дома...
Если вниз с холма спуститься
На асфальт среди травы,
Видно, как у райбольницы
На крыльце заснули львы.
Рядом скверик тополиный...
Наш поселок небольшой —
Тихий, добрый и старинный —
Судиславль под Костромой.

Виталий КОДРЯН
«НАШ ПОСЕЛОК»

Таким увидели Судиславль поэт Виталий Кодрян, художники Роман Смирнов и Герман Колчев. А теперь, любезные читатели, нам предстоит увидеть его глазами других, самых разных людей из прошлого и нынешнего времени, услышать их голоса...

АИСТЫ НА БАШНЯХ

Судиславль хорошо известен своими культурными традициями, здесь жили и живут сейчас многие художники, писатели, музыканты. Сохранить эти традиции, продолжить их через творчество молодых — в этом одна из задач, которые решает сегодня районная администрация. К примеру, при ДOME детского творчества была у нас изостудия. Посетив выставку школьных рисунков, мы решили создать свою художественную школу. Нашли помещение, пригласили хороших преподавателей и через год уже заметили, что выставки детского рисунка становятся более профессиональными, работы двоих учащихся были отмечены премиями районной администрации. Или другой случай. Живет у нас молодой талантливый художник-самоучка Роман Смирнов, так мы следим за его творчеством, поддерживаем, делаем заказы. Скоро откроется его первая персональная выставка в зале, где сейчас выставлен Николай Шувалов, а до этого были работы Григория Островского, Ефима Честнякова, Льва Богомолова.

Школьников мы привлекаем к краеведению, стараемся привить интерес к природе Судиславского края, его истории. С этой целью приобрели кинокамеру для неполной средней школы. Надо отдать должное и районной газете "Сельская жизнь", она всегда помогает юным краоведам, публикует стихи и рассказы начинающих авторов. И хочется верить, что со временем придут они в наш литературно-музыкальный салон, где собирается сейчас творческая интеллигенция Судиславля. Здесь происходят встречи с прекрасным, общаются люди просвещенные, заинтересованные в том, чтобы культурная жизнь в провинции не замирала. Хозяйка салона — Александра Борисовна

Смирнова, преподаватель музыкальной школы, человек одаренный, известный далеко за пределами района, прекрасные ее выступления с большим успехом проходили в Костроме и Москве, показывались по центральному телевидению.

Еще одно направление — физкультура и спорт. В Судиславле созданы две футбольные команды — взрослая и юношеская, тянутся ребята в детскую спортивную школу олимпийского резерва, руководит которой олимпийская чемпионка Алевтина Сергеевна Олкинина. Большую работу проводит Евгений Викторович Свешников, директор автошколы, который сохранил ее в трудное время, и она имеет сейчас большое значение для Судиславского и Островского районов.

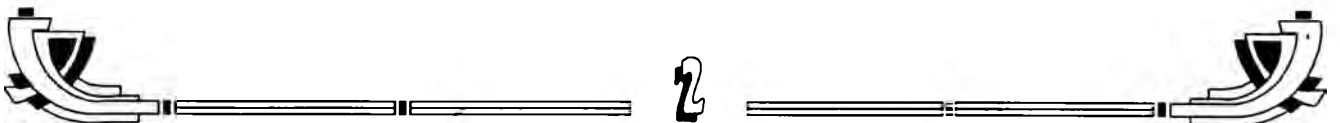
Все начинается с малого, а детям нужен хороший пример. Пригласили мы на день Судиславля парашютистов, и вот уже в парашютную секцию записалось у нас около сорока человек.

Съездила молодая учительница Юлия Павловна Воронина во Францию, и появился у нас детский театр, который готовит спектакли на французском языке. Вторую премию присудило этому детскому коллективу жюри во французском посольстве в Москве.

Выставки детского рисунка, встречи в литературно-музыкальном салоне, спектакль "А зори здесь тихие", поставленный к 50-летию Победы, — все это связано между собой. Отреставрировали Преображенский храм — и поселок смотрится по-другому, возле домов стало чище. На Днях Судиславля объявляем конкурсы на лучший двор, лучший палисадник, дети должны видеть красоту не только на картинах, но и там, где они живут.

Конечно, все это только начало, но мы будем продолжать, каждый год прибавлять что-то для Судиславля, будем давать людям возможность реализовать себя в полезном деле. Хорошие результаты будут обязательно, уже сейчас у нас нет роста правонарушений. Считаю, что это произошло благодаря тому, что мы делаем, что люди стали чаще ходить в церковь, а не в кабак.

У меня есть мечта: серьезно заняться историей Судиславля. Сделать фильм, где запечатлеть все 18 разрушенных церквей, наше прекрасное озеро, наши родники — сколько их было когда-то. Записать всех наших ветеранов, бесценные их воспоминания о жизни Судиславского края в разные годы. В прошлом году к нам прилетели аисты, облюбовали башню в поселке Мирный. В этом году они вернулись с птенцами, старики опять полетели в Мирный, а молодежь — в Новино. В общем, если так дело и дальше пойдет, то башен в районе не хватит.

СТАРИНА ЗАГАДОЧНАЯ И МУДРАЯ

Одна из комнат в Жваловском сельском Доме культуры напоминает музей: столько здесь любопытных старинных вещей. Но первым делом бросаются в глаза разнообразнейшие половички-дорожки (они не только лежат на полу, но развешены и по стене) да два ткацких стана посередине просторного помещения. Но эти станы не для того, чтобы любоваться на них, и "Горница" четыре года назад создавалась, чтобы здесь продолжало свою жизнь старое ремесло — ткачество.

Работники Дома культуры составляли тогда историю своего села, ходили записывать воспоминания старожилов, и от них слышали, что ткачеством в жваловской округе занимались когда-то в каждом доме, увидели, что кое-где бабушки ткут половики и поныне. Именно тогда Наталья Витальевна Кокорева, директор ДК, познакомилась поближе и с Елизаветой Александровной Аристовой и поняла, что лучшего наставника для "Горницы" и не найти.

Елизавете Александровне 81-й год. В Жвалово она переехала к сыну и племяннику из боговаровской деревни

Аристово, когда деревня уже окончательно "нарушилась", была Елизавета Александровна в ней последней жительницей. Собираясь в дальнюю дорогу, сколько слез пролила, расставаясь с родными местами. С собою в Жвалово взяла она ткацкий стан, к которому когда-то, лет в двенадцать, посадила ее мать, и все принадлежности к нему. Едва осмотрелась на новом месте, стан этот собрала, оснастила, и работа, хорошо знакомая, привычная с детства, помогла отвлечься от грустных мыс-

лей. А половики выходили у Елизаветы Александровны непохожие на те, что испокон века ткут в Жвалове: и "карты" пошире, а переучинки (переходы от одного цвета в другой) — в "елочку". Ее половики и сейчас в "Горнице" выделываются.

А уж как обрадовалась Елизавета Александровна, когда ее в Дом культуры пригласили помочь. Надо же, думала, что с нею да с такими же старыми жваловскими старушками ремесло умрет и забудется, только и останутся сотканые ими

половики, которые хоть и "ноские", да все равно с годами изотрутся под ногами, а оказалось, что и молодые их ремеслом старинным интересуются.

Работники Дома культуры, как только с Е.А.Аристовой договорились, поехали по окрестным деревням. Один ткацкий стан купили, другой им в подарок достался. Привезли. Елизавета Александровна сначала одна наладила, потом и второй. Стала учить свою первую ученицу Нину Павловну Чудову. Нина Павловна до этого в столовой работала, но в ДК мастером в "Горницу" пере-

Елизавета Александровна Аристова.

шла с радостью. "Когда-то мама моя ткала — мне страшно интересно все было, но мама к стану меня почему-то не подпускала, — вспоминает Нина Павловна. — А мне вообще все старое нравится: и песни, и частушки, и ремесла. Теперь вот, спасибо Елизавете Александровне, научилась и сама ткать, и дочек своих выгутила. И здесь, в "Горнице", есть ученицы — девочки из местной школы. Мне нравится за ткацким станом сидеть. Работа эта успокаивает. Бывает, дома понервничает, сюда приходишь, сядишься — и все плохое забывается. У нас и худрук Татьяна Филипповна тоже ткать выучилась. Хотя думаете, это так просто? Ничего подобного. Я уже четвертый год здесь, и только нынче сама стан основала. Такое хитрое это дело, что уж Елизавета Александровна сызмальства ткёт, и то бывает так, что сделаем — что-то напутали, и все приходится разбирать, заново переделывать..."

Чтобы половики ласкали глаз да сердце радовали, от мастерицы требуется хороший вкус да отличное знание всей технологии немудреного на первый взгляд производства. Но не обойдись тут и без особого склада мышления, чтобы задуманный рисунок и цвет воплотить в переплетениях нитей и аккуратных ленточках нарезанного и перевитого разноцветного лоскута.

И все-таки ткацкий стан манит к себе молодежь. "Своей загадочностью именно и даже какой-то таинственностью", — считает художественный руководитель Дома культуры Т.Ф. Ершова. И, конечно, половиками, которые рождаются на нем. Оказалось, что дело, за которое в Жвалове взялись, нужно не только для сохранения памяти о ремесле.

Директор ДК Н.В. Кокорева рассказывает:

— Половики наши не залеживаются, спрос на них большой. Сейчас ведь у многих в деревнях дачи

появились, а в деревенском доме эта вещь вообще незаменимая: и красиво, и практично. Это ведь не ковры, которые таскать тяжело и выбивать часами приходится. Да и материал для человека не вредный, не то что какая-нибудь синтетика. Ноги на таких дорожках просто отдыхают. И народ это понял. Раньше считалось, что домотканые половики от бедности. А сейчас я уже сама видела: в домах "новых русских" целые комнаты оформлены в народном стиле: тут и дорожки, и какие-то вещи, подсмотренные и купленные в деревнях. Все-то у этих людей есть, а вот надо еще и такое. И думаю, что это не только мода: ведь это радует и согревает душу. Видела я даже в одном доме и прихожую, в которой все стены такими вот дорожками задрапированы, со вкусом подобран цвет — удивительно красиво!

Работники Дома культуры мне рассказали, что ткацкий стан теперь стоит и в местном детском садике, и там детвора с интересом наблюдает, когда за станом садится поработать их заведующая Татьяна Витальевна Петрова. Вообще, она большая мастерица: и ткёт, и из бересты прекрасные вещи делает, и из других природных материалов. И красоту эту чувствовать и ценить приучает самых маленьких жваловских жителей. Пробуют они и своими руками сотворить что-то похожее.

И будущее своей "Горницы", и вообще главное направление деятельности Дома культуры его работники связывают именно с самобытностью своего родного, местного — в ремеслах ли она, в песнях ли, в танцах. И художественный руководитель Т.Ф. Ершова, хоть и приехала в Жвалово с Украины, хорошо чувствует это:

— Молодежи ведь это тоже нравится. Привлекает фольклор внимание своей загадочностью песни или танца. И тем, что это нельзя сравнить с чем-то: здесь только воспоминания, которые все равно в глубине памяти или души всколыхнуться способны у каждого. Ведь такого больше нигде не услышишь и не увидишь...

Владимир СМОРЧКОВ

Мастер Нина Павловна Чудова.

«Соня, я полон надежды...»

"Соня, я полон надежды, что судьба, облакая меня в серую шинель, будет ко мне благосклонна — возвратит меня к тебе, моя милая, с тем, чтобы после этого уже никогда не расставаться. Сергей. 19 февраля 1916 г. Кострома-Судиславль".

Старые фотографические карточки начала века с посланиями на обороте... С разрешения хозяйки дома. Татьяны Сергеевны Соловьевой, листаем семейный альбом, стараясь понять нечто из той невозвратимой жизни начала века провинциального русского общества, когда еще шумел под Судиславлем на речке Лобанке загрузивший теперь и порыжевший со временем бор. Весело катили на ве-

лосипедах барышни, и спуск к чистому теплему озеру оглашался молодыми радостными голосами. Лес, как парк, уставленный уютными скамейками, становился местом душевных бесед, игр, танцев, отдыха. А еще бульвар с березовой аллеей под соборной горой: весь судиславский свет стремился сюда, потому что жажда общения была сродни духовной жажде. Из дома Соколовых на вечерней заре доносились звуки фортепьяно, и тенором Макар Макаровича, исполнявшего романсы, заслушивалась округа. Здесь давали домашние спектакли по Островскому...

Татьяна Сергеевна Соловьева, всю жизнь проработавшая в Судис-

славле учительницей начальных классов, вспоминает о молодости и молодости своей матушки, дочки известного судиславского купца-бакалейщика Дмитрия Николаевича Крыгина. Софья Дмитриевна прожила 90 лет и была интересной рассказчицей.

Нежность, преданность, верность... Разве не об этом мечтают в молодости все барышни, и из купеческих — тоже. А Софьюшка была умной девушкой, и красавицей к тому же. Купец Крыгин — не последняя фигура в Судиславле. Часто участвовал он и в знаменитых Новгородских ярмарках, заключая там выгодные сделки. Кроме бакалеи, в летний сезон занимался скупкой

Купец Дмитрий Николаевич Крыгин с женой Прасковьей Арсентьевной.

П.А.Крыгина с дочерьми Софьей (сидит) и Марией.

Ученицы первого класса Судиславского женского приходского училища. 1904 г. Первый ряд, вторая слева — Софья Крыгина.

грибов и ягод, что приносило ему немалый доход. Но и пил он, как многие судиславские купцы, до белой горячки. Денежки спускались. Дочерям своим он большого образования не дал, Софья с сестрой часто стояли у прилавка, помогая отцу в торговле.

Тут-то и приглядел ее писарь Сергей Соловьев и нанялся к купцу в письмоводители, кажется. Так начался роман писаря и купеческой дочери.

Отец его, Виктор Максимович Соловьев, имел свое дело, слыл в Судиславле одним из лучших катальщиков валенок. Семья была очень трудолюбивой, все от мала до велика "щипали шерсть", выполняли заказы добросовестно и в срок, в заказах никогда не было недостатка. Сергей, входящий в возраст жениховства, выгодно отличался от сверстников умением держаться, обхождением, скромностью, грамотностью. Выделялся и по манере одеваться, что особенно бросалось в глаза местным барышням. Одним словом, жених был принят.

"На добрую память милой Софьюшке от горячо любящего и всей душой преданного Сергея Соловьева. 19 августа 1917 г."

Как знать, что бы поведала нам девяностолетняя Софьюшка о

жизни со своим суженым, столь горячо ее когда-то любившим. Наследникам остались только эти "памятные карточки" — свидетельства любви. Потом Сергей Соловьев служил чекистом, но об этой поре в семейном альбоме нет никаких следов.

— Жаль, что я не успела с мамой о многом поговорить, — вздыхает Татьяна Сергеевна. Она

София и Сергей.

была вхожа во многие купеческие дома Судиславля, а врожденные наблюдательность и памятьливость насыщали ее воспоминания такими подробностями, которые надо было бы записывать. Например, о Третьяковых.

У Ивана Петровича было много детей, но все они оказались неудачниками в жизни. Сыновья не нашли своего настоящего дела. Дочери выходили замуж за купцов, и все жили в браке очень несчастливо: мужья пили, уходили постоянно в загулы, семьи разорялись, и не раз отцовский капитал выручал их от страшной нищеты. Сам глава дома Третьяковых был умным и дельным человеком, щедрым на благотворение. В 1914 году, когда началась первая империалистическая, он потерял основные свои средства, которые хранились в каких-то зарубежных банках, и, едва пережив этот удар, "сделался не в себе". Вскоре, в 1915 г., он скончался в ус. Климцево Судиславского района. Здесь была известная третьяковская маслобойня — масло ее славилось и в столице как одно из лучших. Этот загородный дом в Климцево, как и другой в Скулино — с прекрасным плодовым садом, потом разграбят без дела и сожгут...

После революции семье Третьяковых разрешили занять несколько комнат в их известном в Судиславле доме со львами (городская больница). Остальные помещения особняка оккупировала новая власть, национализировав картины, скульптуру, мебель, семейный фарфор, ковры... — все, что было ценного. В залах особняка гуляла новая "элита", устраивала допоздна посиделки с водкой, пляской, пьяно хвасталась победой. Теперь уж трудно установить, куда растащен был третьяковский "антиквариат". Говорят, будто экономка куда-то вывезла. Зря болтают: ей бы никто тогда этого не позволил. Вспомнить-то стыдно. Чуть поразжится на посту начальника очередной активист, нагружает телегу да белым днем, никого не стеснясь, тащит...

Потом в местном Доме культуры кое-что из третьяковского имущества радовало глаз: изящная ме-

бель, зеркала, ковры. Но новая волна "активистов" и это смыла куда-то.

... В 30-е годы в Костроме, где я училась в педтехникуме и жила на квартире у маминной сестры, довелось снова встретиться с Третьяковыми, жившими рядом в комнатке на подселении — двумя сестрами и братом Николаем. В такой нужде мы тогда жили, что никому не расскажешь...

Одна из моих теток была замужем за коммивояжером фирмы "Зингер", который из-за революции не успел вернуться в Россию, и семья жила врозь. Если бы не его денежная помощь, мы бы тоже умерли от голода, как сгинули эти Третьяковы.

Вот на снимке моя бабушка, купчиха Прасковья Арсеньевна Крыпина. У нее было 16 детей, все поумирали, только четыре девоч-

Татьяна Сергеевна Соловьева.

ки остались — второй была моя мама".

* * *

Софью Дмитриевну до самой смерти не оставляла страсть к чтению. В то время книги доставались с большим трудом, классика продавалась только по подписке. Но она, бывшая портниха с двумя классами церковно-приходской, умудрилась собрать полную библиотеку собраний сочинений русских писателей. До последних дней жажда духовных впечатлений не оставляла ее, допоздна горел свет в ее комнате, и, рассказывают, один из последних вечеров завершился таким диалогом:

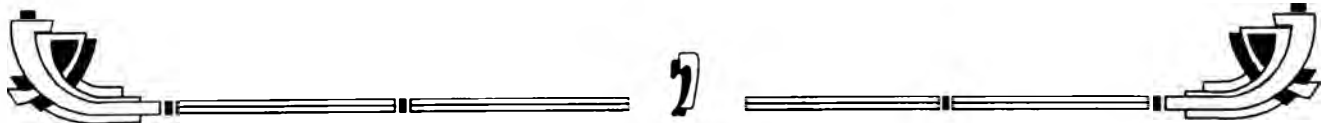
— Уже поздно, одиннадцать часов ночи, отдыхайте...

— Сейчас, оперу по радио передают — дослушаю, уже скоро конец...

*Семейный альбом листала
Татьяна ГОНЧАРОВА*

На Лобанке. Фото начала века.

СОХРАНИТЬ ХОРОШЕЕ

В этом году АОЗТ "Судиславль" исполнилось 30 лет. Об истории и сегодняшней жизни известного хозяйства рассказывает его старейший работник, ныне начальник отдела кадров Галина Константиновна Мясоедова.

Приказ Министерства сельского хозяйства об организации зверосовхоза "Костромской" был подписан в марте 1967 года. С января 1976 года, после присоединения к нам совхоза "Судиславский", хозяйством стало племязверосовхозом, а теперь это акционерное общество закрытого типа "Судиславль". Организатором, первым и бессменным директором хозяйства был Валерий Викторович Померанцев, если, конечно, не считать его непродолжительный уход на работу в райисполком. Я приехала сюда в 1971 году после окончания Московской ветеринарной академии, начинала работать зоотехником фермы. Тогда у нас было две фермы — стандартной норки и цветной, молодняк мы брали из старых хозяйств под Москвой — Салтыковской и Пушкинской звероферм, а потом уже стали развиваться сами. Поголовье за эти годы, конечно, выросло, сначала у нас была тысяча голов, а теперь — 25 тысяч, это одна из самых больших ферм в России.

За 30 лет изменилось очень многое. Звероводство всегда было трудоемкой отраслью, но раньше мы имели государственный заказ, продукцию сдавали только сырьем, были обеспечены кормами. А сейчас все приходится делать самим —

искать корма, реализовывать продукцию в виде сырья, полуфабрикатов и готовых изделий. Мы перестали быть племязверосовхозом, потому что государство больше не поддерживает племенную работу. И все же, несмотря на трудности, мы стараемся сохранить все хорошее, что у нас было. Производственные результаты в последние годы имеем не хуже, чем были раньше. Это благодаря тому, что коллектив у нас хороший, кадры еще старой закалки. Чтобы уйти домой и не покормить зверя — такого не было и нет. Средний возраст коллектива — 40 лет, но есть и ветераны труда, даже дивнасти. Например, звероводы сестры Заливаловы. Дефицита кадров у нас нет, напротив, в этом году были вынуждены сократить 16 человек. Конечно, люди уходили без охоты, где сейчас устроиться.

Когда-то к нам приезжали разные делегации, вручались переходящие Красные знамена. Многие о них сейчас не вспоминают, а мы не стесняемся, не прячем, все знамена и другие награды находятся в музее. Все это нами заработано, это наша традиция, это наша гордость. Историю, даже маленькую, нельзя забывать и переделывать. В конце года, как и прежде, мы чествуем передовиков. Так же подводим на общем

собрании итоги, определяем лучших, выпускаем стенную газету. Доброе слово по-прежнему для человека много значит, нельзя строить все отношения на одних деньгах. Нам говорят: выживайте. Но русский человек истари не был к этому подготовлен, и закон наш другой: помогай.

Вот мы и помогаем своим работникам — и морально, и материально. Зарплата сейчас зависит от каждого — что заработаем, то и распределяем. Кроме зарплаты, стимулируем работников готовой продукцией и продуктами питания. Раньше наши люди покупали в хозяйстве комбикорма, брали поросят и для себя выращивали. Теперь мы кормопроизводством не занимаемся, оно нерентабельно, а на освобожденных площадях даем желающим сенокосы. Сейчас у нас есть свой магазин, где можно купить и продовольственные товары, и промышленные.

Вот такая наша история, где было много всего разного, но хорошего больше. И все хорошее стараемся сохранить и передать молодым, и космонавта Владимира Джанибекова, как и прежде, считаем почетным членом нашего коллектива.

Зачисал Николай МУРЕНИН

Валентин МАМОНТОВ

СТАРЫЙ ДОМ

Наш старый дом осел,
Осунулся от времени,
Ветшия без сыновнего догляда.
С берез осенний лист
Совсем недавно облетел...
Дом плохо смотрится
От зимнего наряда.
Казалось,
в детстве дом высоким был,
Просторным в горнице,
Светился солнечной верандой.
Я вместе с домом рос и жил,
В голодный год питался жемьхом
и дурандой...
Потрескался от времени венец.

Мои морщины на лице —
Как трещины на срубе дома —
Напоминают мне, что и у жизни есть конец,
У той, которая когда-то начиналась
С далекого районного роддома.
...Давно бы надо подвести венцы
Да подновить наличник в синей краске.
А мы жестоко обрубам все концы,
Забыв о детстве и о материнской ласке.
Стареет дом — стареем мы,
Все чаще в детство память возвращает.
И старость верит в сны,
Забыв о том,
Что отчий дом забвенья не
прощает.

ГОРБУНОВ СЕБЕ ЦЕНУ ЗНАЕТ...

Его хозяйство в деревне Тимошкино даже видом своим являет трудный путь, каким идет фермер к цели, которую однажды поставил перед самим собой. Постройки и пристройки лепятся друг к другу, показывая, как постепенно расширялось хозяйство Горбунова и крепло. И вспоминаешь, глядя на это, не сегодня и не вчера вырвавшуюся из уст русского человека поговорку: "Трудом праведным не наживешь палат каменных"...

Прежде чем предложить добросовестно записанные (опуская разве несколько крепких выражений) размышления Александра Ивановича о своей жизни и нынешнем хозяйстве, о фермерстве на российской почве, — несколько штрихов к портрету этого судиславского фермера.

Горбунову 58-й год. Родился он в деревне, только не в Тимошкине, а в другой, но тоже в Судиславском районе, здесь в колхозе и работал до 30 лет. Затем в Костроме отработал 20 лет водителем городского автобуса. Когда появилась старшая дочь, жене Горбунов сказал твердо: "Будешь домохозяйкой. Насмотрелся я, как в шесть утра сонных детишек тащат родители в ясли-садики, а у них, бедных, только головенки трясутся на наших ухабах. Лучше я буду сутками работать". И на предприятии знали, что Горбунов работает без выходных, всегда согласен кого угодно заменить на линии...

КАК ОН ДОШЕЛ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ

— Да, видно, родился таким. Я ведь еще, когда фермерства у нас и в помине не было, когда в Тимошкине дом купил, огородом ограничиться не мог. Развел пасеку, у меня больше полусотни пчелосемей было. Кроликами занимался, опять же до 340 кроликов держал, первое место в области среди кролиководов занимал. Держали мы и корову, и бычков тут, на зиму перевозили в Кострому, там у меня хорошие подсобные помещения были, вернее, появились, потому что, если делом человек зани-

мается, всегда найдется поддержка.

Так что, когда фермерство объявили, я уже был готов. Хотя честно сказать, если бы так, как теперь, знал, что это за жизнь, наверное, еще подумал бы. Но цель тогда перед собой поставил: создать большое хозяйство, которое бы крепко стояло на ногах.

Что такое фермер, мы даже не знаем. Ага, давайте в фермеры. Ссуды взяли, землю получили. А что дальше делать? А у нас государство наше родное как рассудило: дали землю — он уже производитель. А ведь на земле работать надо: ладно, вспашешь, посеешь, а ведь когда еще с земли возьмешь? Когда еще продашь, как сумеешь распорядиться собранным урожаем? Не поверите, я ведь вначале зерно в Кострому возил, в своей квартире сушил. Это ведь потом у меня и зерносклад, и сушилки появились. Ведь один на один новоиспеченный фермер со всеми проблемами. И бросились кто во что, лишь бы свести концы с концами:

Семья фермера (слева направо):
Светлана Трошина,
Лидия Илларионовна и
Александр Иванович Горбуновы,
Сергей Трошин.

одни в коммерцию, другие лесом промышленяют. А что, разве мы леса без "фермеров" таких не вырубим?..

Да и как фермеров набирали: "Вы в "Караваяево" сходите, две недели там проучитесь и с бумажкой к нам придете". Ну, скажите, как за две недели человеку внушить все, чтобы из него фермер получился? Ведь им надо родиться. Фермеров надо не учить, а растить. Как скот, чтобы он стал племенным, сколько за ним должно быть заботы!..

Я университетов не кончал. Мне даже кажется иногда, что мы так плохо живем оттого, что у нас образованных много, а умных повывели еще с тех пор, как на Соловки да на высылку, в тюрьмы да лагеря отправляли. У меня неполные шесть классов. Но все время сама жизнь подталкивала. И, видно, врожденная любознательность и любовь к сельскому хозяйству. Вот, например, бухгалтерия, честно скажу, у меня не очень хорошо ведется. А так я и ветеринар: и уколы делаю, и роды принимаю. У меня и техника вся: и вспашу, и уберу, и отремонтирую. И плотник, и штукатур, и каменщик, и печник — на все удостоверения есть. Когда в армии служил, не отставливался на одном деле. А то были люди: как пришли, раствор таскали — так до конца службы и таскали, не стремились к другому. А я старался освоить все. Конечно, много и литературы перечитал: книжек, журналов. И когда кролиководство осваивал, и когда кроликов стал держать, и когда к свиноводству обратился...

ЧТО ЕГО ХОЗЯЙСТВО ИЗ СЕБЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

— Таких хозяйств, как мое, в области почти нет. Знаю, многие покупали сразу ферму вместе с коровами. А я — все постепенно: корову, потом от нее телушку и так далее. Строил все сам вначале. Я ночи не спал. Сейчас зато у меня полный комплект техники, все от пахоты до уборки механизирова-

но. А начиналось все с трактора, который мне Арбузов помог купить на свои личные деньги еще до фермерства, когда занял первое место по кроликам, а ведь попробуй на такую ораву всего натаскать. Вот и разрешили мне сначала "Муравья", но он в хозяйстве не пошел, потому что грязь, бездорожье. Тогда мне продали этот 25-й. А когда фермером стал, купил машину, МТЗ и гусеничный. И к ним всю технику прицепную. И все — на деньги кровные, что выручал за продукцию, вкладывал в дальнейшее развитие. Поэтому даже машины легковой не справил, как ходил пешком, так и хожу. Зато есть и зерновой комбайн, и картофелеуборочный, и копалка, и дробилки — электрическая и механическая, и дойка, и электрооборудование для новой фермы припасено.

Что нынче хозяйство из себя представляет? Посеял 49 гектаров. 3 гектара посадил картофеля, причем вдвоем за полтора дня, потому что все механизировано. А были бы набраны семена, управились и за один день. У нас 12 дойных коров и 12 телят, 9 свиноматок. Сейчас добиваюсь — и мне в этом помогает районная администрация — ссуды на строительство нового свинарника. На него возлагаю большие надежды: свинины бы я мог производить намного больше, чем сейчас: кормов хватает, а трудоемкость при выращивании свиней намного меньше, чем держать крупный рогатый скот. С пчелами тоже не расстаюсь, хотя за другими заботами они отошли на задний план.

От такой многопрофильности отказываться не собираюсь: в нашей зоне в сельском хозяйстве всегда есть риск. А при таком раскладе, если не вышли зерновые, меня поддержит скот, если со свиньями какая задача — выручат пчелы...

Вот и судите, сколько осенью от нашего хозяйства можно ждать продукции. Не так уж мало, если учесть, что работников было всего четверо: мы с женой да две дочери, правда, недавно прибавился пятый — зять. К слову сказать, был я недавно на своей родине — в "Исаевском". Там в колхозе было когда-

то 400 коров, осталось 60. Два миллиарда долга у хозяйства. Ну, в каком еще государстве будут такое держать? И там в конторе еще мне говорят: "Зачем ты так огибаешься? Мы никогда так не будем работать". Ну, а как же тогда дальше жить?

КАКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ОН ДЛЯ СЕБЯ ВИДИТ

— Вы посмотрите, сколько земли у нас. И попробуйте найти человека, чтобы здесь работал. Так что тот, кто здесь трудится понастоящему, должен быть весь в крестах. Вот я и говорю: у меня здесь должна быть звезда Героя и здесь. В такое время и такое хозяйство создать! Ведь мы, когда начинали — ни воды не было, ничего, вереницей из пруда таскали для всех коровушек. Хотя и сейчас многим полегче. Есть вода на свинарнике, но в пять помещений ее оттуда нужно разнести в ведрах. Припасены и поилки, но ведь коровы-то стоят в пяти местах, и никак их не объединишь. Вот почему строительство сейчас — дело первоочередное. Иначе от рабского труда мы не уйдем. Собираюсь еще дом купить, чтобы взять рабочих. Ведь имеем же мы с женой право и отдохнуть в конце концов. Но я не хочу, чтобы человек работал у фермера и получал гроши. Надо, чтобы он спокойно мог один семью кормить...

Но мне сейчас главное — свинарник построить, а на коровник я и ссуды просить не буду, справлюсь сам.

ЧТО ЕГО ТРЕВОЖИТ

Когда я только начинал, мать моя, чего я только ни наслушался! И кулак, и всякие другие "ласковые" слова. Бывало, к остановке иду такими шажками, чтобы подойти и сразу сесть в автобус. А потом эти люди смирились, что ли, стали друзьями и ходят ко мне.

Мне кажется, надо помогать вначале тем, кто сам тянется, работает. А потом бы и они помогли другим. Вот я бы сейчасновичку-фермеру помог. Дал бы без разговора ему корову без денег. И техникой бы выручил, ведь

она у меня вся в наборе. Но не находится сегодня таких людей поблизости. А у меня скупости нет. Я вот здесь всем и под картошку вспашу, и боровки нагну. И в Кострому перевезу, когда кто-то переезжает. И денег не беру.

Страшно, что настроение у людей такое, что много и хорошо работать — не модно. Зачем это вам, говорят. Видите, я и так живу. А сама и настоящей-то жизни не знает. Думает, что хлеб ест, да молоко пьет, да курицу купит да на десять частей разделит — это и есть настоящая жизнь.

Ты, говорят, не прокормишь страну. Я не прокормлю. Другой не прокормит, но ведь что-то надо делать. А если мы работать не будем, а все вокруг базара ходить — со временем мы все пожрем. Как саранча.

И на государство родное я в обиде. Ведь продам я свиноматку — налоговая политика такая, что мне от нее только хвост останется. Я не раз предлагал провести ревизию фермерских хозяйств: одно еще "незрело" — надо ему продлить налоговые льготы, у другого земля только числится, а он производством совсем не занимается, а только лес рубит или торгует — зачем такое хозяйство в фермерских числить. Иногда даже думаешь: "Никому мы не нужны". А почему? Ведь если уйдет производитель, он больше к земле не вернется. Я вот хоть в жизни бутылки водки не перепродал, и то боюсь соблазна: ведь легкие деньги затягиваю...

Да, Горбунов себе цену знает. Не зря же считает, что его грудь должна быть в крестах. И ведь справедливо считает. Но родному государству, по всему видно, пока не очень-то до Горбунова и ему подобных честных трудяг. Так и рубится, рубится под всеми нами сук. Хотя со времен Адама Смита известно про простой продукт и прочее. Александр Иванович, как выразился он сам про себя, университет не кончал, но он это понимает...

Владимир СМОРЧКОВ

ЛЮДИ И ВЕЩИ В РЕКЕ ВРЕМЕНИ

Путешествия по залам Судиславского краеведческого музея

ПЕСНЬ ДЕРЕВА

"Песнь дерева" — так называется выставка работ резчиков по дереву, открытая этим летом в Судиславском краеведческом музее. Профессионалы и любители, взрослые и дети — ее участники как-то незначай доказали судиславцам, что древний промысел края жив.

— Знаете, народ у нас очень застенчивый, любит что-то делать для души, а выставляться не любит, — говорит Ольга Борисовна Копылова, устроитель выставки, она же директор музея. — Приходилось каждому автору доказывать, как интересно то, что он делает, уговаривать, но, если честно, не все на эти уговоры поддались...

Посмотрим, прислушаемся, о чем же здесь поют спиленные липка и дуб, ветка старой яблони или вишни, косточка можжевельника, твердолобый березовый кап... Душа дерева, найдя форму в руках мастера, находит и свою вторую жизнь.

Деревянные движущиеся игрушки Алеши Кроткова: "Поющие щиплята", "Дятел", "Собака и кошка" — пользуются большим спросом у покупателей. Встретить душевность и простоту традиционной народной игрушки, выполненной из природного материала, — большая теперь редкость. А резать липовые дощечки Алешу научил отец, Николай Павлович Кротков, преподаватель воронской средней школы. Работы отца и сына составили целый кухонный уголок выставки: здесь изящные подносы для пирогов, декоративный резной самовар, всевозможные полочки, украшенные геометрической резьбой, хлебница, набор разделочных досок.

А вот гостевой декоративный сервиз из дерева мастера Владимира Ивановича Ефимова: чайник, самовар, доски, покрытые словно кружевом. Сегодня из деревянной посуды никто не ест, не пьет, но

Ольга Борисовна Копылова.

ее точные гладкие бока так и тянут прикоснуться руками. В народной традиции выполнены Владимиром Беловым братина-ковш и огромная ложка, которой можно накормить не один голодный рот.

А теперь пройдемте-ка в резную "гостиную", обставленную мебе-

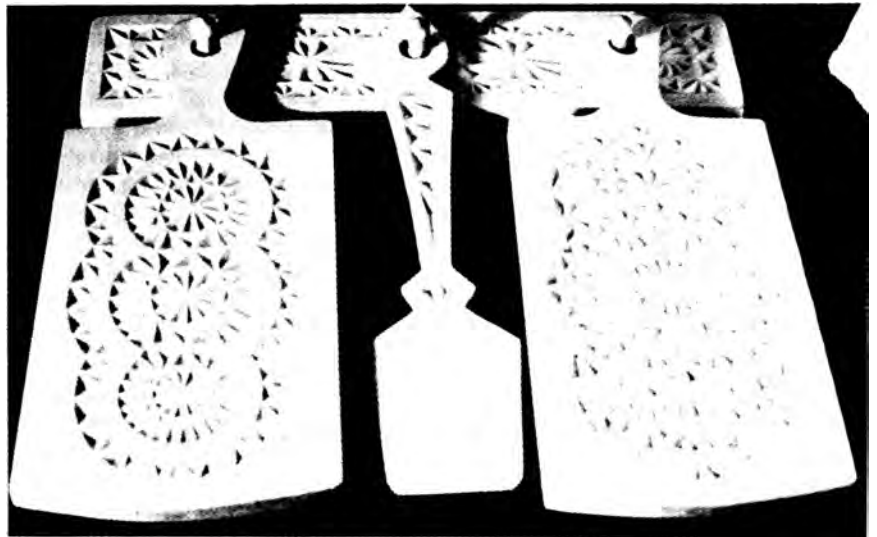
лю мастера-любителя Леонида Петровича Савиновского. Здесь стоят причудливые вазы из капа работы Василия Васильевича Кузнецова, точеные шкатулки Андрея Анатольевича Кашицына — словно яшма из сокровищ богини Флоры, сверкают они на солнце рожками полированными гранями.

Здесь резные и точеные подсвечники и сосуды преподавателя труда судиславской неполной средней школы Вячеслава Николаевича Комиссарова и его учеников, искусно выразивших в своих работах теплоту и красоту дерева.

Собственно все, что не выберешь на выставке, может стать оберегом вашего домашнего очага. И знаете почему? Потому что вещи эти делались с любовью: каждая из них — в своем роде перенец, выпущенный творчеством природы и человека на волю.

СТАРИННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Выставку "Песнь дерева" завершает коллекция старинных плотничьих инструментов из фондов музея. Здесь рубанок-гостер для рельефной резьбы, вот дорожник, чтобы провести на доске дорожки-канавки, забытый бондарный

"Песнь дерева". Работа Алексея Кроткова.

Изделия старинных гончаров.

струг, которым выстругивались специальные вогнутые дощечки для бочки. С помощью отборника и фальцовки резчик-плотник мог вырезать узорчатые двери, наличники, да мало ли что. И совсем уж редкий экспонат — фуганок длиной в целый метр — мечта каждого настоящего плотника.

— Ольга Борисовна, жаль, наверно, что музей не располагает подобной же коллекцией резной старины, изготовленной с помощью этих инструментов.

— К сожалению, пока удалось собрать немного таких вещей. Но все же взгляните — теперь уж не встретишь такой работы. Ушат, маслобойка, пасхальница, лукошко — все из дерева и все служило человеку с древних времен. Это самый старинный промысел нашего края. Творчество наших предков во многом было утилитарно: из дерева мастерили чаще то, что необходимо в бгту. Вот смотрите: совки для зерна, орудия для обработки льна — трепало, чесало, гребни, прялки, рубель со скалкой...

— Утилитарно, конечно, но ведь и красиво. Что это за волшебный горшок! Он случайно сам не варит кашу?

— Только в руках волшебника. А вот глиняные игрушки Ольги

Рыловой из Раслова. Глина — самое первое богатство нашего края, и древние умели из нее творить чудеса. Широко распространен был кирпичный промысел: все, что нужно для строительства, делалось на месте. Прекрасные третьяковские дома, которые вот уже два века служат судиславцам, — из такого местного кирпича. На известных Ивановских ярмарках в Судиславле пользовались большим спросом корчаги, кринки, горшки, рукои́йники, сырницы, квашни, опарницы из "теста" местных гончаров. В деревнях Раково и Щипачево жили одни гончары.

— Теперь спрос на экологически чистую глиняную посуду, кажется, снова растет, как и на изделия кустарного ткачества. Современным мастерам есть что предложить?

— Увы, горшечный, глиняный промысел умер. А на домашних ткацких станках бабушки по деревням еще ткут свои половички и коврики. В Жваловском доме культуры даже открыта "Горница", обучающая молодежь этому ремеслу в рамках культурной программы "Возрождение". Но тут больше этнографический интерес, а не коммерческий. В этом году в районе не посеяно ни одного гектара льна — стало его выращивать экономически невыгодно. А когда-то было по-другому.

Крестьянские хозяйства широко торговали дмотканым холстом, этим кормились.

Еще у нас есть интересный экспонат — альбом натуральных образцов ручного ткачества 1899 года, попавший в музей из известной судиславской семьи Невских. Здесь есть совершенно забытые в эпоху турецкого и японского полиэрила, заполонившего наш рынок, натуральные русские батисты, маркизет, шерстяное трико, сарпинки — тончайшее льняное рубашечное полотно в крапинку и мелкую клетку...

— А из традиционных промыслов какие-то еще живы?

— Пожалуй, единственный — валено-катальный промысел деревни Глебово. Издревле эта деревня славилась лучшими валенками. На базе сельских кустарных

мастерских была создана здесь валяно-катальная фабрика с названием "Костромское руно", и ее продукция стала известна далеко за пределами области. Теперь фабрика акционирована, но по-прежнему продукция ее на высоте и пользуется большим спросом. Используется здесь только натуральная шерсть — валенки получаются теплые и мягкие и ни в чем не уступают валенкам древних мастеров.

Вообще-то, если вдуматься, и открытие зверосовхоза под Судиславлем — не случайность. Когда-то наши края славилась выделкой кож и овчин. Судиславские шубы отличались и своей отделкой. Взгляните: это один из первых экспонатов музея — овчинный тулуп, с каким вкусом выбран цвет, вышивка, и сколько же десятилетий он служил человеку!..

ЭТО ЖИВОЙ ДОМ

— Ольга Борисовна, кто-то давным-давно считал овчинный тулуп и так вот просто увековечил себя — попал в музей, в историю. Что вы чувствуете, когда посетают вас подобные мысли?

— Музей — это живой дом. Здесь хранится жизнь людей, запечатленная в творении их рук. Когда думаешь об этом, хочется ничего не пропустить.

Обработка льна. Из коллекции Судиславского музея.

Фальшивая монета купца Папулина.

— В настоящем это, может быть, и возможно, но ведь в прошлом — что пропущено, то пропущено...

— В музейной работе есть одно чудо, почему она так и притягивает. Чудо возврата. Видишь старинную вещь, или дарят музею что-то. Начинаешь изучать ее историю, погружаешься в глубокую реку времени и замечаешь некий магнетизм пропущенного, которое хочет выплыть. Так в 80-х годах на одной из встреч с ветеранами войны бывшая зенитчица Антонина Кузьминична Никандрова случайно сказала: "А хотите, я вам подарю пять рублей золотом 1830 года, правда, они фальшивые..." Копала она свой огород в районе Заозерья, где раньше стоял раскольничий скит, и так, невзначай, нашла материальное подтверждение тому, что здесь купец Папулин содержал фальшивомонетный "двор".

Алевтина Константиновна Муравьева преподнесла музею очень ценный дар: старообрядческое Евангелие, наперстный крест и уникальную перламутровую икону — Христос с апостолами, 2-я половина XVIII века. Оказывается, ее бабушка была портнихой в семье Третьяковых, обшивала 13 детей и хозяйку, которая, как выяснилось, была старообрядкой и старалась обратить и портниху в свою веру. Вот так начала складываться коллекция по истории старообрядничества.

Сейчас люди перестали бояться своего прошлого. Поэтому оно приоткрывается нам в совершенно неожиданных подробностях. С 17-го по 80-е годы лежали

в дровянике Москвиных два царских портрета на металле 1894 года. Время стерло богатую позолоту рам, но лики, писанные маслом, видимо, с каким-то секретом, остались совершенно нетронутыми. Портреты эти подарила музею Лариса Николаевна Москвина.

Благодаря дару Прасковьи Ивановны Большаковой вы можете узнать время по серебряным часам мастерской Павла Буре, известного поставщика двора Его Величества.

ДАРИТЕЛИ

— Узнать время, действительно, можно по бескорыстию людей. Скажите, и теперь еще есть у музея дарители?

— А как же иначе. У нас совершенно нет средств на пополнение фондов. Как бы музей развивался?.. Чаще всего музейная коллекция пополняется интересными вещами после очередной выставки. Например, из частных коллекций, из собрания семейных реликвий. Была у нас такая выставка: "Самовар и чайная посуда". Вера Алексеевна Зимина подарила много прекрасных вещей после закрытия экспозиции. Значительную часть фондов составляют дары Крыгиных-Соловьевых, особенно Софьи Дмитриевны.

Интересный архив передала музею Татьяна Сергеевна Соловьева, отличник народного просвещения. Здесь фотографии и документы начала века, воспоминания о купеческих домах, старинный веер и шкатулка и многое другое. Однажды совершенно неожиданно наш сотрудник, Николай Александрович Сыров, подарил музею шитое мельчайшим бисером портмоне XIX века, доставшееся ему от прадедов. Есть и другие дарители, может быть, не столь дорогих и антикварных вещей, но тоже замечательных тем, как запечатлели они время и творчество человека. Художник Герман Комлев, московский поэт Виктор Афанасьев, уроженцы Судиславля, краевед и журналист Александр Яблоков и другие. Активным собирателем судиславской старины и дарителем был один из

основателей музея — Николай Федорович Мазурин, собравший немало старинных фотографий. С его коллекций и начинался музей. Первым директором стала Елена Семяникова, собравшая вокруг себя любителей старины, краеведов, которые работали в различных архивах, изучая историю местного края. Например, Павел Иванович Ростовиков с увлечением занимался темой "Старообрядцы и Судиславский край". Он по профессии был гидротехником, работал у нас землестроителем, по его проекту было "построено" рукотворное озеро "Комсомольское", сделаны расчеты при постройке плотины у "Юбилейного озера". На память музею он оставил макеты этих проектов...

И знаете, чем дольше я работаю, тем больше убеждаюсь: то, что значимо, не может остаться пропущенным, неузнанным, покрытым забвением. Казалось бы, случайные находки и встречи с человеком или его творчеством — вовсе не случайны...

* * *

В реке времени одухотворенные люди и одухотворенные вещи ищут друг друга, чтобы укрепиться. И доплыть до берега. И построить свой живой дом. В фантазмагорическом фильме "Посетитель музея" Лопушанско-го на это отпущено слишком мало времени — два часа отлива, а потом старый заброшенный музей снова оказывается под водой, "живой дом" опустошается равнодушной стихией, враждебной человеческой памяти...

Нам отпущено побольше двух часов, чтобы укрепиться в своей исторической памяти, укорениться на той земле, что родила нас, и что-то хорошее для нее сделать. Загляните при случае в Судиславский краеведческий музей, каждому посетителю здесь рады, как гостю. И, может быть, совершив путешествие по этому живому дому, вы будете иначе жить?

Путешествовали
Татьяна ГОНЧАРОВА,
Ольга КОПЫЛОВА,
Георгий БЕЛЯКОВ

ПОКА НЕ ПОГАС БЛЕСК ОЧЕЙ

В Судиславском музее вспоминают такой случай. В музыкально-литературном салоне во время выступления А.Б.Смирновой одна москвичка, приехавшая отдохнуть на местную турбазу и оказавшаяся на концерте, вдруг заторопилась к выходу. После концерта незнакомка, оказавшаяся сотрудницей столичного музея, извинившись перед Александрой Борисовной, призналась: "Понимаете, слушала ваше прекрасное пение, дивясь тому, как вы глубоко чувствуете старинный романс, и вдруг подступило такое сомнение в реальности происходящего. И мне нужно было выйти на улицу, увидеть эти судиславские дома, прохожих на этих улочках, чтобы убедиться, что это не наваждение, не мираж, что это я слышу действительно здесь, в этом захолустном поселке городского типа"...

Александра Борисовна Смирнова, преподаватель Судиславской музыкальной школы, а теперь еще и научный сотрудник местного музея, а если точнее — хозяйка и душа музыкально-литературного салона, который три года назад появился в музее, — коренная жительница Судиславля. Природа наделила ее красивым голосом и душой, тонко чувствующей красоту в музыке, в искусстве вообще и в жизни. Жизнь в провинции не приземлила ни этот голос, ни эту душу. И, к счастью, так обстоятельства сложились, что хоть не в самые лучшие и молодые годы, но смогла Александра Борисовна заняться тем, к чему всегда стремилась.

— *Александра Борисовна, как же это случилось, неужели в молодости никто на ваш талант не обратил внимания?*

— Музыкальная школа в Судиславле открылась в 1973 году. Мне уже было 13 лет. Я, конечно, сразу же пошла учиться баяну, потому что класс фортепьяно закончить бы уже не успела. А баян был для меня более доступным инструментом, я в десять лет научилась играть сама.

Когда пришла в детскую музыкальную школу, я уже и ноты знала, и хорошо подбирала на слух. Заканчивая эту школу, я уже работала. Конечно, я всю жизнь пела, и мечта была идти учиться дальше. Но уверенности, что ли, не хватило. Хотя в 17 лет я съездила в Москву на телевиде-

Александра Борисовна Смирнова.

ние с симфоническим оркестром Костромского музыкального училища, спела там алябьевского "Соловья", и говорят, неплохо спела. А почему я попала на телевидение? В то время очень активно начинали в области работать народные филармонии. В Судиславле ею руководил наш директор школы С.А.Полоедов. И вместе с педагогами занятия по музыке в университете культуры проводили и мы, учащиеся. А первый набор ДМШ был народный, взрослый, серьезный — кстати, почти все до сих пор музыкантами работают. И вот мы брали какую-то тему, сами писали конспект и готовили музыкальные иллюстрации. Кажется, на таком занятии и обратили на меня вни-

мание московские телевизионщики.

После телевидения передо мной открывался путь в консерваторию, но, видимо, люди, ставшие меня "протолкнуть", меня не очень убедили. Не было, видимо, в ту пору и такого огромного желания петь. А сейчас жалею...

Дальше жизнь сложилась так, что встретился человек, которого я полюбила, в 19 лет вышла замуж. Родился ребенок, и учебу пришлось отложить. Уже заочно я заканчивала училище культуры.

Станислав Александрович Полоедов оставил меня работать в школе. Потом захотелось с самыми маленькими вести музыкальные занятия, 9 лет работала в детском саду, очень интересно было.

Желание петь окрепло, когда сын уже подрос, стало полегче в семейной жизни. Я уже сама почувствовала: внутри что-то не дает покоя. Но были концерты к празднику, к какому-то мероприятию. Это в сборной команде, где ты ютишься в кулисах и вечно инструмент ставят не там, где нужно. Это вышел — и спел какие-то два номера между другими выступлениями. А пела-то я в основном классику — нужна и психологическая подготовка, и определенный настрой. Ездил неоднократно и в Ленинград на большие смотры, но там все-то же: главное внимание коллективам, а мы все время как бедные родственники. Несколько раз заявляла: не хочу я больше выступать.

И вот когда вновь перешла в музыкальную школу, там директором пришла женщина энергичная, с новыми идеями, хотя и своенравная — Любовь Викторовна Бальцева. Она и сама петь любила, и мы с ней много дуэтов перепели. А университет культуры в школе работу не прекращал. И я всегда готовила для его занятий песни, уже тоже ставшие

классикой. Дунаевский, Эшпай, Бабаджанян, Аедонпджкий. Ну и, конечно, романс — классический и старинный. И вот уже стали набираться обширные программы. Много, правда, проблем было с концертмейстерами, но вот лет семь назад приехала сюда наша выпускница Ольга Сергеевна Рончи, и с тех пор мы стали с нею работать. Позже к нам присоединилась скрипачка, тоже педагог нашей школы Ирина Смирнова. От них я большую поддержку получаю и рада, что имею таких концертмейстеров, которых высоко оценивают не только в Судиславле.

— *А как появился у вас вот этот зал, этот салон?*

— Когда накопилась уже программа большая, на два отделения, мы решили устроить творческий вечер. Он не был приурочен к какой-то дате. И вот хороший такой, интересный вечер состоялся в апреле 1994 года. С него все и закрутилось. В.Т.Мамонтов, наш постоянный слушатель, помог записаться в Костроме в студии. Появились кассеты, чтобы мы могли себя со стороны послушать, а это очень много дает исполнителям. На следующий год — первый концерт в Костроме в зале Дворянского собрания. А уже в воздухе витала мысль о том, чтобы у нас в Судиславле появился зал, где бы мы могли петь. Ведь в музыкальной школе зал и маленький, и очень слабый по звуку. А тут музей как раз переехал в этот старый особняк. И директор музея О.Б.Копылова поняла мое желание, пока есть еще силы и возможности, заняться музыкальным воспитанием и маленьких судиславцев (для детей у нас есть свои программы), и взрослых его жителей. И чтобы появился в поселке зал, где могли собраться те, кто любит музыку и литературу. А раз в этом зале будут экспонироваться картины, чтобы все это сочеталось и дополняло друг друга. Теперь так оно и есть, но рождалось все не вдруг: время-то трудное, особенно на средства. Помогал и глава районной администрации, и работники музея-заповедника.

— *Интересно, а кому раньше принадлежал этот особняк?*

— Семье Соколовых. Затем в Судиславль приехал земский врач Невский. Он не был коренным судиславцем, но вошел в семью Соколовых. И на моей памяти все судиславцы так и звали "Дом Невских". Я еще хорошо помню Сергея Александровича Невского. Он уже старенький был, но очень любил шутку. И семья его была — театралы, му-

Роман Смирнов.

зыканы. Летом, когда окна были открыты, из них слышались звуки рояля. И вот теперь музыка как бы вернулась в дом. Это мы всегда подчеркиваем, когда к нам новые люди приходят.

— *А вообще, видимо, есть определенный круг людей, которые на ваши вечера приходят?*

— Он есть, но мы даже не можем всех желающих пригласить: зал ведь тоже не очень большой. К тому же стараемся постепенно вводить в этот круг новых людей, особенно молодежь.

— *С появлением этого салона у судиславцев появилась возможность чаще видеть у себя каких-то интересных гостей?..*

— Да. И особенно богатым был прошлый год: приезжали

американские писатели, Лермонтовы у нас были вместе с ансамблем "Романс Натальи Павловой"... Да столько было интересных встреч.

— *А как вы выбираете песни и романсы, с которыми выходите к людям?*

— Только что-то близкое моему складу душевному. Я почти не пою ничего мажорного, очень редко промелькнет какой-то веселый номер, чтобы уж не совсем на грустный лад слушателей настроить. Стараюсь наряду со знакомыми вещами найти что-то неизвестное, редко звучащее. Совсем пропала нотная литература. Но у нас на концерте побывали отдыхавшие на турбазе москвичи, и у нас теперь такая связь наладилась: то ноты присылают, то струны для скрипки. И сами часто к нам приезжают. Вот, например, они прислали этот сборник "Из семейного альбома Шилловских. Старинные романсы". Меня очень привлекли романсы отсюда. Вот один, например, по мелодии и по настроению очень мне близкий:

*Мне грустно, друг мой, оттого,
Что лето знойное
так быстро миновало,
Что мрак глядит
ко мне в замерзшее окно,
Что на полях цветов не стало.
Мне грустно оттого,
что блеск очей погас
И старость серебром
мне куורי завивает,
Что молодость
так быстро пронеслась...*

Или вот три сборника, составленные Анатолием Титовым: "Дворянский романс", "Романс-ответ" и "Былые напевы". Ведь романс долго изгонялся со сцены, и здесь утрачено очень много. И хорошо, что есть люди, которые снова собирают, и мы имеем возможность их вновь услышать.

— *Александра Борисовна, а ваше трио еще тем дорого, что дает возможность судиславцам услышать хорошую музыку в хорошем исполнении, да еще — живую. Это ведь такая редкая в провинции возможность! А с дру-*

Роман Смирнов. "Летний полдень".

гой стороны, всю жизнь здесь прожить и сохранить себя для искусства — это ведь не просто. Что же вам-то помогало? Жизнь в Судиславле — это еще и постоянное преодоление, житейские заботы...

— Я с детских лет ощущаю какую-то теплоту от старых судиславцев, которые сейчас уходят потихоньку. Ощущала это еще маленькой девочкой: петь-то я рано начала. Люди, видно, что-то во мне чувствовали и старались поддержать. Ну, а новое поколение? Для того мы и салон открыли, чтобы в молодежь что-то хорошее, теплое заронить, чтобы молодые совсем-то не окунулись вот в эту нынешнюю музыку, совершенно другую.

А быт в нашем маленьком поселке, конечно, заедает. Вот ты соприкасаешься с высоким, а домой приходишь — и столько совершенно иных забот и дел, причем в таком количестве, что не знаешь, с чего начать. Конечно, хорошо переключиться, можно там цветочки посадить. Но когда не успеваешь, делаешь тяжело и столько!.. Я не согласна с тем, что нас поставили в такие условия. Каждый должен заниматься своим делом. А получается наоборот: свое, главное приходится делать между другими делами. А ведь надо настроить себя, элементарно привести в порядок, чтобы идти к слушателям. И не просто спеть, а чтобы душу

свою вложить, чтобы это было на уровне хорошо. Тяжело...

А потом тебе самой тоже требуется подпитка. А я несколько лет никуда не выезжаю, ничего не черпаю. Хочется вдохнуть другого воздуха. И даже другого слушателя. Новый слушатель — это новые ощущения, новые глаза, новое общение душ. Это подпитка идет для дальнейшей работы. Чтобы не погас блеск очей.

... Она в детстве любила еще и рисовать. И сейчас, видимо, эта-то струнка зазвучала, проявилась у ее сына. Роман начинал с графики, сейчас серьезно овладевает живописью. Больше всего вдохновляют его красоты родных мест. Одна из первых картин Романа Смирнова с видом Судиславля висит в кабинете главы районной администрации В.Т. Мамонтова. Два года назад познакомился Роман с судиславским уроженцем, художником Г.А.Комлевым, и тот втянул его в работу над марками. Одна серия марок Романа для Танзании уже выпущена и прошла успешно.

Но опять же жаль Александре Борисовне, что, когда рос Роман, не было в Судиславле художественной школы (открылась она лишь три года назад), так что поучить изобразительному искусству сына ей не удалось. В чем-то, возможно, повторяет Роман свою маму. У Александры Борисовны самое заветное желание, чтобы судьба его сложилась удачнее, чтобы смог он раскрыть свои способности раньше и полнее, чем это случилось в ее жизни.

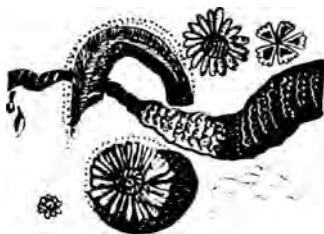
Владимир СМОРЧКОВ

НА РЕЧКЕ КОРБЕ

Виктор АФАНАСЬЕВ

*Тихо, хорошо на речке Корбе:
луг, березы, у воды ивняк.
Тетя Шура тащит сено в корбе,
намотав веревку на кулак.*

*Сколько лет ей? Темная, сухая,
сколько ни прошло бы — все такая,
как земля, как небо, как вода,
созданные раз и навсегда.*

*Возвращусь я из лесу голодный,
котный, от усталости без ног —
простоквашей угостит холодной,
вытащит из печки чугунок.*

*Все бывало в мире — счастье, лихо:
лвы молчим, все похитит и так...
Хорошо на речке Корбе, тихо,
шепчется над олмутом ивняк.*

Ансамбль назвали «Надежда»

Посмотрите на этих "художественочек", как иасково назвали когда то жителии, поселка живиий здесь врач-педиатр и поэт Виталий Козрян. В каждой своя неповторимая красота. Жуть красивые,ии обя зывает их и профессия: работник культуры – это значит все время среди людей и все время на виду. На сцене районного Дома культуры иии сельского клуба, на импровизированной эстраде на площади поселка, а то просто на деревенской лужайке иии эиий в доме одной из бабулек, доживающих свой век в иа маленькой деревне... Они работники передвижного культу рного центра "Лосунг". Организуют праздники в рай центре и праздники иа,ых деревень, показывають ска зочные представления детворе и проводят шоу про граммы с молодежью. Да иа,ю ли что еще прихл

дятся ииу делать. А все время они с песней. Это му несколько лет назад заведующая отде.юи культуры А.Н.Аванова пред.южила ииу название – ан са,юв "Надежда".

С эти,и ииен,и они теперь и работают. А живут с надеждой, что их песни по,югоают людям преодол евать трудности непростой бытливией жизни. А, глядя на веселые лица, слушаая их песни, люди ииу ду мать не должны, что сами эти певурии уже кото рый месяц без зарплаты. "Такая у нас профессия! – улыбаются девушки из "Надежды". – Это ничего, вот на,и бы еще музыка,льное сопровождение подходя щее, а не на нашей примитивной техникке сделанные фотографии – забуща,и бы ииу не хуже Фабкиной иии Кадрышевой..."

Ансамбль «Надежда» (слева направо): Полежаева Галина Викторовна, Фокина Надежда Константиновна, Копылова Людмила Анатольевна, Орлова Елена Викторовна.

Откуда и куда течет «ЖИВАЯ ВОДА»

В прошлом году появился в Судиславле этот музыкальный коллектив. В составе его — преподаватели музыкальной школы, медицинский и милиционерский работники, учителя. В общем, как говорится, люди разных профессий, которых что-то объединяет. Автор песен — Сергей Адольфович Попов, директор Глебовской школы. С ним и начинается наш разговор.

— Скажите, пожалуйста, что такое «Живая вода»?

— Трудно сказать, что это такое. Если формально, то музыкальный коллектив, исполняющий

песни от женского лица. Люди в коллективе разные — и по возрасту, и по роду занятий, но очень близкие по духу и миропониманию, по тяге к нереализованному творчеству. Захотелось поделиться с окружающими людьми нашим пониманием жизни. Вот и поем.

— И о чем, интересно? Какие песни Вы пишете? Как все началось?

— Раньше я писал песенки для себя и для друзей. А тут год назад обратился ко мне сугубо женский коллектив с просьбой написать для них несколько песен. В прошлом году на Дне Судиславля выступили, понравились друг другу и, вроде бы, зрителям. С этого времени все и началось, общее дело стало

Музыкальный коллектив «Живая вода».
В центре — художественный руководитель Надежда Котлова.

частью нашего существования. В женский коллектив пришли двое мужчин: я и майор милиции Павел Малинин. После чего коллектив поменял название: была "Ивушка", стала "Живая вода".

— *Есть что-то общее. Ивушка ведь тоже возле воды растет. Значит, мужчины играют, а женщины поют?*

— Именно так. Спасибо администрации района, она купила нам два инструмента. А еще женщины делают аранжировку моих песен, я ведь все-таки любитель, а этим делом должны заниматься специалисты. У Надежды Евгеньевны Котловой, нашего художественного руководителя, получается хорошо. Она умеет работать с людьми.

— *Вы предлагаете, а они выбирают? Или вы вместе определяете репертуар?*

— Они все делают по-женски деликатно, не говорят нет, но дают понять, что иногда получилось не очень. Приходится еще поработать, чтобы всем нравилось.

— *А песни, связанные с местным краем, в вашем репертуаре есть?*

— С местным краем связана пока одна песня, "Судиславль", ставшая музыкальной заставкой на районном радио. Хотя по ощущению, по внутреннему смыслу с местным краем связаны все мои вещи. Это провинциальная песня, рифмованное чувство, рифмованная ностальгия, если хотите.

— *И многих людей вы за год "оживили"?*

— После выступления на Дне Судиславля мы дали концерт для наших почитателей в поселке, потом несколько раз выезжали в сельские дома культуры. Биография у нас, собственно, еще совсем короткая, постоянно встречаться не получается, но уже тянет друг к другу. Коллектив наш существует при районном отделе культуры, но репетиционная база чаще всего у Надежды Евгеньевны дома.

А вот и сама она. Художественный руководитель "Живой воды" Надежда Котлова продолжает наш разговор.

— *Не жалко вам было "ивушку" менять на "воду", пусть даже и "живую"?*

— "Ивушка" — это женщины без музыки, без мужчин. А "Живая вода" — это живой голос, пение без фонограммы. И еще — ассоциация с источником, в нем люди всегда искали силу, молодость, вечность. Мы долго думали над новым названием, вживались в его смысл, сейчас оно нам стало очень близким.

— *Старые, еще "ивушкины" песни вы сейчас поете?*

— Знаете, мы поем сейчас только песни Сергея Попова. У него идея море, потому и у нас работы захлеб. Аранжировки, репетиции, концерты. Все работают на общественных началах, только я в отделе культуры полставки получаю.

— *Раньше таких людей называли энтузиастами, а сейчас?*

— Дело не в названии. Просто мы получаем моральное удовлетворение от концерта. Публика нас принимает хорошо, иногда люди в зале плачут.

— *Даже так? А может, народ по другой причине плачет. Например, зарплату не получили?*

— Да нет, от песен. В основном репертуар наш для людей за 30 лет. Так сами послушайте, солистка у нас Наталья Смирнова, она самая молодая, голос у нее, как колокольчик.

— *С удовольствием, тем более, что как раз подхожу по возрасту.*

СУДИСЛАВЛЬ

*Надо мной облака васильковой России,
Как столетья, летят вещей птицею в даль.
Каждый новый рассвет, как ребенок, красивый,
И, как в детской ладошке, мирно спит Судиславль.*

*Мой Судиславль, я вернулась и с новой надеждой,
Мой Судиславль, я вдыхаю Отчества дым.
Мой Судиславль, ты судьба моя, ты моя нежность,
Мой Судиславль, оставайся всегда молодым.*

*Кроны вечных деревьев, что над озером гордо,
Словно витязи, рвут над собой неба высь.
Сотни лет берегут от беды они город,
Где когда-то мы все и в свой час родились.*

*Я по улочке тихой добираться до дома,
В этот миг все тревоги мои далеки.
Здесь мне дорого все и все очень знакомо,
Здесь свой век доживают мои старики.*

Мой Судиславль...

Ну вот, теперь он стал немного и моим тоже, знакомым и чем-то дорогим. Жаль только, что нельзя передать на бумаге мелодию этой грустной и светлой песни. Ее хочется слушать еще и еще раз. А голос у Натальи Смирновой, действительно, как колокольчик. Везет Судиславлю на певчих людей вообще и на Смирновых в частности. Как, наверное, в свою очередь повезло им жить в этом поэтичном месте у Соборной горы, над озером и вечными деревьями.

Николай МУРЕНИН

ШАРЛЬ ПЕРРО НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА

В Судиславле в Доме детского творчества школьники играют сказки Перро на языке оригинала. Живость французского, которую отмечал еще Лермонтов, сочетается с живой непосредственностью юных актеров и в игре, и в песнях, которыми насыщены судиславские интерпретации "Спящей красавицы" и "Красной шапочки". Все это увлекает зрителей, не мешает и языковой барьер.

А рождением этого театра Судиславль обязан традиционному фестивалю театра и кино во французском городе Авиньоне. Юлии Ворониной посчастливилось побывать на таком фестивале два года назад. Много интересных встреч с режиссерами из разных стран мира было у нее за этот месяц в Авиньоне. Пробовала молодежь, в качестве гостей приехавшая на фестиваль, и сама играть, ставить свои спектакли под руководством педагогов из театральных школ Франции. И было это так увлекательно, что

именно тогда у выпускницы Костромского пединститута появилась такая мысль: со своими будущими учениками создать театр на французском.

Вернулась Юлия в родной Судиславль. Стала преподавать английский и французский в здешней неполной средней школе. Сегодня, понятное дело, большей популярностью пользуется английский. А в группы французского языка, который больше нравится Юлии, попадают не "отборные" дети, а ученики, родителям которых, как правило, безразлично, какой язык будут "проходить" их дети. Но убедилась молодая учительница, что и с такими детьми можно добиться неплохих результатов. Многим школьных уроков оказалось мало, и они прибегают на занятия в кружки, которые ведет Юлия Павловна в Доме детского творчества.

Вот здесь уроки французского и обрели форму театра. Педагог поняла, что чем больше загру-

зить ребят в эти полтора часа, тем лучше. А дети еще маленькие, поэтому здесь постоянная смена деятельности: репетировали одну сцену — начали разучивать песню ко второй сцене, попели — взялись за танец.

— Никогда не трачу много времени на текст. — объясняет Юлия Павловна. — Дети его выучат и дома. Здесь же им хочется как можно скорее влезть в костюм и играть, играть. Как будто уже идет выступление. Вообще, они любят играть на зрителя. Когда для конкурса надо было снять спектакли на видеопленку, без зрителей в зале, было ужасное стеснение перед камерой, пришлось делать много дублей. Они ведь привыкли, чтобы в зале смеялись или замирали от страха...

А видеозапись понадобилась вот для чего. В Костроме в апреле проходил конкурс театральных постановок, организованный по инициативе французского посольства. Но в театре 18 человек занято, все кружковцы, вывезти их вместе с декорациями, костюмами не было возможности. Тогда-то и решили прибегнуть к видеозаписи.

Кстати, театр из Судиславля занял на этом конкурсе призовое место, о нем узнали и в Москве, куда увезла видеокассету сотрудница посольства, входившая в состав жюри.

— Мне бы в школе эту идею ни за что не осуществить, — говорит Ю.П. Воронина. — А в Доме детского творчества нашли помощники. Ими стали в первую очередь директор Светлана Александровна и методист Татьяна Витальевна Иванова, они и оформлением спектаклей занимаются, и костюмы шьют.

Сделать спектакли яркими и зрелищными помогают и музыка, и песни. Вот тут-то очень кстати

Участники спектакля «Спящая красавица».

оказалось образование, полученное когда-то самой Юлией Павловной в музыкальной школе...

Ребята из кружка английского языка тоже театром заболели. Правда, на английском зрители увидели пока один спектакль — "Золушку". А уж сказку того же Перро выбрали сами ребята: там в кружке есть девочка одна — ну просто вылитая Золушка...

А сама Юлия Павловна признается, что к стыду своему толь-

ко в Авиньоне она узнала, что Перро, оказывается, писал свои сказки для взрослых. И не очень-то совпадают оригиналы с теми переложениями, переделками, которые каждый из нас знает с детства. В той же "Красной Шапочке" у подлинного Перро побеждает зло. Волк безнаказанно съедает главную героиню. А заканчивает Перро свою сказку обращением к симпатичным девицам: не разговаривайте с первым

встречным, незнакомым мужчиной. Вообще, моралью у Перро заканчивается каждая сказка. Скажем, смысл ее в "Спящей красавице" такой: так просто лежать и ждать, когда придет жених и тебя поцелует, — просто невыносимо для женского пола; не надо лежать — нужно действовать.

И ученики Юлии Павловны просто загорелись этим: в своих спектаклях познакомить зрителей с задумками настоящего Перро.

РИСУЮТ МАЛЬЧИКИ ДОМА

Рисуют церкви и деревья. Это, конечно же, лучше, чем рисовать танки и "катюши", как в известной песне Жанны Бичевской. И девочки тоже рисуют. Дома, в которых живут, улицы, по которым ходят, поселок, который любят. Все, что вокруг, надо увидеть, почувствовать, выразить, будь то "Закат" Оли Яблоковой или "Цветы и птицы" Иры Смирновой. Сказочные герои ходят здесь по знакомым лесам, вполне земные мотивы соседствуют с фантастическими. Рисуют дети, и так хочется долго смотреть на этот удивительный мир их любопытными глазами.

Детская художественная школа в Судиславле молода — и по

Сорокин Леша.
"Вечерний покой".

своему возрасту, и по возрасту учащихся. Да и приветливые хозяева ее, преподаватели Олег и Лариса Опацкие, еще в тех годах, когда можно мечтать и строить творческие планы. И планы эти непременно станут делами, ибо говорить о детских увлечениях с таким интересом могут только педагоги по призванию. Впрочем, дела уже есть и сейчас. Вот, например, у тринадцатилетнего Алексея Сорокина открылась персональная выставка — как такому не радоваться. И скоро, возможно, выпорхнет она из родного школьного гнезда и полетит над Судиславлем, над Костромой, над Россией. А за ней полетят и другие выставкিপтицы...

Галаева Маша. "Иванушка".

Соболев Витя. "Миры".

ЖАНР, ПРЕДПОЧИТАЮЩИЙ ДОКУМЕНТ

С Германом Алексеевичем Комлевым, московским художником, широко известным вот уж 30 лет в среде филателистов, мастером почтовой миниатюры, знакомство оказалось весьма символичным. Каждое лето отдыхает он на родине, под Судиславлем, и в этот день в краеведческий музей привез в дар живописный портрет купца-благотворителя Ивана Третьякова.

— Герман Алексеевич, есть у вас какая-то фамильная связь с семьей Третьяковых?

— Прадеды были в родстве, правда, относительно. По материнской линии мы, Пугачевы, состояли в родстве с помещиком Нелидовым. Одну из девиц Пугачевых Нелидовы взяли на воспитание, дали образование за границей, дали свою фамилию и выдали замуж за кого-то из сыновей Третьякова. И по материнской, и по отцовской родне предки мои крестьянствовали. Бабушка Федосья похоронена в селе Болотово, откуда идет наш род. Дед по отцовской линии владел небольшой мельницей, а после революции до 36-го года работал здесь же просто мельником.

— Вы известны в Судиславле и как любитель старины. Очевидно, в этом портрете проглядывает собирательный образ судиславского купечества?

— Интересно выразился о Судиславле один из местных интеллигентов начала века Николай Любимов: "Здесь жили три сословия: купцы, крестьяне и жулики..." Традиции провинции очень устойчивы.

Я родился в доме, где проживала известная в городе своими малосольными огурцами купчиха Клавдия Ивановна Пушкина (сейчас дом № 41 по ул. Советской). Муж ее, купец, привез Клавдию из публичного дома, и стала она прекрасной хлебосольной хозяйкой. Был у нее какой-то особый секрет, как выращивать и солить огурцы. Кажется, с осени семена огурцов протравливались, укладывались в грядку, напоминающую короб, сверху — тол-

Герман Алексеевич Комлев.

стый слой навоза, а потом накладывалась стеклянная рама — так они зимовали. Весной раму снимали, и в конце июня, в Иванов день, весь Судиславль уже лакомился вязниковскими малосольными огурчиками Клавдии. Помню, как она варила на веранде в большом медном тазу варенье. Крикнет нам, бывало: "Ребята, несите куски хлеба, намажу пенкой..." Вся ребячья округа знала, когда варится это варенье, и сбегалась за лакомством. Ивановские ярмарки на Иванов день, как ничто другое, раскрывали судиславское купечество. К этому дню весь люд откладывал деньжата, потому что все можно было купить повыгодней, подешевле. Весь центр города в этот

день превращался в постоянный двор, приезжали торговать купцы из Макарьева и других городов губернии. Торговая площадь была в шатрах и балаганах, сопровождающих ярмарку. Грабли, горшки, ложки из дерева, дуги, хомуты, скобяные изделия, грибы и ягоды, квасы, морсы, леденцы, льняной холст, овчина, валенки... Трудно сказать, чего тут только не продавалось...

— Герман Алексеевич, как же так получилось, что вы вырвались из этой купеческой ауры города, захотели не торговать, а рисовать?

— Да вот, получился казус... Первый мой рисунок на продажу был как раз с "коммерческим уклоном". Учился тогда в 6-м классе и на спор с мальчишками нарисовал... червонец. Получился прямо как настоящий. Пошли мы в магазин и разменяли его. А на следующий день меня забрали — думали, какая группа работает. Чуть не посадили.

— Вот так шуточка вышла...

— Да... Страшные были годы. И знаете, хоть я был еще пацаном, сразу почувствовал: Все от меня отвернулись, забоялись. Я, как враг народа, остался один. Может быть, спасло меня то, что отец мой служил в местном НКВД, и в этом же 45-м году он погиб на фронте, и у матери нас осталось четверо на руках.

Как только закончил 7 классов, я сразу "от стыда" уехал учиться в Кострому и поступил в художественное училище Николая Павловича Шлейна. Судьба не раз делала мне подарки. Так вышло и со Шлейным. Детей у них не было, пустой дом, види-

мо, угнетал, меня взяли в него как сына, бесплатно учили, кормили. Прожил я с ними около двух лет, пока не пришел срок идти в армию.

— *Общение с этим известным художником, наверное, не прошло для вас бесследно?*

— Сейчас я клянусь себя, что не записывал, не придавал значения этому, а ведь Шлеин рассказывал такие интересные вещи о дореволюционной жизни России, Костромы. Когда он напивался, он нещадно ругал власть. Надо сказать, он с ней, властью, не очень церемонился. Он был несчастным человеком, почему-то его всегда преследовала молва: то, он, видите ли, еврей, то осведомитель НКВД. Шлеин получил самое аристократическое по его временам воспитание и образование. Он закончил Академию художеств, был знаком лично со многими известными людьми, и даже после революции у него была обширная европейская почта: художники из эмиграции писали ему, ища совета и информации. В 48, 49, 50-м годах я получал за него почту и денежные переводы из-за рубежа и знаю об этом не понаслышке. Он уже сильно был болен из-за постоянных запоев. Уже почти не работал. А заплито из-за чего? Не мог воспринять эту новую систему, новую русскую элиту. Шлеин был человеком старого русского общества, который, к тому же, повидал мир. "Где я только не был... может быть, на каком-нибудь Мадагаскаре..." — любил повторять он почему-то с горечью.

Однажды вечером он сильно напился после визита к нему молодого чекиста и стал сжигать все, что ему попадалось под руку. У него книга воспоминаний была написана, почти полностью готова... Бежит жена: "Гермаша, помоги, он все сжигает!..." А там чудесные акварели, рисунки — Капри, Горький... Ревет в печи огонь, горит целая пачка бумаг. Я подскокил, а Шлеин был очень сильным человеком: как дал мне разок, так я в угол и отлетел: "Не лезь". Ну, пошумели, пошумели... Надо сказать, жена Шлейна,

Герман Комлев.
"Купец И.П.Третьяков".

может быть, еще более несчастная, тоже пила с ним. Часто дело доходило до того, что мне, 14-летнему подростку, приходилось разнимать их...

В тот вечер он многое сжег. Записки его касались 1910-го года, но, видимо, в них фигурировали личности, которые могли скомпрометировать его даже в 50-е годы... Хотя, казалось бы, сколько лет прошло. Вот как время бывает обратимо.

— *Скажите, а миниатюрной графикой вы начали заниматься тогда, у Шлейна?*

— Знаете, мне всегда нравилась миниатюра. Большие полотна не хватало духу сделать... Был, правда, смешной случай, когда я служил художником политотдела морской базы в Ленинграде. Хрущевское время, оттепель. Налаживается связь с Югославией, с Тито. И вот он должен был прилететь в Ленинград и посетить учебное заведение, которое когда-то закончил. А там есть портреты всех выпускников-начальников, а Тито — нет. Меня начальство — на ковер. "...Чтобы завтра к 8 утра висел портрет". И дают мне фотографию, где Тито при всем параде. Ну что... не спал ночь, сваял "так хитренько" большое полотно под масляную живопись.

В 6 утра уже прибежал ко мне полковник за работой. Понравилась. Дали мне за Тито 10 суток увольнительной. Так, бывало, до 8-ми раз в год я ездил домой на побывку.

— *А потом, после армии, вы подружился с филателистами?*

— Сначала с журналистами, до 1962 года я работал художников в "Вечерней Москве" и других изданиях столицы. Интересно, наверное, вам будет для сравнения. Получив первый гонорар за полмесяца, я купил в подарок жене холодильник. Она, кстати, тоже судиславская. Мой заработок позволял ей 19 лет служить только дому, семье, детям.

Почтовой маркой занимаюсь где-то с конца 60-х. Сделал серию "История почты", которая выставлялась не раз.

— *Рассказывают, что именно марка подружила вас с Владимиром Александровичем Джанибековым и другими космонавтами. Вы заразили их не только марками, но и любовью к судиславской земле?*

— Володя Джанибеков летал в космос в 1978 году. К годовщине его полета я нарисовал на марке его портрет. Потом подружился, я увидел его рисунки и предложил: "Давай вместе делать марки..."

Он, действительно, полюбил Судиславль. Часто приезжал сюда вместе с семьей и друзьями.

Завязалась обоюдная дружба: не раз звездный городок принимал гостей — школьников и взрослых из Судиславля.

— *Видимо, разговоры о космосе и то, что марка — жанр, предпочитающий всему документ, так повлияли на вас?..*

— *Что вы имеете в виду?*

— *Вот разглядываешь ваши рисунки, посвященные Судиславлю, — они напоминают фотографию, снятую откуда-то оттуда...*

— Я, действительно, много снимал в Судиславле и считаю, что, если художник ищет символ, чтобы создать образ, он должен вести свои поиски и как исследователь — на исторической основе.

— Собираемый образ князя Судислава, который вы не раз искали, — тоже ведь непростая работа?

— Я уже писал в местной газете, сколь загадочна и еще не изучена история возникновения нашего города. Когда возник город? Имеет ли князь Судислав к нему отношение? На этот вопрос смогут ответить, наверное, только будущие историки, которые сидят сегодня еще за школьной партой. Нужно отлично знать старославянский и, может быть, другие древние языки, уметь работать в исторических и архивных фондах. И главное —

быть патриотом, иначе где тот двигатель поиска?

Или такой вот вопрос: почему на картах Московского государства XVI-XVIII веков отсутствует Судиславль? Везде отмечены города Кострома, Галич, а за ними нарисованы сплошные мрачные леса. В книге "Древняя Российская Идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие по ним городы и урочища и на каком оныя расстоянии", изданной Н.И.Новиковым в 1773 г. (СПБ), описаны на стр. 148, кроме Костромы и Галича, Буй, Соль Галичская, Чухлома, Судай, Коло-

грив, Кадый, Парфеньев. А Судиславля на Корбе, увы, нет, не ищите! Как маститый историк XVIII века мог не заметить наш город, к этому времени уже значительный, — вопрос. Но как бы то ни было, мое предложение остается в силе — может быть, пришло время поставить в Судиславле памятник князю Судиславу. Тут его "собираемый образ" был бы кстати. Русские князья, честно прожившие свою жизнь и безвинно пострадавшие, того заслуживают. Только не будем лениться собирать свою историю.

Бессонова

Татьяна ГОПЧАРОВА

"Вид г. Судиславля в XVI в." Рисунок Германа Комлева.

Олюнинская лыжня

Алевтина Олюнина родилась в деревне Пчелкино Судиславского района, где была родовая усадьба знаменитых мореплавателей Бутаковых, давших России несколько адмиралов-героев. Аля, конечно, выбрала путь сухопутный, точнее снежный, но характер имела морской — настойчивый, твердый. Лыжи поллюбила с детства, но когда уже стала перворазрядницей, врачи в Костроме запретили заниматься спортом: большое сердце. Однако девушка поступила по-своему: уехала в Горький, стала работать на автозаводе, а новому тренеру Александру Ершову про заключение врачей ничего не сказала.

— Алевтина Сергеевна, обычно в таких случаях человек все бросает, начинает лечиться, а вы что, врачам не поверили?

— Нет, не поверила. У каждого спортсмена на сердце бывают шумы, то есть оно от нагрузок немного увеличено. Болей у меня не было, в груди не кололо, я любила лыжи, могла кататься целыми сутками. В общем, верила в свои силы.

— Вы полмилите сейчас свои первые соревнования, первый успех?

— Сначала на первенстве Горьковской области я заняла 13 место, а уже через год его выиграла. Еще года через два я выиграла отборочные соревнования на Олимпийские игры в Гренобле. Было, конечно, неожиданно, но в спорте может быть всякое. Никому неизвестная тогда Галина Кулакова тоже выиграла отборочные с таким результатом, что поехала в Гренобль под первым номером. Олимпиаду я провела неудачно, в гонках на 5 и 10 километров заняла 9 и 11 места. Приехала огорченная, даже хотела бросить спорт, но тренер, Александр Максимович, поступил тактично, дал отдых, и я опять поставила цель — усиленно тренироваться, быть на лыжне до победного конца. Через два года на первенстве мира я выиграла "золото" на дистанции 10 километров и в эстафете. Потом стала готовиться к Олимпиаде в Японии,

Лыжницы Алевтина Олюнина и Галина Лаврухина с тренером Александром Ершовым. 1970-е гг.

там я получила золотую медаль в эстафете, серебряную на 10 километров и заняла четвертое место на 5 километров. И уже после следующего чемпионата мира, в 1974 году в Швеции, я ушла из большого спорта.

— Не считая орудия соревнований, две Олимпиады, два первенства мира, 8 лет активной жизни в большом спорте. Что еще, кроме золотых и серебряных медалей, многочисленных кубков и дипломов, дало вам это время?

— В то время мы были сильны дружкой, в других видах спорта такого не наблюдалось. И сейчас лыжная сборная команда страны того времени — жизнерадостна, объединена общим духом. Через 20 лет после большого спорта мы дружим и встречаемся ежегодно в Москве, ездим друг к другу в гости.

— Уйдя из большого спорта, вы стали поднимать спорт в маленьком Судиславле?

— Да, родная земля потянула меня к себе, и в 1991 году я из Горького вернулась в Судиславль. Встретили меня хорошо, как род-

ную, я очень благодарна руководителям района. Я поняла, что нужна здесь, особенно молодежи. Нужны мой опыт, мой пример. В спортивном отношении здесь было пусто. Я пришла в племзверосовхоз, директор Померанцев мне предложил: давай развивать спорт. Купили всем инвентарь — и взрослым, и детям, трассу сделали нормальную.

— Должность какую вам определили?

— Считалась звероводом в совхозе, а на самом деле была тренером-преподавателем. По-другому не выходило, но я ведь и в Горьком считалась строгальщицей на автозаводе, хотя входила в сборную команду страны и была олимпийской чемпионкой.

— Ну, и как первые тренерские шаги на судиславской земле?

— Знаете, когда меня пригласили на первую лыжную гонку, названную моим именем, деток было всего человек десять-двенадцать. Они сняли валенки, надели ботинки, и лыжня была вот такая. Но уже через год все было, как в на-

стоящем спорте: лыжня накатана "бураном", участники в форме. Сейчас гонка проходит ежегодно, приезжают лыжники не только из района, но и из Костромы, Нижнего Новгорода, Иванова. И мы к ним тоже ездим. Такие гонки нужно проводить еще и потому, чтобы дети знали, что люди из большого спорта не теряются в жизни, что они нужны, на их примере нужно воспитывать сегодняшнюю молодежь.

— Вы еще руководите местной школой олимпийского резерва. Чем занимаются учащиеся?

— Лыжами, борьбой, легкой атлетикой. Ездим на соревнования по кроссу, баскетболу. В школе занимается около сорока человек. Кроме того, я хожу в обычную школу, готовлю детишек, чтобы не с нуля у нас начинали.

— У вас есть в Судиславле ученики, помощники, продолжатели вашего дела?

— Я уже говорила, что помогают руководители и некоторые родители тоже. Я поставила правило, чтобы на занятия и соревнования ходили семьями. Возле фермы сделали освещенную трассу, покатаемся после работы, потом придем в спортзал, поиграем в баскетбол. 3-4 семьи ходят постоянно. Праздники, походы проводим вместе с детьми, футбол на снегу, катание на лыжах и санках.

Так начиналась в Судиславле Олюнинская лыжня. 1991 г.

— Вам, наверное, приходится выступать в школах. Есть у детей интерес к спортивной теме?

— Есть, причем в деревнях интерес большой. Там это пока событие — олимпийская чемпионка приехала.

— Алевтина Сергеевна, когда-то Вы планировали выиграть какие-то соревнования, мечтали получить олимпийскую медаль. Какие сегодня ваши планы и мечты?

— Жизнь сейчас сильно изменилась по сравнению с той, что была тогда. Надо, к примеру, приобрести новый лыжный инвентарь, а денег нет. Сижу над старым, который еще Померанцев дал, с ножницами и отверткой, шью, клею. Или можно

мечтать о том, чтобы росла достойная смена мне и Анатолию Шелюхину, но молодежь вынуждена думать не о спорте, а о том, как себя прокормить: на стипендию нынче не проживешь. Ведь, чтобы вырастить чемпиона, тренеру нужно все бросить, заниматься только этим делом, а ему сегодня тоже зарплату не дают. И все же, несмотря на трудности, в областной школе олимпийского резерва работа идет большая, дети развиваются успешно. Курицын Дима продолжает наши традиции, у него хорошие результаты, он включен в сборную России и может продолжить славу Костромы. Надежда есть...

Первая лыжная группа. 1992 г.

Вот так она и живет, Алевтина Сергеевна Олюнина, олимпийская чемпионка, заслуженный мастер спорта, целеустремленный и доброжелательный человек. В отличие от своих подруг по лыжной сборной страны, которые на пенсии, продолжает заниматься любимым делом. Ох, непростое это дело — быть тренером, да еще вести хозяйство, да воспитывать двоих детей. Дениса и Максима, как только начали ходить, она тоже поставила на лыжи, ребята сейчас здоровые, крепкие. Старший уже в Костроме, младший еще в Судиславле. Уедет он или останется — это, наверное, зависит от того, каким будет поселок через несколько лет, долго ли проживет в нем ставшая межобластной Олюнинская лыжная гонка.

Николай МУРЕНИН

УКРОТИТЕЛИ ЗЕМЛИ

Один день из жизни усадьбы

...Человек, в сущности, совершенно не думает о том, что у него под ногами. Всегда мчится как бешеный и — самое большое — взглянет, как прекрасны облака у него над головой, или горизонт вдаль, или чудесные синие горы. И ни разу не поглядит себе под ноги, не похвалит: какая прекрасная почва! Надо иметь садик величиной с ладонь... чтобы познать, что у тебя под ногами. Тогда узнал бы, что персть бывает воздушная, как пирог, теплая, легкая, вкусная, как хлеб, и назвал бы ее прекрасной, как называешь женщин или облака... И еще ты узнаешь, что земле надо давать больше, чем берешь у нее..."

Неожиданно наткнувшись на эту зарисовку Карела Чапека, удивись, каким, оказывается, страстным садоводом и огородником был этот "не приспособленный к жизни" человек. И сколько поучительного не только из области педагогики можно узнать, прибегая к его шутивому совету. Например, как укротить несколько сажен земли.

"Уверю вас, укротить несколько квадратных сажен земли — огромная победа. Вот она лежит, трудолюбивая, рассыпчатая, влажная, хочется всю ее раскрошить, размять пальцами, чтобы удостовериться в своей победе... И еще, черт возьми, возик такого бы листья тоже неплохо; а сверху присыпать бы таким вот перегноем да прихватить этих коровьих лепешек; и чуточку вот этого речного песку; и несколько пачек гнилья от этого трухлявого пня, и потом немного ила из ручья, да и эта дорожная грязь тоже не повредила бы. И еще какого-нибудь фосфату и роговых опилок... Бывают почвы жирные, как свиное сало, легкие, как пух, рассыпчатые, как торт, светлые и темные, сухие и сочные; это все — многообразные и благородные разновидности красо-

ты. Напротив, гнусно и противно все липкое, комковатое, мокрое, вязкое, холодное, бесплодное, данное человеку для того, чтобы он проклинал мертвую материю; все это так же противно, как холод, черствость и злоба человеческих душ".

Персть усадьбы "Следово". Сад величиной с ладонь среднего великана. Питомники, цветники... Окультуренная человеком природа и красота этих мест, не тронутая им. Следово — место, гипнотизирующее воображение... Может, еще и потому, что творчество природы, истории и человека странным образом повторяет здесь от века в век одно и то же. Слово следовская "персть" — почва, земля — заколдована на исполнение одному Всевышнему известной программы и земная клетка одного века недостаточна для ее исполнения.

Дворянский род Карцевых издавна владел усадьбой "Следово". А в конце XVIII и в первой половине XIX века следовские

Юрий Петрович Карвацкий,
Евгения Александровна
и Татьяна Борисовна Карцевы.

помещики имели в округе тысячи крепостных, завидное хозяйство. В усадьбе, кроме многочисленных слуг, содержалось три садовника. Остатков прежних барских садов и оранжерей уже не сыщешь, но вот великаны-деревя, оставшиеся еще от старинной липовой и въездной березовой аллеи, и без проводника укажут путь, которым катила карцевская коляска и закатывалась, как утверждают местные шутники, аж на второй этаж, если подгулявший барин был в ударе...

Кроме почвы, Следово всегда держали прочные духовные нити. Известно, сколько в этом роду было прославленных русских генералов, патриотов своей земли, морских офицеров, талантливых чиновников и дипломатов, деятелей культуры и народного просвещения. Одни из последних владельцев усадьбы, Николай Павлович Карцев и его жена Александра Федоровна (из Сумароковых), еще до отмены крепостного права разрешили крестьянской общине самой решать, какой оброк платить, отпускали крепостных на волю, освобождали от податей больных, сирот и вдов. Поощряли занятия творчеством: рукодельем, ткачеством, столярным и другими промыслами и ремеслами. Эти Карцевы немало сделали для организации в Костроме первой женской Григоровской гимназии, попечителями которой они оставались до конца своих дней. Ученые с мировым именем — Бошняк, Ильинский, Селифонтов и другие — бывали в следовском доме. География, биология, история — аура интереса к природе, к исследованию ее богатств, настоящему и прошлому собирала здесь образованнейших русских людей, пытающихся расширить духовное пространство своего века.

Карцевы являлись почетными членами губернской ученой архивной комиссии, передав ей

Освящение места закладки памятной часовни в Следово.

многие интересные документы, в том числе и родовой архив. Семь лет Николай Павлович Карцев избирался предводителем губернского дворянства и был похоронен как почетный гражданин земли костромской на кладбище Богоявленского монастыря. Потом, кажется в 1909 году, сын его, Павел, московский камер-юнкер, за бесценок продал Следово Костромскому уездному земству.

С молодыми наследниками Следову всегда не везло, и имело это странные последствия. Следово становилось местом, где из века в век пытались обучать молодых разным почвенным и сельскохозяйственным премудростям, то есть привязать их к земле.

11 января 1914 года вступил в силу договор Костромского департамента земледелия и Костромского уездного земства, согласно которому в усадьбе "Следово" учреждается двухгодичная сельскохозяйственная школа по типу немецкой "Винтершule" с плодовым питомником, семенным хозяйством, опытным хмелевником, пасекой и даже питомником скота. Главная цель — сельскохозяйственное образование крестьян.

Из текста договора.

"С этой целью Костромское уездное Земство обязу-

ется: а) предоставить надлежащие здания для школы и служащего в ней персонала; б) оборудовать эти здания инвентарем и в) содержать постройки и инвентарь в чистоте и порядке.

Костромское Уездное Земство обязуется вести поучительное и соответствующее учебным целям школьное хозяйство, снабдив его необходимыми хозяйственными зданиями, хорошим живым и мертвым инвентарем, и поддерживать таковое в отвечающем требованиям учебного заведения виде.

Школу Костромское Уездное Земство обязуется содержать в течение пятнадцати лет, считая со дня ее открытия, во всем, согласно правилам, которые утверждены для нея Главным Управлением Землеустройства и Земледелия, имея в школе постоянно, за исключением первого года существования школы, не менее 20-ти учеников".

ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. № 12/83.

Вопрос о выборе места для будущей школы был вынесен на обсуждение очередного уездного Земского собрания сессии 1913 г. В пользу усадьбы "Следово" Управа приняла следующие соображения:

"Расстояние от города при выборе участка для школы не

может играть главнейшей роли, т.к. при организации специальной школы не столь важен надзор со стороны Управы, сколько... подбор служащих и заведующего школою, от которого и будет зависеть успех дела. При всем том, расстояние 22 версты, из которых 17 верст по мощенной камнем дороге, и только ... дороги грунтовой, в большей своей части вполне удобной для проезда — ни в коем случае нельзя считать расстоянием далеким; на проезд от Костромы до Следова будет затрачиваться 1-2 часа. Кроме сего, сельскохозяйственная школа должна находиться в том районе, где жители занимаются земледелием, отхожими промыслами, и в этом отношении чрезмерная близость города при выборе места для школы будет иметь скорее отрицательное, чем положительное значение.

Распределением угодий усадьба "Следово" обеспечивает показательность полевых работ и по своим размерам вполне подходит для среднего местного хозяйства.

Имеющиеся в усадьбе здания при некотором сравнительно незначительном ремонте будут вполне пригодны для организации школы и показательного при ней хозяйства.

Кроме сего, Управа считает необходимым отметить, что материал на постройки может быть получен из собственного лесу, что уменьшит единовременные затраты на постройки.

Усадьба "Следово" находится в центре чисто земледельческого района с довольно плотным населением. По сведениям, приведенным в докладе прошлому очередному собранию, к Следову тяготеют 32 селения с 1114 лицами мужского пола.

Местное население вполне сочувственно относится к учреждению школы, что видно из приговора Шишкинского волостного схода, где говорится, что "сход имел суждение о поднятии образования по сельскому хозяйству и, принимая во внимание, что иным путем, как открытием с.х. школы, достичь этого невозмож-

но. приговорил: просить Костромскую уездную Земскую Управу устроить таковую с.х. школу в Шишкинской волости, как центре ... селений". Такое же заявление поступило и от правления Слободо-Шишкинского кредитного т-ва, от 21 января ... № 5, где оно также просит Управу устроить народную с.х. школу в пределах Шишкинской волости. Чтобы проверить, насколько серьезен запрос населения Шишкинской вол., Управа просила Волостное Правление выяснить число кандидатов в слушатели проектируемой с.х. школы. По полученным предварительным сведениям оказалось, что число их достигает 35 человек крестьян-хлебопашцев в возрасте от 18 до 22 лет...

Было решено возбудить ходатайство перед Департаментом Земледелия об отпуске Уездному Земству единовременного пособия на устройство и оборудование школы 27000 руб. и ежегодного пособия со времени открытия ее на содержание всего учебного персонала школы — 3750 р., на содержание школы и школьного хозяйства при ней — 1500 руб., всего: единовременного пособия — 27000 руб. и ежегодного — 5250 руб., итого 32250 руб.

ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12/83.

Когда земства больше не стало, не стало и его детища. Но не на пустом же месте была организована в Следово в 20-е годы Школа крестьянской молодежи, рассказывают, лучшая в районе. Здесь тогда же была открыта и опытная станция Костромского научного общества по изучению местного края. Сколько талантливых педагогов, краеведов, историков, ботаников, зоологов тогда работало в усадьбе "Следово". Сколько одаренных учеников ими было воспитано и отдано столицам. И снова время размыло эти усилия, поглотило прекрасные порывы. "Погром" костромского краеведения в 30-е годы сыграл тут не последнюю роль...

Но следовская почва, одухотворенная столь богатой исто-

рией, видимо, звала человека, чтобы закончить то, что столько раз в Следово начиналось и не доводилось до конца.

Удивительно: на заросшем бурьяном участке дети 32 школы вместе с учителями заложили полтора гектара фруктово-ягодного сада. Случилось это в 1987 году, когда в "брошенном здании" бывшей восьмилетки, а еще раньше — "Винтершуле", а еще — бывшего господского дома, разместился школьный лагерь труда и отдыха. Каждая из 200 яблонь и каждый из тысячи ягодных кустов помнит, кто их сажал. Не верите? Смотрите, что получается... Учитель биологии Юрий Петрович Карвацкий с детьми пришел в этот сад, и сад его больше не отпустил.

Теперь в Следово — межшкольный экобиологический центр, где проходят летние практики учащиеся классов с биологическим профилем. Есть у Карвацкого и его единомышленников программа создания в усадьбе "Следово" загородной биологической школы. Снова на то же местожительство, в Следово, стремится душа все той же идеи — сельскохозяйственной школы: вот уже век, как не может она материализоваться.

Снова строится оранжерея, разбиваются великолепные цветники, где цветовод Ангелина

Павловна Басеева вместе с учениками нянчит почву. Здесь у нее "школка": идет воспитание новых и редких для наших краев питомцев, привитие их к почве. А здесь — "больничка", где выхаживается умирающий цветок, питается оранжерейное растение. А вот тут, в парничке — цветочные младенцы. Ах, какой благоухающий, в традициях старинных барских уголков сад: жасмины, пирамиды голубоватых подрагивающих ирисов, бегония, гортензия, львиный зев и розы, розы... — любимый следовский цветок. И нелегкая, еще не завоеванная почва и постоянный труд: прополка, подкормка, полив, очистка от сухостоя, черенкование... Цветник был любимым учебным местом для ребят из сельских школ Судиславского района, которые этим летом отдыхали и работали в усадьбе "Следово". Здесь их посвятили в юные биологи. Как полагается, с клятвой у костра и с явлением богини Флоры, которой они пообещали беречь природу, не обижать животных, никогда не рубить леса и сады и, конечно, помогать восстановлению усадьбы "Следово".

От костра, песен, испытаний, загадок и шуток ребята были просто в восторге. И даже захотели кое-что загадать читателям "Губернского дома".

На прополке в цветнике судиславские школьники.

Леша Кротков из Воронской средней школы:

— Какая птица летает вперед хвостом?

Даша Щербатова из Судиславской восьмилетней школы:

— Сырым не едят, и в вареном виде выкидывают. Что это такое?

Юля Каримова из Судиславской средней школы:

— Два быка бодутся и никогда не сойдутся. Что это за быки?

Ваня Елкин из Воронской средней школы:

— Что за растение без корней и цветов?

А Настя Попова из Судиславской восьмилетней школы сказала загадку своей бабушки Валентины Ивановны:

— Был я на копанце,

Был я на хлопанце,

Был я на пожаре,

Был я на базаре.

Молод был — людей кормил.

Стар стал — пеленаться стал.

Умер — мои кости выбросили,

а собаки не гложут.

(Разгадка на последней странице номера).

Этим детям повезло. Летом в Следово они научились тому, что в своем огороде, может, взрослые им и не доверяли. Вот придут, будут давать родителям советы, по Алексею Николаевичу Смирнову, следовскому садоводу: какие усы земляники садовой можно пересаживать, как обрезать кусты смородины и малины, как проводить черенкование и даже привить яблоньку. Вот земляное-то дело тут их и захватит... Ну, а если не все и

Урок садовода
Алексея Николаевича Смирнова.

не всему научились в этом году, то на следующее лето усадьба "Следово" подарит им новые уроки общения с живой природой, экскурсии на реку, пруд, болото, где можно будет подробно разглядеть зеленый стрекочущий мир и услышать увлекательные рассказы Юрия Петровича Карвацкого о творчестве природы, у которой человек может только учиться. Если когда-нибудь в Следово появится Музей природы, загородная биологическая школа может вылиться в следовско-сельский лицей. Людей бы вот только еще новых...

* * *

6 августа. Один день из жизни усадьбы "Следово". Кадры уходящего лета. Учеба, отдых, веселая суета, игры, поход в лес... Все как всегда. Только как-то строже и нарядней выглядит в этот день старый усадебный дом. Благодаря рабочим фирмы "Астория", он внешне почти отреставрирован, а в карцевской гостиной и на парадном что-то еще стучит и жужжит с упорством трудолюбивого шмеля. Ребята с березовыми венниками в руках метут аллей. Кто-то принаряжается. С кухни пахнет пирогами. Праздник. "День исторический", — скажет мне мальчик, бегущий куда-то с лопатой. Вокруг чаши вырытого фундамента полукольцом стоят гости и все, кто хранит Следово здесь, на земле...

Священником о. Николаем читается чин освящения фундамента будущей часовни во имя Всех Святых, в память о всех, чье имя просияло в этих местах. В память о шестидесяти мальчиках, выпускниках следовской школы, которые не вернулись с Великой Отечественной. В память о древнем русском роде Карцевых, разделившем в своей истории судьбу России.

Евгения Александровна Карцева, на чьи средства сооружается эта часовня, и Татьяна Борисовна Карцева подходят ко кресту... Так странно убеждаться, что все на этой заговоренной следовской земле имеет свое продолжение и повторение.

Татьяна ГОИЧАРОВА

Евгений РАЗУМОВ

УСАДЬБА

Вот она — моя судьба:
двухэтажная изба,
чья-то бывшая усадьба,

где родиться суждено.
Мама, выгляни в окно!
Под окном — хмельная свадьба.

Гимнастерка на отце.
Ты выходишь. На крыльце
обступают фельдшеру.

Бабки, хворые, родня —
все напоминают про меня;
мол, смотрите... И родится

через год в усадьбе той,
где больница, наш герой,
он же — мученик сюжета.

Это — первая глава,
где рассыпаны слова
по дубовому паркету.

ЛЕТОПИСИ И ПРЕДАНИЯ О КНЯЗЕ СУДИСЛАВЕ

В шестидесятые годы нашего века в здании Судиславского райисполкома у секретаря Утешева выкрали последний экземпляр "Летописи Судиславля". Старожилы, рассказавшие мне об этом документе, вспоминают, что там говорилось об основателе города князе Судиславе.

Первым достоверным известием о Судиславе следует считать запись в Солигаличском летописце за 1360 год. В летописях и других древнерусских документах значатся только два человека с именем Судислав. Один из них — сын киевского князя Владимира. А другой Судислав жил в XIII веке. От имени венгерского короля он правил Галицко-Волынским княжеством. Сын Владимира мог появиться на Верхней Волге в начале XI века вместе с братом Ярославом Мудрым в период подавления ими восстания мери против власти новгородского князя. Хорошо известно, что в этот период Ярослав и заложил город Ярославль. Летописи глухо говорят о том, что Судислав был замешан в заговоре верхушки Новгорода, Пскова и племен мери против Ярослава. Польские хроники указывают, что после ареста Судислава его сын Василий бежал в Литву, где правил городом Друцком. Он стал родоначальником князей Друцких-Соколинских, счастливо здравствующих и поныне. Любопытнейшему читателю приведем некоторые цитаты из летописей, касающихся князя Судислава.

УСТЮЖСКАЯ ЛЕТОПИСЬ:

"Владимир же побежден похоти женскою и были ему жены вводимые: Рогнед от нея роди 4 сына: Изяслава, Мстислава, Всеволода, Ярополка, дщерь Переславою, а от грекиши от ростриги окаяниго Святополка, а от чехини Выславы Вышеслава, а от болгарини Борис и Глеб, а от иныя 4: Святослава, Стенислава, Судислава, Позвизда. А наложниц у него 300, в Белгороде 200".

ВОЛОГОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ:

"В лето 1000 раздели великий князь Владимир землю свою сыновьям своим имяше же у себя 12 сынов... Стонислава в Смоленск, Судислава в Плескове (Пскове — ред.)".

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ:

"1036 год. В се же лето всади Ярослав Судислава в поруб брата своего в Плескове оклеветан к нему".

ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ:

"1059 год. Изяслав, Святослав, Всеволод высадиша стрия своего Судислава ис поруба в лето 24, зане целова к ним, и бысть чернец 4 года, ... и ведоша и в Киев".

Перевод: "Изяслав, Святослав, Всеволод освободили дядю своего Судислава из темницы, где тот был 24 года, затем он дал им клятву и был монахом 4 года, ... и был увезен в Киев".

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ:

"1063 год. Судислав преставился Ярославль брат и погребоша и в церкви святого Георгия в се же лето".

Из летописных сведений вырисовывается образ видного политика Киевской Руси, вождя псковской дружины, которого летописцы уважают, но боятся о нем писать много. Большинство братьев Судислава в борьбе за наследство отца были просто убиты. Однако авторитета оклеветанного старца бояться могущественный Ярослав Мудрый, севший на престол, и сыновья этого монарха.

Были казнены в мерянских городах все видные заговорщики, кроме Судислава. Видно, что смерть его навредила бы Ярославу. Имя Судислав полностью отразило судьбу князя. Своим смыслом это редкое имя влияет и на судьбу древнего русского города. Судите славно.

Юрий СМЕРНОВ

ГОРОД ДРЕВНИЙ

О времени основания Судислава точных данных не сохранилось. Очевидно, он носил иное наименование. Изучая исторические материалы, исследователи столкнулись с двумя городами: Псковом и Плесковом. Оказывается, это не одно и то же. Историк А.Н.Насоков в книге "Русская земля и образование территории древнерусского государства" поясняет, что "Псков — это не Плесков, а Песоков, как указывают многие летописцы". Слово "Плесков" означает — плескаться, плеск, быть окруженным водой.

На старых документах, сохранился оттиск герба Судиславской городской ратуши. На этом гербе изображен боевой щит, вверху его большой остров-холм, окруженный водой, а внизу якорь с цепью и человек. По краям щита колосья ржи.

Доказательством служит также духовное завещание Киевского князя Владимира (былинный князь "Красное Солнышко"). По данным Софийской первой летописи, младший сын его Судислав, рожденный от болгарочки Адель, прозванный за красоту "милолика", получил от отца в удел Плесков (при разделе городов второй раз в 98 году). Так как сыновья Борис и Глеб, как и Судислав, были от одной матери, князь Владимир Борису дал в удел Ростов, а Глебу — Муром. Тем самым он думал укрепить восточную границу Киевской Руси, утихомирить не раз делающих набег волжских болгар.

Первые годы своей жизни Судислав вместе с младшими братьями Станиславом и Позвиздом находился при отце в Киеве: "бебомлади". А когда князь Судислав немного подрос, Владимир послал его в Суздальскую землю. Тогда князя по обычаю с юных лет приуча-

лись к правлению, имели права наместников, воевод отца.

В Плескове Судислав соорудил себе княжеские хоромы, рубленные дома для дружины и челяди. Это место называется Жуковка. "Кремль" князя со всех четырех сторон был обнесен крепким высоким частоколом, дубовыми стенами, укреплен валами и рвами. За стенами молодого города размещался "черный люд" и находился торг. Ремесленники в посаде изготовляли топоры, лопаты, бусы, гончарную посуду, грабли, косы и другие изделия. Все это они продавали на торге. Население торговало мехом, салом, хлебом, медом, воском, грибами, украшениями. Тут же заключались сделки, слушались решения суда и распоряжения князя.

Сообщения с внешним миром были через водные пути — Корбу, Андобу, Кострому и Волгу. Торговые связи поддерживались с Новгородом, Киевом, Смоленском, Пермью, Персией, Болгарией. Город в Киевской Руси заметно рос и развивался.

В 1036 году Судислав узнал о смерти своего брата Мстислава, который правил восточной стороной Руси от Днепра с 1025 года с главным столом в Чернигове. По обычаю древних законов выморочная область Мстислава должна была перейти Судиславу, ибо сын Мстислава Евставий умер еще раньше отца — в 1032 году. Когда князь Судислав прибыл в Новгород, где находился из Киева старший брат Ярослав Мудрый и предъявил ему свое право, тот страшно разгневался. Князь Ярослав своими победами и возвышением был обязан новгородцам, а они не хотели укрепления власти Судислава. И тем более, что Ярослав еще живо помнил, с

каким трудом ему пришлось вести борьбу с братьями Святополком, Мстиславом, да и не хотелось снова дробить Русь, которую он уже объединил под свою власть. В летописи за 1036 год (спустя 15-20 лет после междоусобной борьбы князей) упоминается следующее событие: "В се же лето всади Ярослав Судислава в поруб брата своего в Плескове. Оклеветан к нему", т.е. в 1036 году Судислав, уже взрослый, 49 лет, был арестован и под конвоем отправлен обратно в свой город. Советский писатель А.Яновский в книге "Юрий Долгорукий" пишет: "За 100 лет и более до Юрия Долгорукого в Залесье ездили дружинник и наместники киевских князей. Здесь еще Ярославом Мудрым был основан город Ярославль (1010 г.). В то время на Суздальской земле уже существовал город Судиславль (ныне районный центр Костромской области), в нем отбывал ссылку брат Ярослава Мудрого — Судислав".

В Плескове Судислав находился до 1059 года. Будучи бездетным и дряхлым стариком, он попросил своих племянников побывать в Киеве. Прежде чем удовлетворить его просьбу, те заставили своего дядю поклясться: не затевать ничего, им противного. В Киевской церкви святого Георгия Судислав Владимирович принял пострижение, умер он в 1063 году, прожив 76 лет.

Судиславль — старая форма притяжательного прилагательного. Она означает, что город принадлежит Судиславу. Население сохранило это название как протест против насилия, против несправедливости, как память о своем первом князе.

Александр ЯБЛОКОВ

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ

АЛЕКСАНДРОВО

Сохранилось описание с. Александрова 1629 г.: "Погост на государева царя и великого князя Михаила Федоровича земле погост Николы чудотворца у сельца Александрова, а в нем церковь Николы древянна вверх да другая церковь теплая с трапезой Ильи пророка древянна клетки, и в церквях образа и свечи и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение мирское приходных людей да на погосте ж церковные дворы поп Тит Мартемьянов, поп Федор Олексеев, вдовый поп Антонин Антипин, дьячек Ивашка Самойлов, просвирница Устиница: да две кельи".

Село Александрово было в вотчине боярского сына Б.С. Девичкина, и тут же стояла его усадьба.

В 1657 г. Девичкин часть села Александрова передал Ф.И. Чихачеву, из рода которого был знаменитый полярный исследователь И.Л. Чихачев.

Д 1708 г. Ф.И. Чихачев вместе с помещиком Тихменевым построили в селе каменную Никольскую церковь с колокольней. Это одна из ранних каменных церквей в районе. В церкви хранилась замечательно выполненная икона "Всех скорбящих". В 1737 г. Александрово принадлежало поручику С.П. Глебову. Жители деревень занимались земледелием и подсобными промыслами: жжением угля для кузниц, который развозили по всей округе, и выгонкой дегтя, идущего для смазки обуви, сбруи и для подмазывания деревянных осей телег. Без дегтя, как гласит поговорка, "не подмажешь — не поедешь".

В деревнях Тофаново, Кашиново стояли родовые усадьбы дворян Чичаговых. Их предок Г.И. Чичагов еще в 1596 г. получил здесь земли в качестве жалования, когда его призвали на военную службу. Многие Чичаговы были военными моряками, и из них прославились адмиралы

В.Я. Чичагов и его сын П.В. Чичагов. Кроме Чичаговых, владельцами деревень в селе были князья Вяземские.

В 1721 г. унтер-офицер лейб-гв. Преображенского полка кн. А.А. Вяземский просил царя Петра I, чтобы ему отписали (передали — Д.Б.) дер. Ляхово, в которой стояло шесть крестьянских дворов, и сельцо Княжевское (после отца кн. А.Ф. Вяземского). Правнуком А.Ф. Вяземского был кн. П.А. Вяземский — поэт и друг А.С. Пушкина.

ВОРОНЬЕ

В XV-XVI веках территория входила в состав Судиславской осады, а позже в Бугородскую осаду, и ее пересекал торговочтовый тракт из Костромы через Галич в Чухлому, Солигалич, в Тотьму.

В 1611 г. главы боярского правительств в России кн. Трубецкой и Заруцкий с боярами вместе подписали дарственную грамоту князю Д.М. Пожарскому на село Воронье с деревнями, стараясь этим склонить Пожарского на

свою сторону. Но Пожарский от этого дара отказался.

Когда на престол вззошел царь Михаил Федорович Романов, он в 1620 г. Воронье пожаловал кн. И.С. Куракину — воеводе, участвовавшему в разгроме польско-шляхетских интервентов.

В 1629 г. от Куракина Воронье перешло к думному дьяку И.А. Гарневу, служившему в Рязрядном приказе (военном министерстве тех лет — Д.Б.).

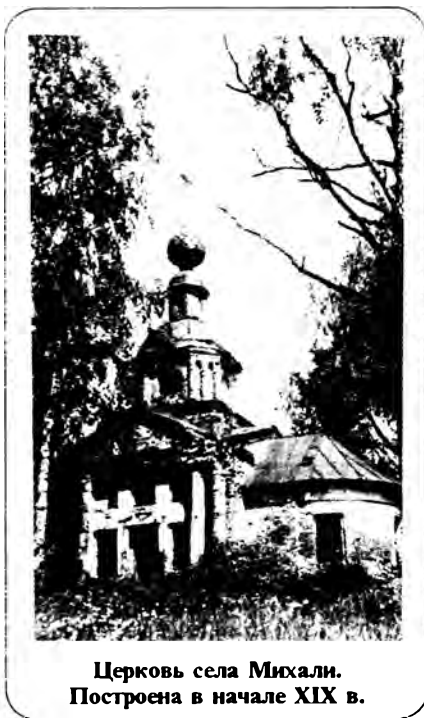
Когда Гавринев умер, часть его имения была оставлена его жене-вдове "на прожиток", но и жена Гавринева уже в царствование Алексея Михайловича умерла во время эпидемии "морového поветрия", охватившей среднюю часть России.

Царь Алексей Михайлович был очень мнительный правитель, он боялся всяких наговоров и волшебства, и потому создал для своей безопасности особый Тайный приказ. Когда провезли труп Гавриневой, умершей от "заразы" по дороге, по которой должна была ехать и царская семья, царь приказал "вдоль дороги по обе стороны накласть дров и выжечь, а уголья и пепел свезти и насыпать новой земли".

В 1629 г. в с. Воронье стояло две деревянных церкви: одна Троицкая и другая церковь на торговой площади (на торгу — Д.Б.) во имя Параскевы Пятницы.

Великомученица Параскева считалась покровительницей торговых людей, поэтому и церкви в ее честь ставили на торгу. Кроме того, в то же время в Воронье было два пустых церковных места, на которых раньше стояли церкви во имя Спаса и во имя святых Изосима и Савватия, и обе эти церкви в 1628 г. сгорели, и после этого церковь Изосима и Савватия не восстанавливалась, а на пожарище церковь Спаса построили новую церковь во имя Бориса и Глеба.

По переписи 1646 г. в селе Воронье стояли двор помещиков,

Церковь села Михали.
Построена в начале XIX в.

двор приказчика, двор гостинный (торговые ряды — Д.Б.), двор иконника (живописца — Д.Б.) Иванова, 16 дворов деловых и мастеровых людей, двор служек (слуг — Д.Б.) мурзы, возможно, что здесь находился какой-то татарский мурза, сосланный сюда.

После смерти дьяка Гавриинева Воронье считалось выморочным и "взято на государя Алексея Михайловича".

Царь часть села в 1666 г. пожаловал думному дворянину Б.Н. Ордин-Нащокину — воеводе и русскому дипломату, участвовавшему в 1666 г. в переговорах России с Польшей. Ордин-Нащокин — основатель регулярной почты в России.

Эту часть Воронья в 1734 г. получил в поместье Ф.Г.Кольчев, потомок воеводы г. Костромы И.Д.Кольчева.

Другая часть села была пожалована П.М.Толстому, а он в 1777 г. эту часть Воронья с деревней Волково продал за 700 рублей генерал-аншефу и сенатору графу Р.И.Воронцову. Будучи костромским наместником, Р.И. Воронцов скупал имения, не чураясь и взятки, за что его прозвали "Роман — большой карман". Воронцов владел мануфактурной фабрикой в Костроме и железо-плавильными заводами на Урале. Любитель древностей, Воронцов собрал ценную библиотеку и создал картинную галерею.

Часть села Воронье от Ордин-Нащокина в 1734 г. перешла к майору Г.К.Готовцеву, а он эту свою часть в 1805 г. продал за 75 рублей Л.В.Молчанову, галичскому помещику, разбогатевшему на винных откупах.

Другую часть села Воронье правнук П.М.Толстого продал А.Ф.Нелидову — преподавателю дворян Буйского уезда. В то время Воронье было большим торговым селом, на его площади стояли лавки, амбары для товаров, был питейный дом (кабак), две церкви: Троицкая и двухъярусная Успенская.

На окраине села работали свечной, кирпичный и кожевенные заводы. В селе шла бойкая

торговля, и в базарные дни здесь собиралось до 3-х тысяч человек.

Недалеко от Воронья есть Панская гора, на которой в начале XVII века располагался стан отряда польско-шляхетских интервентов, проходивших из г.Любима на г.Кинешму. Отсюда и название горы.

Костромской воевода Кольчев в 1614 г. писал царю Михаилу Федоровичу: "Воры-казаки пришли и многих повоевали и крестьян побили и поймали и учали (стали — Д.Б.) ставить в поместья дворян по селам и деревням крестьян мучат и животы емлют (имущество отбирают — Д.Б.) и жен и детей позорят и хотят приступить к Костроме".

ПОГОСТ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Был вблизи д.Васютино, имел и второе название "Углец Михайла Архангела. что на Углеце".

Здесь в старину была мужская пустынь (маленький монастырь — Д.Б.), около монастыря основалась слободка, жители которой получили некоторые льготы-свободы, отсюда и название поселения — слобода. Слобода эта называлась Ерзовской. В 1835 г. на погосте, на месте деревянной церкви, была построена каменная церковь.

ДОЛМАТОВО

Старинное сельцо Долматово с деревнями Анисимово, Осташково, Косково, Мирское, Юрново, Слободка и др. в 1625 г. получил за участие в обороне Москвы от поляков галичский боярский сын Ф.Ф.Головцин. Долматово было родовой усадьбой Головциных. Часть имения Головцин дал в приданое за своей дочерью Анной Федоровной, вышедшей замуж за А.П.Титова, служившего стрелянным конюхом у царя Алексея Михайловича. От Титова имение по наследству перешло к И.С.Опурину, женившемуся на дочери Титова. Когда дочери Опуринна выходили замуж — одна из них — за кн. П.С.Мещерского, капитана Пермского пехотного полка, а вторая, Екатерина Ивановна — за Н.В.Ермо-

лова, служившего в Костроме в уголовном суде, — Долматово как приданое перешло к Мещерскому и Ермолову.

От Н.В.Ермолова Долматово перешло к его сыну Н.Н.Ермолову, к троюродному брату знаменитого Алексея Петровича Ермолова — героя войны 1812 г., наместнику Кавказа и другу декабристов, многих писателей и поэтов.

Декабристы рассчитывали, что А.П.Ермолов в случае успеха декабрьского восстания займет руководящий пост в правительстве России.

Когда сумасбродным императором Павлом А.П.Ермолов был сослан в Кострому, он бывал в Долматове в доме у своего родственника.

Двоюродный брат Н.В.Ермолова, А.П.Ермолов, во время путешествия Екатерины II в Поволжье был замечен императрицей и стал ее фаворитом. Она вызвала его в Петербург, но скромный и умный А.П.Ермолов не захотел разделить участь Орловых, Мамонтова и других фаворитов императрицы.

СПАС-ПОДЛЕСЬЕ

Было центром церковного прихода, названо так по имени церкви — Преображение Спаса. На кладбище церкви похоронен в 1828 г. местный помещик Ф.М. Овцын, сын известного геодезиста-исследователя Дальнего Востока Михаила Дмитриевича Овцына и внук знаменитого полярного исследователя Д.Л.Овцына.

У села стояла усадьба с господским деревянным домом и парком, принадлежавшая Н.С.Сумарокову, отцу Н.Н.Сумарокова, владельца первой типографии в г. Костроме.

ШИШКИНО

В начале XVII века село с деревнями принадлежало В.Головцину. Когда его дочь Анна Васильевна вышла замуж за В.А.Нащокина, потомка знаменитого воеводы и русского дипломата А.Л.Ордин-Нащокина, Шишкино как приданое жены перешло к

Нашокину. Участник войны России с Турцией В.А.Нашокин был близок к царскому двору. Когда у В.А.Нашокина родился сын, его хотели назвать Дормидонтом. Крестить младенца согласилась императрица Елизавета Петровна, но назвала она его Воином, в честь предка русского дипломата Воина Афанасьевича Ордин-Нашокина — сына Афанасия Лаврентьевича.

На кладбище села, где был тракторный парк, похоронен В.В. Нашокин. На его могиле была установлена плита: "На сем месте погребено тело — генерал-лейтенанта Воина Васильевича Нашокина, родился в 1742 г. и имя ему дано от восприемницы его государыни императрицы Елизаветы Петровны. Скончался в 1806 г."

Здесь же, на кладбище, похоронен и старший сын В.В.Нашокина — Василий Воинович, умерший в Костроме. Могилы Нашокиных находились у алтаря правого придела церкви. На кладбище похоронены и родственники Нашокиных: Овчины — потомки полярного исследователя Д.Л.Овцына и Ивашенцевы — родственники известного русского моряка-адмирала.

Сын Воина Васильевича Нашокина — Павел Воинович Нашокин был близким другом А.С. Пушкина. Сейчас в доме П.В. Нашокина в Москве открыт музей.

ЗАЛУЖЬЕ

Территория расположена в древней Андобской волости, называвшейся по имени реки Андобы.

Волость упоминается в 1430 г., когда она по завещанию Д. Донского была дана его сыну, галичскому князю Юрию Дмитриевичу. Затем волость по наследству перешла к сыну Юрия Дмитриевича галичскому князю Василию Юрьевичу, по прозвищу Косой.

После междоусобной войны Галича с Москвой в середине 15 века, в которой победил Московский великий князь Василий Васильевич (Темный), Андобская волость была присоединена к

Владельцы усадьбы Жирославка — Петр и Генриетта Колодезниковы.

Москве. Но до этого земли в Андобской волости были даны галичскими князьями в вотчину их боярам, и в том числе Ф.Плещееву, который после поражения Галича перешел на службу к Московскому великому князю Василию Темному.

Центром плещеевской вотчины было село Сновидово (Залужье). От Плещеева вотчина по наследству перешла к костромским боярам Шестовым, из предков которых была мать царя Михаила Федоровича Романова — Ксения Ивановна.

В жалованной грамоте 1614 г. записано: "старинная вотчина, а преж та вотчина была вдовы Анны Петрова — жены Шестова село Сновидово, а Залужье тож на речке Андобе и на речке Княжевке, а в селе церкви Благовещения пресвятой богородицы да другая церковь Воскресение Христово, древянны клецки и в церквях образы и книги и свечи и ризы и колокола и всяко церковное строение вотчениково и прихожих людей (прихожан — Д.Б.) да в селе двор вотчеников, двор людской (слуг — Д.Б.) и попов в четырех кельях нищие а питаются от церкви божие".

В 1645 г. Сновидово с деревнями Шарнинская, Поляки, Фро-

ловское, Алферово, Медведево и др. дано в вотчину братьям-боярам Борису и Михаилу Михайловичам Салтыковым, племянникам матери царя Михаила Федоровича — Ксении Ивановны, урожденной Шестовой.

Отец братьев М.М.Салтыков сыграл неблагоприятную роль в сватовстве царя Михаила Федоровича, когда выбирали невесту царю и остановились на Марии Хлоповой, М.М.Салтыков оговорил ее, и невесту вместе с родителями сослали в Сибирь. Но дело открылось, Салтыкова сослали в его вотчину в с. Коткишево (сейчас в Нейском районе Костромской обл.). Не миновать бы той же участи и сыновьям Салтыкова, но их спасла тетка, мать царя Михаила Федоровича.

По наследству от Салтыкова Сновидово перешло к князьям Хованским, и потомки их, А.В. Хованский и его сын А.А.Хованский, были похоронены на кладбище Воскресенской церкви в с. Сновидове. Эти Хованские — потомки знаменитого кн. И.А.Хованского, по прозвищу Таратуй, — начальника Стрелецкого приказа, казненного вместе с сыном в 1682 г. во время Стрелецкого мятежа.

Это событие запечатлено в опере Мусоргского "Хованщина".

КАЛИНКИ

Здесь была территория Чижова стана, и его пересекал торговый тракт из Костромы в Галич. Тут же проходил Старо-Вятский тракт, шедший из центра России в г. Вятку и далее в Сибирь, который от Галичского тракта ответвлялся в Судиславле. По Старо-Вятскому тракту из Петербурга провозили в ссылку в Сибирь многих декабристов и народников, и в том числе писателя Короленко. В своей записной книжке Короленко упоминает почтовую станцию Дровянскую, Антипинскую и дер. Савино, какой-то барский полуразрушенный дом с воротами, винокуренным заводом.

В Калинках находилась почтовая станция — предок древнего яма. Во времена монголо-татар-

ской оккупации России в XIII веке на основных сухопутных трактах были основаны остановочные пункты для гонцов и чиновников, так называемые ямы (отсюда и название лиц, обслуживающих их — "ямщики"). Такой ям находился и в Калинках, и в соседних Дровинках.

Калинки в 1850 г. принадлежали А.И.Демьянову, родственник которого В.И.Демьянов, служивший почтмейстером Костромы, участвовал в курьезном деле, наделавшем много шума в Костроме и в Москве.

В 20 км. от Калинок стояла усадьба Горская (недалеко сейчас от с. Трифон), принадлежавшая П.И.Петрову, двоюродному дяде поэта М.Ю.Лермонтова. П.И.Петров — генерал, служил в Ставрополе начальником штаба войск Кавказской линии, когда там шла война России с горцами. М.Ю.Лермонтов, сосланный на Кавказ, будучи в Ставрополе, нашел теплый прием в доме Петрова, и дядюшка помогал поэту деньгами и советами.

В усадьбе Горское жила мать и сестра Петрова, а рядом, в усадьбе помещика Готовцева, врачом служил итальянец Корзини, взятый в плен во время войны 1812 г. и оставшийся жить в России.

В галантного итальянца влюбилась сестра Петрова — старая дева и согласилась выйти за него

замуж. Мать и брат ее были против этого брака. Корзини, считывая на хорошее приданое, решил увести невесту и тайно обвенчаться. Он за взятку подговорил почтмейстера Демьянова похитить невесту, так как в распоряжении Демьянова были все почтовые лошади и ямщики. Лихой ямщик увез из усадьбы жениха и невесту, священник села Ильинского (у Калинкина) обвенчал их, и молодые уехали в Москву.

Но обман вскоре открылся: у Корзини в Москве оказалась семья. Дело получило огласку в Костроме и в Москве, и кто знает, не стало ли это событие известно А.С.Пушкину, использовавшему этот случай в своей повести? Костромской суд по делу решил освободить Корзини, "так как девица Петрова сама дала согласие на брак".

Деревня Калинки расположена на бывшем почтово-торговом тракте из Костромы в Галич. В 1720 г. Калинки принадлежали И.Ф.Воробьеву, предок которого Юрий Воробьев был послом Московского великого князя Семена Гордого в Константинополь.

СНОГИШЕВО

Эта деревня на р. Конше в 1777 г. принадлежала У.Д.Овцыной

(урожденной Карцевой), жене Д.Л.Овцына, знаменитого полярного исследователя, участника экспедиции Беринга.

Д.Л.Овцын познакомился в Березове с сосланной туда семьей князя Долгорукова и вступился в защиту дочери Долгорукова — Екатерины Алексеевны, невесты Петра II. Овцын был оклеветан, разжалован в матросы и сослан. Участвуя в плавании на боте "Святой Петр", Овцын достиг берегов Северной Америки. При Елизавете Петровне Д.Л.Овцын был восстановлен в правах.

ЛЕОНОВО

Здесь была усадьба, принадлежавшая в 1777 г. Е.А.Плаутиной, муж которой Н.Ф.Плаутин — генерал-адъютант, командир лейб-гв. гусарского полка, в котором служил М.Ю.Лермонтов, и за дуэль его с Барантом Плаутин просил царя разжаловать Лермонтова в рядовые. Брат Н.Ф.Плаутина С.Ф.Плаутин был женат на А.П.Огаревой, сестре демократа-революционера Н.П.Огарева, друга и соратника А.И.Герцена. Позже Леоново перешло к И.И.Васькову — внуку костромского вице-губернатора П.К.Васькова.

КУЛОМЗИНО

Названа по фамилии помещиков, владевших ею. Потом Куломзино было дано в вотчину Костромскому Богоявленскому монастырю, и в нем монастырь построил в 1645 г. деревянную Рождественскую церковь. В начале XVIII века церковь сгорела, и ее больше не восстанавливали, а на месте пожарища поставили часовню, означающую, что "это святое место и застройке не подлежит".

НЕЖИЛКОВО

В конце XVII века село принадлежало Ивану Выродкову "размыслу" (военному инженеру Ивана Грозного).

Выродков перед взятием Грозным г. Казани построил г. Свяжск — форпост русских войск, готовившихся к штурму Казани. Для скрытности все здания Свяж-

Судиславская земская больница. Фото начала века.

ска Выродковым были изготовлены в лесах под г. Угличем и сплавлены плотами вниз по Волге.

В течение нескольких дней Свяжск был построен, что явилось полной неожиданностью для татар, оборонявших Казань.

Во время штурма русскими войсками Казани Выродков руководил осадными работами. Перед взятием Казани Выродков строил деревянную крепость в Галиче.

СЕЛЬЦО

Раньше здесь была Селецкая волость, и волостное правление находилось в селе Сельцо. Сельцо названо по усадьбе (сельцу), принадлежавшей в 1629 г. Ф.Б. Селевину.

В 1631 г. здесь построена деревянная Никольская церковь, и Сельцо стало называться селом. Предок владельца Сельца боярский сын Селевин был казнен по приказу Московского великого князя Ивана III за участие Селевина в заговоре на жизнь Ивана III.

Каменная Никольская церковь в Сельце построена на месте деревянной в 1819 г.

Другим центром церковного прихода было село Спас-Верховье на р. Шаче. В нем в 1632 г. стояла деревянная церковь во имя Преображения Спаса, и по имени этой церкви село и получило свое название, а Верховьем село названо потому, что было расположено в верховьях реки Шачи. Село с деревнями принадлежало И.Полозову.

Другая церковь в селе во имя Смоленской божией матери была известна среди местного населения под именем Полонской.

По преданию название церкви объясняется тем, что помещик, владевший здесь землей, служил в армии и был взят в плен татарами и увезен в Крым в полон. Но там однажды увидел, что по речке плывут две половинки иконы, он достал их из воды и соединил, и вдруг услышал звон колоколов, и очутился в своем родном месте. В честь этого события в 0,5 километра от села Спас-Верховье построили каменный столп,

на котором была установлена эта икона, богато украшенная прихожанами. Не связано ли это предание с известной в истории судьбой местного помещика В.В.Полозова, служившего в русской армии, попавшего в плен и увезенного в Турцию, где он пробыл в плену более 10 лет.

В своей челобитной царю Федору Алексеевичу Полозов писал: "Служил я отцу твоему (Алексею Михайловичу — Д.Б.) со своим отцом Василием, будучи в малых летах и на тех твоих службах взяли меня холопа твоего в полон крымские татары и был у них полтора года. А из Крыма отдан был в подарок турецкому султану и служил ему в шатре 12 лет.

Но султан разгневался на меня, я не оставил христианской веры и велел меня казнить, но большой мурза упросил султана не казнить, а отдали меня на каторгу и был я тут девять лет, руки и ноги были скованы. Я молился богу и его милостью каторгу (галеру — Д.Б.) разбило и наши братья-невольники и басурманские люди все потонули, а я холоп твой, который к бревну был прикован и на том бревне меня прибило волной к берегу. Отсюда я пошел в Иерусалим, а одет был по турецки и оттоле ходил смотреть pupa земного, а pup земной от гроба господня три сажени, да тут же и щель Адова, а величиной та щель, как человеку можно боком пролезть".

На челобитной наложена резолюция: "Велено за его службу и многое его полонянное терпение выдать государеве жалование да быть ему в городе сыщиком (полицейским — Д.Б.)".

ГАВРИЛОВСКОЕ

На р. Шаче в 1616 г. стояло село Гавриловское, было оно в вотчине боярского сына А.Жадовского, которую он получил за оборону Москвы от поляков. В 1646 г. село с деревнями было передано Костромскому Богоявленскому монастырю, тогда здесь стояла деревянная Никольская церковь, на месте которой в 1833 г. построили каменную Никольскую церковь.

ЛЕОНТЬЕВО

Это родовое имение галичских дворян Шиповых, ведущих свой род от Андрея Шипова, выехавшего в XVI веке из Богемии и перешедшего на военную службу к Московскому великому князю и за это получившему земли в Галичском уезде.

В начале XVIII века с. Леонтьево владел П.М.Шипов — президент статс-конторы, участвовавший в суде над Лопухиным, Вольнским и Биرون, и он же был членом "Комиссии о строениях Петербурга".

Леонтьево перешло после смерти П.М.Шипова к его сыну И.П.Шипову, капитан-лейтенанту, женившемуся на Варваре Алексеевне Горчаковой, приходившейся племянницей деду Л.Н. Толстого. Она-то и строила каменную Троицкую церковь в селе.

Дочь И.П.Шипова Наталья Ивановна Шипова вышла замуж за богатого галичского помещика, предводителя дворян уезда В.Л.Молчанова, и Леонтьево с деревнями Лышнево, Черноухово, Полежаево как приданое жены перешло к Молчанову.

Сын В.Л.Молчанова Д.В.Молчанов после окончания училища правоведения служил чиновником в Сибири, ведя там борьбу со взяточниками, процветавшими в этом далеком крае. Он был оклеветан взяточниками, предстал перед судом и заболел психически. Живя в Сибири, Д.В.Молчанов познакомился со многими сосланными туда декабристами и женился на дочери декабриста С.Г.Волконского, Елене Сергеевне.

Когда декабристу С.Г.Волконскому разрешили вернуться в Россию, он неоднократно приезжал в Леонтьево, где жил его внук. Но на каждый приезд декабриста в Леонтьево требовалось разрешение начальника 3-го отделения канцелярии его Величества в Петербурге, и об этом ставился в известность костромской губернатор.

На кладбище с. Леонтьева похоронена сама Шипова и ее род-

ственники: Сипягины и Тихмины.

Сестра Н.И.Молчановой Варвара Ивановна, урожденная Шипова, была замужем за кн. Ф.Голицыным, и ее сын Михаил Федорович Голицын был тоже декабрист.

МОЛОКОВО

Рядом находилась усадьба, принадлежавшая А.Г.Готовцеву, родственнику поэта Ю.В.Жадовской. Здесь же, в трех километрах от усадьбы Молоково, — усадьба Осинки, принадлежавшая А.Е.Жадовскому, окончившему Царскоелицевский лицей.

У А.Е.Жадовского в Петербурге собирались лицеисты, в том числе и декабристы, на ежегодные обеды, даваемые в честь годовщины лицея.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ

В 1615 году село принадлежало И.Нелидову, а в 1629 г. его сыновьям Антону и Ягупу, родственникам небезызвестного Юрия Богдановича Нелидова, носившего фамилию Отрепьев, это прозвище-фамилию он получил от предка, когда тот прибыл на царский военный смотр в худом обмундировании, в отрепье.

Монашеское имя Ю.Б.Отрепьева (Нелидова) было Григорий, и в истории он известен как "богоотступник Гришка Отрепьев, Лжедмитрий I-й". Отрепьев выдавал себя за сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия, погибшего в Угличе, и, поддержанный польской шляхтой, Отрепьев взойшел на русский престол.

После смерти Ягупа Ивановича Нелидова жена его выдала дочь замуж за боярского сына И.Г.Редрикова и отдала село ему в приданое за дочерью.

В 1678 г. треть села от Нелидова по наследству перешла к А.И. Писемскому, дальнему предку писателя А.Ф.Писемского. Дед А.И. Писемского Маркиан (в иночестве Макарий) основал Макарьевскую пустынь (монастырь — Д.Б.) на реке Письме, об этом писатель А.Ф.Писемский писал в своей автобиографии.

Каменная Михайловская церковь (в честь Михаила-Архангела

— Д.Б.) в селе построена в 1822 г. богатой помещицей Чернцовой.

БАРАН-НИКОЛЬСКОЕ

Село получило название по церкви чудотворца Николая и от возвышенной местности, где село стоит, похожей на бараний лоб.

Село принадлежало воеводе, дьяку Разрядного приказа (Военного министерства — Д.Б.) Размыслу (военному инженеру — Д.Б.) И.Г.Выродкову, сподвижнику Ивана Грозного. Живя в своей вотчине, И.Г.Выродков построил новую крепость в Галиче: "В 1556 г. то же осени построен город (крепость — Д.Б.) в Галиче, а ставил Иван Выродков" — записано в русской летописи. После смерти Выродкова его вотчина опять перешла в казну. В 1586 г. царем Федором Ивановичем, сыном И.Грозного, село Никольское-Баран с деревнями и погостами Богославский и Старое Дворище по просьбе жены царя, царицы Ирины Федоровны (урожденной Годуновой), были даны Ипатьевскому монастырю: "На помин души родителей царицы". На месте деревянной Никольской церкви в селе в 1782 г. построена каменная Никольская церковь.

БОЛОТОВО

Известно с 1577 г. Раньше село называлось "Воскресение, что на болоте", и в названии сохранилась память о стоявшей здесь церкви Воскресение и о болотистой местности, в которой это село находилось. Село было в вотчине М.Писемского, и он дал его Троице-Сергиеву монастырю. В переписи 1628 г. записано: "Церковь Воскресение Христово, да другая церковь теплая (для службы зимой — Д.Б.) Николая Чудотворца, деревянные, клецки (в виде деревянной клетки — Д.Б.), а в церквях образы и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строение помещиков, да двор людской, да два двора крестьянских пустых а сбежали в 1625 году".

С.Болотово принадлежало помещикам братьям Салмановым, один из которых, В.Салманов, в

1659 г. был замешан в мятеже против военного похода русских под руководством князя Трубецкого, и за это Салманов был наказан кнутом.

Село у Салманова было отобрано, и половина его передана боярскому сыну Ратькову, сын которого служил губным старостой в Костроме.

В 1692 г. Болотово по наследству перешло к Д.В.Киленину. В Болотове каменная Никольская церковь построена в 1763 г.

ДУДКИНО

Деревня находилась в Осецком стане и в XVI веке принадлежала В.А.Рожнову. Рожновы, давние владельцы земли в Костромском уезде, были в родстве с Пушкиными и носили фамилию Рожон-Пушкины.

"Потомка М.Я.Рожнова-Пушкина великий поэт А.С.Пушкин ввел в трагедию Борис Годунов" в лице пленника, который на вопрос Самозванца (Лжедмитрия), как о нем судит народ, отвечал:

"А говорят о милости твоей,

Что ты, дескать (будь не во гнев),

И вор, а молодец".

СКОКОВО

Деревня эта была известна с 1557 г., когда она вместе с селом Головинским принадлежала старинному Костромскому боярскому роду Акинфых, предки которых служили московскими воеводами еще в XIV веке.

В 1557 г. зять боярина П.Ч. Акинфова Д.Писемский умер, и его родственники село Головинское и деревню Скоково дали Троице-Сергиеву монастырю "На помин души".

Д.Писемский — далекий предок писателя А.Ф.Писемского, и фамилия их происходит от реки Письма, где Писемские имели поместья.

ШАХОВО

Село стоит на территории Андобской волости, известно с начала XV века, тогда оно принадлежало галичскому князю Юрию Дмитриевичу — сыну Дмитрия Донского.

Агентство земского страхования. Фото начала века.

С глубокой старины здесь была развита добыча болотной железной руды, залегающей в болотистых местах в пойме р. Андобы и ее притоков. Добычей руды занимались местные жители, руду плавяли в горнах и изготовляли из нее крицы, которые проковывали в кузницах, освобождаясь от окалины, из железа изготовляли хозяйственный инструмент и холодное оружие. Ценность промысла рано оценили монахи Костромского Богоявленского монастыря и выпросили у правительства деревни, в которых добывали железо.

Богоявленский монастырь в Костроме был основан в 1462 г. монахом Никитой, учеником Сергия Радонежского. В Богоявленском монастыре было собрано много произведений искусства: книг, вышивок, икон и пр., а сами здания монастыря представляли большой архитектурный интерес.

В 1629 г. в селе Шахове стояла деревянная Покровская церковь, на месте которой в 1807 г. была построена каменная 2-х этажная церковь. Часть фресок на стенах этой церкви сохранилась до наших дней. Церковь построена местным помещиком А.А.Скрипицыным, военным моряком. У села стояла его усадьба, и от нее сохранился парк.

Далеким предком этого Скрипицына Иосаф Скрипицын был игу-

меном Троице-Сергиева монастыря. Во время боярского правления в 1520-30 гг. после смерти матери Ивана IV (Грозного) Е.Глинской, когда Иван был еще малолетним, власть захватили бояре. Избранный в Московские митрополиты Иосаф был против власти бояр, и его сослали на Белое озеро и заключили там в тюрьму. Но когда Иван Грозный пришел к власти, Иосаф был освобожден и проводил политику укрепления центрального русского правительства.

ПАНИКАРПОВО

В начале XIX века деревня была в вотчине Н.Ф.Пасынкова.

Н.Ф.Пасынков в 1813-15 гг. был костромским губернатором, и когда в 1815 г. губернию ревизовал сенатор Алябьев (отец композитора Алябьева), он установил большие злоупотребления Пасынкова, особенно в обращении его и жены его с крепостными в усадьбе Паникарпово.

Присланный из Петербурга флигель-адъютант Кавелин проводил расследование и доносил царю: "Пасынков и его жена действительно обходятся с дворовыми людьми и крестьянами самым жестоким образом, за малейшие вины сажают на цепь и надевают на шею рогатки, бьют палками и секут ременными плетями с осмоленными концами, называемыми

у них кошками. Истязания сии более происходят от Пасынковой, которая жестокостью превзошла мужа. В д. Паникарпово по ее приказу был жестоко наказан мельник Петр Семенов по подозрению в утайке денег за помол, и вскоре в мельничной избе он умер. В Костромской вотчине Пасынковых было опрошено 100 человек, и только 3 человека были без наказания, а сама Пасынкова присутствовала при наказании, поощряя его ударами из собственных рук розгами, палками, кнутом, а женщин — крапивою, битьем по щекам деревянной нарочно сделанной для этого лопаточкой. Некоторые наказания за принесение ей жалоб на недостаток хлеба и теплой одежды, которой они в течение 10 лет не получали. В рабочее время люди Пасынковой для себя имели только праздник и иногда один день в неделю. Половина дворовых людей получает в месяц фунт (400 гр. — Д.Б.) соли, 15 фунтов муки, т.е. меньше солдатского пайка, а дети до семи лет ничего не получают".

Царь Александр I приказал Пасынковых судить уголовным судом, а имение их взять в опеку. Суд над Пасынковыми затянулся надолго, сам помещик был оправдан, а жена его была приговорена к церковному покаянию. Позже Паникарпово с деревнями перешло к помещику Трухину.

БЕЛАЯ РЕКА

В ней находилось Белореченское волостное правление и стояла усадьба (позже разобранный), принадлежащая Аристовым.

В усадьбе родился Илья Аристов, один из соратников Е.И.Пугачева, служивший у него военным советником. Этот Аристов сначала служил в царской армии и перешел на сторону восставших крестьян. Когда Пугачевское восстание было подавлено, И.Аристов был арестован и по приговору суда был наказан кнутом и сослан на каторгу.

Д.Ф.БЕЛОУКОВ.
Глава из рукописной книги.

Гимназист.

Чиновник.

Судиславль в лицах

Добровольное пожарное общество.

На этих фотографиях начала века запечатлены люди разных возрастов и профессий, разного общественного положения. Объединяет их то, что все они жили в Судиславле, любили свой город, хранили и продолжали его родословную.

Судиславское общество охотников.

Супруги.

Старожилы.

ХОЗЯЕВА И ГОСТИ СЕЛЬЦА ЛЕОНТЬЕВА

После районирования Костромской губернии в 1928 году семь ее уездов были переформированы в девятнадцать районов, в результате чего образовались новые границы и многие населенные пункты поменяли адреса. Именно тогда село Леонтьево Буйского уезда, что находилось недалеко от Первушина, вблизи старинного тракта Воронье-Молвитино, вошло в состав Судиславского района, став центром одноименного сельсовета как наиболее крупное и многочисленное селение. Ныне это безлюдное, заброшенное "памятное место" — свидетель давно прошедших событий, являющихся частицей не только местной, но и отечественной истории...

Владельцами Леонтьева издавна считались представители костромского разветвленного дворянского рода Шиповых, оставившие в поместье вековую память о себе в виде двух одноименных церквей: Троицкой, деревянной, возведенной в 1755 году капитан-лейтенантом Иваном Петровичем Шиповым, и каменной Троицкой же церкви, построенной на средства его жены Варвары Алексеевны, урожденной Горчаковой. Семья Шиповых, кроме супругов, состояла из двух сыновей и четырех дочерей, одна из которых, Наталья Ивановна Шипова, вышла замуж за галичского дворянина Василия Илларионовича Молчанова и принесла ему в приданое село Леонтьево с деревнями Черноухово, Лышнево и Полежаево.

Василий Илларионович произошел из московской ветви старинного дворянского рода Молчановых. Его отец владел подмосковным селом Абрамцевым, которое в 1783 году продал отцу С.Т.Аксакова и взамен того приобрел недвижимое в Костромской губернии. Позднее он стал

галичским предводителем дворянства. Кроме сына Василия, в семье было две дочери: Александра Илларионовна, ставшая женой Александра Юрьевича Пушкина, двоюродного дяди поэта, и Варвара Илларионовна, оставшаяся девицей.

Неизвестный художник.
Портрет В.И.Молчанова.

Облик В.И.Молчанова мы можем представить по дошедшему до нас портрету неизвестного художника первой четверти XIX столетия. На темно-оливковом фоне полотна едва читается мужской силуэт, развернутый в три четверти вправо от зрителя. Все детали костюма: скортук и шейный платок, как волосы и баки изображенного — черного цвета. Светлым пятном смотрится лишь лицо Молчанова да уголки белой рубашки, выбивающиеся из-под платка и облегающие подбородок.

Лицо грубой лепки: широкий нос, полные, иронично скроенные губы, под черными вразлет бровями большие выразительные глаза редкого оливкового цвета

— смотрят не прямо на зрителя, а чуть левее, как бы скользя по щеке. По виду Молчанову можно дать 40-45 лет.

По дошедшему до нас послужному списку мы можем проследить основные вехи биографии Василия Илларионовича: родился он в 1779, а умер в 1851 году, то есть прожил семьдесят два года. С детства зачислен в Екатеринославский кирасирский полк корнетом, но в двадцать три года меняет военную службу на штатскую, переводясь в почтовый департамент в чине коллежского регистратора. Спустя еще десять лет, наскучив чиновничьей рутинной, переходит в комиссариатский штат комиссионером, другими словами, становится купеческим поверенным. Такая должность считалась довольно прибыльной. Через четыре года, скопив изрядный капитал, Молчанов переводится в Костромскую губернию и женится на Наталье Ивановне Шиповой, избрав местом жительства полученное в приданое Леонтьево. Там у него рождаются дети: дочь Варвара (впоследствии замужем за Н.А.Сипягиным) и сын Дмитрий — главный наследник и надежда всего семейства...

Благодаря обширным связям и значительным финансовым средствам, отец после основательной домашней подготовки определяет сына в Санкт-Петербургское училище правоведения — привилегированное учебное заведение, основанное в 1835 году принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским. Оно готовило юристов и обещало выпускникам блестящую политическую карьеру, за что получило название "кузницы сенаторов". Из выпуска, в котором учился Д.В.Молчанов, также выросло несколько будущих сенаторов: Шаховской, Багратион-Мухранский, Оголин, кроме того

однокашником Дмитрия Васильевича был Иван Сергеевич Аксаков — писатель-славянофил. Так что в основательности преподавания в училище сомневаться не приходится. По окончании учебного заведения в 1842 году Дмитрий Молчанов получил чин XI класса и был определен чиновником особых поручений при Иркутском губернаторе. Он стал быстро подниматься по служебной лестнице: сначала назначается управляющим экспедицией о ссыльных иркутского губернского правления, а с 1849 года — начальником IV отделения Главного управления восточной Сибири. Его высокий профессионализм, трудоспособность и честность расположили к нему как подчиненных, так и начальство. Особенно теплые отношения сложились у Молчанова с генерал-губернатором Николаем Николаевичем Муравьевым, прибывшим в Иркутск в 1847 году. Ссыльные отмечали, что новый начальник края "с первых же дней своего вступления в должность проявил себя заступником, покровителем, другом декабристов. Он не только принимал их у себя, он ездил к ним. С домом Волконских у него установились отношения самой тесной дружбы..." (1) Дмитрий Васильевич Молчанов всегда сопровождал начальника при этих визитах и не только по долгу службы...

Семья Волконских появилась в Иркутске в 1844 году. Жители города были наслышаны о ней. Князь Сергей Григорьевич, которому в это время минуло пятьдесят шесть лет, был генерал-майором, участником всех наполеоновских войн, награжденным многими боевыми наградами. Долгое время пребывая за границей, он набрался вольного духа и вступил в тайное общество "Союз Благоденствия". Был принят туда в 1820 году М.А.Фонвизиним. Позднее состоял и в Южном обществе. Будучи противником монархии, Волконский выступал за республиканское правление. В начале 1826 года был арестован. Верховный суд инкриминировал ему "участие согласием в умысле

на царубийство" и приговорил к смертной казни, замененной двадцатилетней каторгой.

Туда, в Благодатский рудник на Нерчинский завод, приехала его молодая жена — Мария Николаевна, дочь генерала Н.Н.Раевского. Они были женаты только год. Чтобы разделить трудную долю мужа, ей пришлось оставить родителям новорожденного сына Николая. (Умер в 1827 г.) Ее подвиг увековечил Н.А.Некрасов в поэме "Русские женщины".

Тяготы каторжной жизни скрасило Марии Николаевне рождение двух ее детей: сына Михаила в 1832 году и дочери Елены в 1835 году. Забота о них поглотила ее целиком, и когда от Николая I поступило предложение отослать детей в Россию и поместить в казенные учебные заведения, то это повергло Волконскую в ужас. Разумеется, она ответила отказом, но опасение насильного отторжения от нее детей довело ее до опасной болезни, ставшей впоследствии причиной смерти. Но эта же болезнь помогла семье перебраться на поселение из далекого Урика в Иркутск, где больная могла найти более знающих врачей.

Они были обязаны встречаться с управляющим экспедицией о ссыльных Д.В.Молчановым, и его с первой же встречи поразила необыкновенно красивая и не по возрасту разумная десятилетняя дочь Волконских Елена, которую домашние называли на английский манер Нелли. Она пошла в мать, которая в юности была стройной высокой брюнеткой, с черными, как смородина, глазами, полусмуглым лицом и чуть вздернутым носом. Она имела упругую и гордую поступь, недаром близкие дали ей шутивное прозвище "Дева Ганга". Но красота Нелли была на порядок выше, одухотворенней: она впитала в себя лучистость отцовского взора, и ее взгляд проникал в душу каждого, пленяя и очаровывая. Поистине, она была всеобщей любимицей. Не избежал этой участи и Дмитрий Васильевич Молчанов. За несколько лет на его глазах милый ребенок превратился в

восхитительную девушку. Потерявший голову молодой человек просит у родителей пятнадцатилетней Нелли ее руки. Его предложение вызвало противоречивые мнения у членов семьи. Девушке жених нравился: скромный, вежливый, с привлекательной внешностью; мать видела в будущем зяте человека, способного выволить дочь из Сибири и обеспечить ее положение в обществе. Что касается отца, то он, признавая положительное в Молчанове, видел в нем главным образом чиновника административного аппарата той системы, против которой некогда восстал и которая сторицей за то взыскала. Он категорически возражал против этого брака при молчаливой поддержке друзей-декабристов, принимавших участие в судьбах детей Волконского, будучи их учителями и крестными отцами...

И тем не менее стараниями Марии Николаевны брак состоялся. Свадьбу сыграли в Иркутске 17 сентября, и сразу же молодые поехали в Петербург, который Нелли знала лишь по рассказам родителей. Письма родным от Елены Сергеевны дышали счастьем, от Молчанова — рыцарством. Даже Сергей Григорьевич стал сомневаться в своих тревожных предчувствиях.

По дороге в Петербург Молчановы остановились в Томске, навостив старого друга Волконского Гавриила Степановича Батенькова — легендарного декабриста, отсидевшего двадцать лет в Свартгольмской крепости в одиночной камере. С первых минут свидания Нелли покорила старика, который проникся к ней чувством нежной отеческой привязанности, сохранившейся до последнего часа жизни. О нем он признавался в письме к И.Д. Якушкину: "Елена так мне мила, что кажется, Сергей Григорьевич опрыскал нас чем-то из своего собственного сердца". (2) И в другой приезд Молчановых, сопоставляя его с приездом сына Якушкина Евгения, писал другу: "Вот уже я видел трех из нового поколения нашей касты и нашел вполне, что им дано не только

самое ценное по положению их воспитание, смыкающее требование света с простотою человеческой свободы, но даже и душа — прекрасное отражение на семейства, из которых они произошли". (3)

В Петербурге молодых супругов встретили радушно. Многочисленная родня наперебой приглашала их к себе. Елена Сергеевна обратила на себя внимание всего света, и не только обаянием своей личности, но и тем, что была за многие десятилетия первым посланцем "оттуда" — из далекого холодного края, приютившего сотни изгнанников, и столичные родственники жаждали рассказов о их жизни. Но Елена Сергеевна не только веселилась в столице, пользуясь возникшими связями, она сумела выхлопотать разрешение на возвращение больной матери в Москву.

Вернувшись домой, Дмитрий Васильевич спешил разобраться скопившиеся в его отсутствие дела. Одно из них, "Дело Занадворова", генерал-губернатор поручил расследовать Молчанову в срочном порядке. Лесопромышленник и поставщик Ф.П.Занадворов, хотя и имел мизерный чин губернского секретаря, но, благодаря своей женитьбе на племяннице сибирского золотопромышленника Е.А.Кузнецова, приобрел огромные капиталы, а следовательно, и власть... Эти деньги Занадворов присвоил, будучи душеприказчиком Кузнецова. За злоупотребления, а также за поджог леса на его Оклеминских приисках он был отдан под суд. Зная силу денег, Занадворов не боялся ни губернатора, ни его помощника-следователя и, не таясь, грозил, что утопит их в своем золоте... Когда Молчанов стал слишком близко подкапываться под преступника, тот вдруг официально заявил, что будто бы Молчанов получил от него, Занадворова, взятку в двадцать тысяч рублей за обязательство замять дело. О реакции Дмитрия Васильевича на грязную инсинуацию рассказывает князь Сергей Михайлович Волконский: "Узнав об этом, Молчанов вне себя побежал к

Муравьеву. Говорят, что не видали еще Муравьева в таком состоянии гнева... В то время был назначен блистательный официальный прием в генерал-губернаторском доме — весь чиновный люд, военные власти, духовенство, купечество. В рядах последнего был и Занадворов. Отворилась дверь, и из нее не вышел, а вылетел Муравьев, прямо на Занадворова. В присутствии всех он так отчитал его, что тот с опущенной головой должен был выйти, как побитая собака". (4)

С.Г.Волконский.
Фото 1860-х гг.

Такого посрамления промышленник снести, конечно, не мог: дело о взяточничестве было запущено в производство. Н.Н.Муравьев, понимая, что местный суд подкуплен Занадворовым, настоял, чтоб дело разбиралось в одном из западносибирских судов. Однако и это не помогло: первый этап выиграл Занадворов: вторая инстанция должна была проходить в Москве. Туда в срочном порядке отправился хлопотать Занадворов. Волконские-Молчановы томились в Иркутске, ожидая результатов. Но жизнь не стояла на месте. В 1853 году у молодой четы родился сын, названный в честь деда Сергеем. Крестным отцом его вызвался быть Н.Н.Муравьев. Однако все сгущающаяся туча нависшего обвинения омрачила радость родителей. Появляются новые сфаль-

сифицированные улики по делу: записка, напоминающая почерк Молчанова, в которой сообщается Муравьеву о том, что он, Молчанов, получил деньги с Занадворова и обещал прекратить дело. Записку подбросили в Петербурге председателю Сибирского комитета князю Чернышеву. Молчанова вызывают для объяснения в Петербург вместе с Муравьевым. Там они объясняют суть дела и убеждают Чернышева, что цель этой акции компрометация их в глазах петербургского начальства. Князь Чернышев доложил об этом царю, и тот приказал объявить Молчанову "высочайшее повеление", чтобы тот всю жизнь не говорил никому об этой записке. Фальшивая улика была ликвидирована.

Все происходящее не прошло бесследно для психики Дмитрия Васильевича: волнения, вызванные допросами, раздражение втянутого в дело Н.Н.Муравьева, сомнения в его правоте знакомых вызвали в нем тяжелую депрессию и в конечном счете привели к неизлечимой болезни — прогрессирующему параличу. В 1854 году у Молчанова отнялись ноги, он был вынужден оставить службу. Оставив сына на попечение матери, Елена Сергеевна повезла больного мужа в Москву, в город, где продолжал свои хлопоты в суде Занадворов. Из-за эпидемии холеры город опустел. Нелли скиталась по канцеляриям с несчастным мужем, которого она в колясочке катала по пыльным, знойным улицам. К довершению всего Молчанов, несмотря на болезнь, был приговорен к предварительному заключению. У молодой женщины хватило мужества с помощью одного из врачей выволить больного из заключения. Однако ее силы, и физические, и душевные, были на исходе. Однажды, воротясь домой после утомительных хлопот и отворив дверь, она разрыдалась, увидев приехавшую из Сибири мать и сына Сержу... Лаская сына, Нелли слушала рассказы Марии Николаевны о том, как они коротали время с внуком: любимое развлечение Сержу-

жи — взяв бабушку за палец, ходить вокруг комнаты, рассматривая портреты. Дольше всех они останавливались перед тетей Катей, потому, что она с собачкой. С приездом близких окрепла надежда на лучшее. Но судьба не переставала испытывать молодую женщину. В 1855 году дело Молчанова, рассматриваемое в московском ордонансгаузе, было завершено и получило приговор: признать Д.В.Молчанова виновным и, приговорив к лишению всех прав и состояния, выслать в Сибирь. Это был конец... От Молчановых отвернулись все. Лишь друзья-декабристы скорбели о их участи. Батеньков писал Пушкину: "Странная, тяжелая судьба этой милой женщины! Верно мы, имея несколько отрадных часов в жизни, передали ей Восподнение наших страданий, чтоб весь крест предстал в вечность бездонночно. Нам до могил недалеко, а ей еще путь и путь... Впрочем, последние письма от нее успокоительнее, но на кого она полагается, кто будет рассматривать и пересуживать?" (5) На эти вопросы у Нелли имелись ответы: "пересудить" теперь могли только в одном месте — она имела в виду последнюю шатадель справедливости — Правительственный Сенат. И чудо случилось: несмотря на попытки давления на Сенат со стороны золотопромышленника, а может быть, и благодаря им, 25 мая 1856 года Д.В.Молчанов был совершенно оправдан, а Занадворов предан суду. Приговор Сената как высшей судебной инстанции был окончательным и не мог быть обжалован.

Увы! Молчанову это уже не могло принести утешения: в нем угасли последние проблески разума. В то время Свербеев сообщал Трубецкому: "У Волконских-Молчановых разыгрывается жестокая сцена — Молчанов окончательно сошел с ума, ругается, неистовствует, а нынче ночью дошел до того, что сорвал с себя одежду и голый валялся на полу: думают, что придется надеть на него смирительную рубашку и, пожалуй, отдать Саблеру (врачу-

психиатру). На это не решается Елена Сергеевна. Что за страшная катастрофа в этой семье. Какая плачевная доля у молодой женщины..." (6)

"Бедная, бедная Нелинька, — вторит ему Штенгейль, — да укрепит ее господь в поднятии креста, налагаемого на ее слабые плечи!". Через несколько месяцев господь призвал страдальца к себе. На похоронах Молчанова, в ту минуту, когда выносили гроб из дому, подкатила коляска, в ней сидел Занадворов с явным намерением оскорбить родных покойного и позлорадствовать на его могиле. Александр Николаевич Раевский, дядя Нелли, кинулся к нему с угрозами и помешал выйти из коляски, и тот вынужден был уехать прежде, чем Елена Сергеевна его увидела.

Через несколько месяцев Сергей Петрович Трубецкой подвел итог этой грустной истории: "Итак, Молчанов умер, и Нелли свободна, и все испытания ее миновались. Дай бог, чтоб мать, наученная опытом, не бралась снова устраивать судьбу дочери по своим видам..." (7)

В 1856 году Александром II, только что вступившим на престол, была объявлена амнистия ссыльным декабристам. Воспользовавшись свободой, Мария Николаевна Волконская с дочерью выехала за границу для поправления здоровья и восстановления сил. Сергей Григорьевич остался с Сережей в подмосковном имении, поскольку решил съездить в Костромскую губернию для утрясения наследственных дел внука. Он получил разрешение на выезд и прибыл в Леонтьево через Судиславль в конце августа 1857 года. Их там встретила Наталья Ивановна — мать покойного Дмитрия Васильевича Молчанова. Она впервые увидела внука и сразу полюбила это милое и ласковое дитя. Доля недвижимого имущества, предназначавшаяся покойному, безоговорочно перешла к его сыну. Состоялось знакомство гостей с родными: Сипягиными, Пушкиными, Молчановыми. В честь умершего был заказан молебен. Во все время пребыва-

ния "государственного преступника" в Костромской губернии за ним осуществлялся негласный надзор, а по возвращении князя в Москву 5 сентября гражданский губернатор князь Щербатов сразу ставит в известность III-е отделение.

Спустя некоторое время Сергей Григорьевич с внуком едут во Францию догонять родных. В Париже семья соединилась. Там вскоре произошло торжественное для всех событие — свадьба молодой вдовы Елены Сергеевны Молчановой с достойным человеком — Николаем Аркадьевичем Кочубеем. Видимо, устроившая и на сей раз брак дочери Мария Николаевна не сделала из предыдущей истории никакого вывода. К счастью, на сей раз она не ошиблась.

Мария Николаевна Волконская умерла в 1863 году, Сергей Григорьевич пережил ее на два года. Оба они похоронены в именинши зятя Кочубея в с. Воронки Черниговской губернии.

Что касается Елены Сергеевны, то, переживя второго мужа, она вступила в третий брак с Александром Алексеевичем Рахмановым и дожила до глубокой старости, пребывая последние пятнадцать лет в параличе, но обладая изумительной памятью, благодаря которой смогла продиктовать свои воспоминания племяннику Сергею Михайловичу Волконскому. Умерла она в 1916 году на 81-м году жизни, до последнего часа оставаясь кумиром всех, окружавших ее.

Судьбу ее старшего сына Сергея Дмитриевича Молчанова, к сожалению, пока проследить не удалось...

Елена САИРЬГИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Волконский С.М. Воспоминания. М. 1994 С. 69.
2. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск. 1989. С. 311.
3. Там же. С. 311.
4. Волконский С.М. Воспоминания. М. 1994 С. 80.
5. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск. 1989. С. 357.
6. Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск. 1983 С. 530.
7. Там же. С. 313.

«ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ ТИШЬ»

Из записок дворянина Павла Прибыльского

Автором этих записок о жизни судиславской усадьбы на рубеже XIX-XX веков является Павел Николаевич Прибыльский (1886-1939 гг.). Дворянский род Прибыльских происходит из Польши. Один из Прибыльских спас от смерти царя Алексея Михайловича во время охоты. В память об этом герб фамилии украсило изображение лося. Прибыльские связаны родством с дворянами Кермиками, Бехли, Шамазовыми, Раевскими, Власовыми, Жоховыми, Захарьиными, Вяземскими и другими. Генеалогическое древо Прибыльских объединило представителей различных стран Европы и даже Филиппин.

Павел Николаевич Прибыльский был женат на Екатерине Михайловне Зотовой, закончившей в Санкт-Петербурге училище лекарских помощников и фельдшерниц, состоявшее под Августейшим покровительством Императрицы Марии Федоровны, и медицинский факультет Киевского университета им. Святого Владимира. После империалистической войны, которую Екатерина Михайловна провела в польских госпиталях, она стала одной из первых женщин-земских врачей. Екатерина Михайловна была прекрасно музыкально образована и никогда не расставалась с подаренным ей в детстве немецким кабинетным роялем, давая частые концерты в сельской глуши.

Прибыльский тоже получил прекрасное образование: закончил Санкт-Петербургский университет, знал несколько иностранных

языков, интересовался историей, искусством, сам прекрасно рисовал, писал талантливые стихи. Вырос он в старинной усадьбе Лиханово на реке Мезе. С детства ему были знакомы дворянские семьи Трухиных, Ермоловых, Исаковых, князей Урусовых, Чихачевых, Хомутовых, Карцевых, Корниловых, Бутаковых, Зиновьевых...

В усадьбе Лиханово радушно принимали будущего выдающегося костромского краеведа Николая Виноградова. Позднее через него Павел Николаевич вошел в Костромское научное общество по изучению местного края (КНО), а затем возглавил его Шишкинскую секцию.

Из множества трудов, докладов Шишкинской секции КНО до наших дней дошли не многие. До сих пор не было известно работ П.Н. Прибыльского. Однако то, что сохранили в семейном архиве его потомки, ставит имя Павла Николаевича в ряд лучших краеведов костромской земли.

Вниманию читателей предлагается часть его записок, касающаяся истории нынешнего Судиславского района. Это редкий образец воспоминаний о прошедшей жизни сельской глубинки и г. Костромы в период больших перемен. Историк, этнограф, натуралист, художник и просто образованный читатель найдет здесь ценные наблюдения и замечания, записанные прекрасным русским языком интеллигента прошлого века.

Юрий СМЕРТНОВ

ЗАПИСКИ ПАВЛА ПРИБЫЛЬСКОГО

1.

После тихих лет деревенского детства (мы жили безвыездно в деревне и зиму, и лето) на восьмом году моей жизни в 1893 г. поехали мы на зиму в Кострому.

Моя сестра Миля (сводная) и брат Борис поступили в гимназию и жили у бабушки Екатерины Васильевны Зиновьевой. Мы, сле-

дующие за ними, подрастали. Родители не желали отдавать детей в "нахлебники". "Нахлебничеством" занимались многие, начиная с учителей гимназии и кончая дьяконами. Был куплен дом с садиком в Новотроицкой улице. Здесь мы прожили лет пять.

Отец — беспечный, нечего грех таить, очень легкомысленный, през-

вычайно доверчивый к людям, щедрый до расточительства, веселый всегда, вспыльчивый и жизнерадостный — все время жил не по средствам, создавая впечатление нашей "помещичьей" жизни. Хозяйство в деревне по сути дела не давало уже дохода и по Общим причинам тогдашней деревенской экономики, и в силу бесхозяйственности.

Была страсть к лошадям, и в то же время — продажа племенного молодняка за бесценок. "Улучшаю крестьянскую породу", — отшучивался отец.

Продавали "на сруб", "по десятиночкам" лес — "под хлеб". "под подсеку", но этот источник был не бесконечен, хотя и значителен. "Леском держусь". — сокрушенно качал он головой и улыбался. Летами, конечно, мы жили в деревне, стремясь туда всеми силами детских душ. Все еще по традиции и по инерции катились колесики бог весть когда заведенной машины. Были работники. "управляющие". была выездная "тройка" — последний символ уходящего... Но все ветшало, требовало замены, ремонта...

Да и кругом в деревне — незаметно, медленно — совершался "переход". Но "дыхание" старой, дореформенной России, отголоски крепостного права, тысячелетняя деревенская тишь еще ясно были слышны в моем детстве.

Еще живы были по деревням приусадбные дворовые. "Исконных" господ уже в округе поблизости почти не было: усадьбы давно были в других руках, иногда уже во вторых, в третьих.

Разбогатевший Чакалов появился в старой Ратилдовской усадьбе. (1) а через 3-4 года усадьба перешла в руки разбогатевших крестьян. Костинцево-Фатьяново (2) разошлось по мелочам. Пчелкино (3) — к купчихе Королевой. А "исконные" господа? Внук сумасшедшего князя М. Урусовой Василий Николаевич Ермолов, "посредник", который даже себе печать заложил "земледелец Ермолов", не желая слышать звания "дворянина", уже начинал "чудить" (4). Ездил на своей знаменитой и действительно чудесной золотисто-рыжей тройке (мы все Ермолы — рыжие!), с рыжим кучером, летом в санях в город Кострому. К мамочке — поцеловать ручку и уехать.

И никому не приходило в голову, как глубоко болен В.Н.! А его племянник, "Вахневский" Чихачев, (5) сын "Чихачихи" — Александры Васильевны (ученица Грановского!), огромный, светлорободый,

скромный и дельный хозяин, прогремел во всех газетах своими сумасбродствами. День и ночь горели лампы в их доме (очевидно, у него была мания преследования), а он, голый, ходил то со старой согнутой железной шпагой от парадного мундира, а то и с топором по комнатам. Запрягал тройку лошадей зимой "гусем" в корыто и ехал в волостное правление "по вызову" земельного начальника. Стал пить немилосердно, гонял на лошадях из деревни в деревню с оравой мужиков. Устраивал "похороны"

Павел Николаевич Прибыльский.

мертвецки пьяному бродяге-монаху и кончил свою славную жизнь, приехав домой в санях с разрубленной головой — разрубленной топором своего собутыльника Сашки Антонова.

О Бутаковых не осталось ничего, кроме памятника и церкви в селе Семилово (6): пушки, якоря, цепи, ядра, осененные крестом, а под ними — адмирал Бутаков, известный своими исследованиями морей, впрочем, кому известный? И в крепостные времена в нашей округе, за небольшим исключением, крупных владений не было.

Когда-то еще в Екатериныны времена здесь проживали Головцыны, Овцыны. Ближе к Костроме — Карцевы, Корниловы. (8) Деревни принадлежали двум, трем, а иногда и четырем помещикам. Вот в нашей деревне долгие годы ряд изб, дворов и насе-

ляющие их обитатели назывались "тишовскими" (9), а другой ряд — "жадовские".

Резко бросалась разница между деревнями. Наша приусадебная-полудворовая, бедная, бездольная деревнюшка, несмотря на отличные уголья, отданные ей последней госпожой из дома Жадовских — Ольгой Николаевной, по мужу Урусовой. (10) В память погибшего на Кавказе Сашеньки она жила пьяно, бедно и нелепо! Соседние деревни "хортюмили" у нее то полянки, то сенокосишко, то "зауголок леса" и жили исправно, ровно — в чистых избах. Хозяйственные мужики по воскресным дням, особенно ранней весной, когда в деревне еще холодно и голодно, за бесценок, а то прощя, а пожалуй, чаще — за водку уманивали "у мира" нужный, приглянувшийся кусок.

На 40 дворов был один самовар — у Назара Осипова (сына "бурмистра" Осипова), румяного и глупого мужика с черной кудрявой головой. Проста и бедна была жизнь!

Одежда была своя — от рубахи до суконного кафтана. Пояс с кистями, "праздничные" пояски "со словом" и тоже с кисточками, а на поясах гребень, на нем и ключ — это была почти форма. Серые и темно-коричневые кафтаны, непременно подпоясанные широкими жгутами "подпоясок". Чаще всего красные, зеленые реже. "На усадьбу", в волость, в церковь без подпоясок не хаживали. А также в дорогу или "на конную работу". Последнее для удобства, в первых же случаях — нерушимый деревенский этикет!

До начала девяностых годов "тверды были мы в одежде" — как говорил мне приятель мой Гришано. В наших местах влияние города было не сильно — отходники были, но и они не отступали от "древнего".

Бондари, точильщики, но их было мало, да и отход не влиял на уклад их жизни. Около нас ближайšie три деревни промышляли дома. Наша — "угольщина". С утра до ночи дымилась угольные ямы по берегу Мезы, застилая белым дымом луговины, окутывая

деревню, курились по прибрежным березнякам.

Закопченными, с зачерненными лицами медленно похаживали с вечера до утра мужики, "оправляя", подливая где надо воды, а ребятишки, голые, валялись в мягкой, теплой, печеной "патье", чтобы потом "с разика" бултыхнуться в реку — и докупывались до зубной дробин, лезли опять в благодатную "патью", не обращая внимания на сердитые окрики.

Круглый год — зиму и лето — дымилась низины Мезы! Уголь везли главным образом в Кострому, в кузницы и фабрики, в черных, насквозь пропыленных угольной пылью рогожных кулях. Углем промышляла вся "беднота". Жгли уголь и в других деревнях, но не "специализировались" на нем, а случайно, или опять попадалась такая же "бездольная" и "пьяная" деревнюшка, вроде Шигорева (близ села и деревни Семилово), в трех верстах от нас. Само Семилово не жгло угля. В версте от нас "за борзиковским лесом" — Голичиха, "государственные" крестьяне. Не знавшие крепостного права, они отличались спокойствием, отсутствием раболепия в сношениях с господами и в то же время вежливостью. Жили ровно: в хороших избах, не имели "голытьбы" и не "кулачили". Был дом богаче всех у мельника Василия Иванова, высокого, часто пьяного мужика, слезливо твердившего при встречах: "Извините, извините за слабость". Но вся деревня была полна достоинства и крестьянского благополучия. Подсобляли хозяйству "ящичком". Тянется, бывало, их длинный обоз, обычно в воскресенье, в ночь на понедельник (на базар в Костроме), — и на длинных снопозовных телегах ярко блестят свежей тесиной ящичков огромные возы, — везли на фабрику, по лавкам. Другие ближайšie к нам деревни не имели реки. Вся окруженная "барской" землей деревня Калининка (12) делала лопатки. Косные лопатки, ибо тогда по деревням точильные бруски для кос были роскошью, своего рода драгоценностью. Вот это подсобное домашнее производство и задерживало влияние города, ослабляло

тягу в город, и дольше, чем в других местах, держались наши ближайšie соседи — деревни за старый своей "свучай".

Верстах в шести "за лесом", за веселыми березняками, за мрачным еловым лесом, на лесной, почти не проезжей дороге, стояла среди леса с веселой зеленой улицей деревня Плосково (13) — бондари, старое, вкоренившееся ремесло. С ранней осени, к огурцам и к капусте, уходили все мужики на заработки, преимущественно в Ярославль.

Лесные глухие деревни, не испытывавшие близости господской усадьбы, покоя веков на оброке у своих старинных господ Кологривовых (14), давным-давно распростились со своими землями. Здесь избы были еще лучше: и тесовые крыши, и богатство резьбы, и весь ее чистый, веселый, нарядливый вид были резкой противоположностью нашей, соломенной, с покосившимися избушками, где еще были окошки — "волокуши", а и топились-то многие из них по-черному.

Ласков, приветлив, простосердечен и открыт душой был народ. Верно? Верно ли?

Угрюм, несловоохотлив, скрытен и темен, лжив, корыстен и жаден. Верно ли? Вероятно, верно.

Это писали, это говорили. Воронежский и орловский мужик, по Бунину, чего стоит! А ведь Бунин хорошо его знал! В детстве ли моем (по младенчеству), в юности ли да в зрелые годы склонялся я к первому мнению, о втором и не думал. Лесная наша губерния. Зерно не играло большой роли. Испокон веков крупные помещики держали крестьян на легком оброке. Барщину знали немногие, и то ближе к городу, да у мелкопоместных, а отходничали, следовательно, уходили на оброк и в те давние времена! Ни инцидентов, ни ссор, ни войнишек, ни недоразумений из-за покосов, потрав (обычно бывающих летом), из-за порубок леса — ничего этого у нас, то есть у отца моего, не было.

У соседей, в особенности у нуворишей, вроде Чеколева, купца Крылова (15), по усадьбам очень богатого кабатчика Третьякова

(16), где сидели его сыновья, эти войны принимали зтяжные и острые формы. Суды, штрафы, поджоги, потравы, обливание керосином стогов перед "иллюминацией", еще до зажигания, чтобы пугнуть!

Помню я, как хохотал отец, узнав, что у земского начальника Трухина (17) увезли стог сена, а на стожар прицепили берестяную записку: "Извините, не чисто подгребли". Дело было при гостях, насколько помню, на Масленицу, и Ген. Ник. Исаков (18) — горячий, вспыхнувший маленький седеющей старичок, кричал: "Николай Павлович! Как можно над этим смеяться!?" — "Да в том и смешно, что не у меня, не у Ан. Вас., а у самого "земского"! И потом записка эта!". Г.Н. кричал: "Уезжаю — слушать не хочу! Пусть Павел подает лошадей!" Но его уговорили, и неизменный его Павел спокойно управлялся с блинами и водкой и потом спокойно спал в кучерской до позднего вечера.

Мир с мужиками прочный был у нас в Лиханове и у "Чихачихи" и по совершенно разным причинам. Александра Васильевна Чихачева (урожденная Ермолова) (19) — ближайшая наша соседка — была высокая старуха, державшаяся всегда прямо. Прекрасно образованная, очень умная (ей действительно давал уроки Грановский), она была справедлива и прекрасно знала хозяйство. Умела и помочь "без доброты", но дельно, хозяйственно, умела заставить себя уважать. К ней шли за советом и за, как это ни странно, судом: "Уж ты, матушка Александра Васильевна, приговори нам. Так уж по-твоему и будет!" Не надо забывать, что это было в 90-х гг. и приезжали не только свои, но и дальние. Но "дальним" приговоров не выносились, а только выходила она к ним в черной шелковой косынке и своим строгим внимательным взглядом оглядывала и садилась: "Говори коротко и только суть дела. Совет дам — судить не буду". Отец мой звал ее "Леди Чих — наш шериф". Выдержанная, спокойная, она, вероятно, и в самом деле была похожа на старую миледи и по внешности.

А у отца с мужиками был мир и полное согласие вследствие доброты, щедрости и бесхозяйственности.

Диаметрически разные причины вели к единому результату. На лесные порубки больше всего жаловались приказчики крупных лесников-купцов: "Что вы мимо господского леса едете ко мне? И дальше, и лесники вас накрывают. Что, что, мое дерево слаще? У андаровского барина почти никто не стережет леса, есть у него в Плосковке лесник Ник. Монтьев — старик, никуда и не ходит — поди!" — "У него Микола Угодник стережет, — с иронией отвечает порубщик — вот кто, оттого нам там и не сподручно! Да и сами бережем!" И ядовито добавил: "Да мы к андаровскому-то барину в лес когда хочешь поедем: ни ночи, ни выюги не наде; все одно как наш он, андаровский-то лес".

Этот разговор имел место после суда над какими-то порубщиками в волостном правлении, и опять передавали его отцу при нас, при детях, и так счастливо и весело хохотал отец.

Вспылить, покричать, возмутиться каким-нибудь случаем ему ничего не стоило, но остывал он моментально. Табун лошадей, смявший овес, он велит "застать". Бегут — загоняют на конный двор. Отдается приказание: "Не отпускать, пока хозяева не придут!" Это значит — штраф! Часа через два является конюх-пастух — знаменитый, седой бритый старик "Дейка", или Левушка Николаев, солдат, всегда становящийся при господах "в позицию" с кнутом, перевитым через плечи. Дейка стоит у крыльца, повесив голову. Выдержан первый залп. Дейка ждет второго!

"Николай Павлович, мужики-то ведь с меня сдерут! Чем зиму-то жить буду... с огромным семейством?" — жалобно врет Дейка и вдруг начинает дрожать и стучать зубами. "Что с тобой?" — "Обробел, как табун от слепней, бросился к Вам в овсы. Я за ним, да в бочаг, в клочевину и завалился, насилу не потонул! Задрог!"

Действительно, портки и рубаха на Дейке прилипли к телу. Первое

действие спектакля кончено. Отец машет рукой. Во втором действии Дейку кличут "на курню". Там он из чайного стакана медленно сосет водку и морщит тонкий лисий нос. Табун под его оживленные возгласы вываливает из ворот.

Дома, в деревне, уже знают, уже волновались. Только вечером перед ужином появился в деревне Дейка. "Ты что, черт паршивый, опять у барина хлеб травил? А? Долго мы с тобой, с сукинным сыном, возиться будем?" Дейка и здесь действует на психологию — молчит. "Где лошади-то?" — "А где им быть — вота весь табун, все до одной!". — "Да ты на кой черт подогнался-то к овсу?". — "Да ведь вы, хозяева дорогие, водки не поднесете, а у тетки Настасьи на череду луку наелся — до чего пить захотелось! Вот и подогнался! Уж барин надо мной и почудил... а потом и говорит: "Дайте ему, подлецу, водки, замерз старик". Далее следует обстоятельный рассказ мужикам у вечерней завалинки под махорочный дым. Дейка вдохновенно врет... Мужики сперва хохочут, но потом он добивается все-таки, что кто-нибудь его "учит" и норовит упасть от удара картинно и жалостно. Беспечен и по-детски доверчив и непрактичен был отец, добр, услужлив и весело приветлив с простым народом: "Как его обидеть! Он и так всем обижен!". Все эти "прекрасные качества" отца тяжело отражались на всей нашей жизни, и всего тяжелей их груз давил на плечи мамы. Всегда ровная, сдержанная, умная, она много вынесла из-за нрава отца, вспыльчивого донельзя. Экономила, конструируя нам, детям, костюмчики, проектируя всевозможные першивки, перелицовки себе. "Анюточка! Как ты ходишь!" — вдруг замечал отец. Мама говорит, что всем надо бельё и обувь... Отец уезжает и вдруг присылает с кучером очень дорогую бальную ткань матери... на платья! Или еще что-нибудь более несообразное! Все это выплакивается в одиноких, никем не виденных слезах.

2.

Разъездная служба отца (он служил инспектором в Кинешме) от-

вечала его живому характеру. Приезды, отъезды — своеобразная дорожная поэзия (он любил дорогу!) — давали впечатления жизни. Стены душили его. В Кинешме он имел и квартиру, живя там неделями. Сталкиваясь с торговым бойким человеком по должности, он, совершенно презиравший в душе "наживу" и жадность, любил впитывать впечатления и рассказчик был прекрасным.

Читал он так, что у нас, у ребят, захватывало дыхание, да и взрослые сидели, как прикованные. Вечером или в столовой, или в зале на стол ставились свечи, сладкий крепкий чай и груды книжек. Гербель, английские поэты, Байрон, Тургенев, Гончаров, Островский (тогда на него была мода), Шекспир, философы и т.д. Бывало это и при гостях: старухе Фонтековой Павле Ив. (20) и ее дочери Зиночке с черными изюминками-глазами и неизменной их компаньонке Марии Евгеньевне — даме неизвестного возраста и цвета. Фатьянов (21) сам (моряк, капитан II ранга в отставке — приятель моего деда) уже умер, а бывал при этих чтениях "измайловский барин" Геннадий Николаевич Исаков, живший от нас верстах в 10. мамыны сестры — тети, Лида и Сима, часто гостившие у нее, и измененная наша т. Юлия.

Читал он превосходно! Сидеть, примостившись поудобнее на диване или на кресле и только об одном заботиться, как бы меньше обращать на себя внимание: "Вдруг уже поздно!? Вдруг спать погонят?!"

Помню, в летние вечера читал отец в саду: были там удобные садовые столы с лавками вокруг них. На колпаки свечей налетают ночные бабочки. Поблескивает неизменный чай, отражая языки свечей: отсюда раньше "гнали спать".

Мы, дети, жили дружно. Две сестры и брат были старше меня — погодки, я допускался в их кампанию на различных условиях, но, в общем, и они меня баловали. Наше образование было в руках мамы, она занималась и со старшими — Милей и Борей, готовила их в гимназию. Маня являлась ассистенткой добровольной, допус-

кался и я при условии: сидеть тихо, не разговаривать, если интересно, то слушать, а лучше всего рисовать. Страсть к чтению обуяла всех нас. Читали мы все, что находили подходящим, читали взахлеб, напропалую.

Дом в Лиханове (22) стоял перед липовым садом, спускавшимся к Мезе. Конюшня на 4 денника. Каретник. Погреб. Амбар. Вот и все службы. Это было очень комфортабельно, ибо все хозяйство было сосредоточено за оврагом в той усадьбе. Там, в Андарово, именовавшейся "та усадьба", были скотные и конный дворы, службы, расположенные четырехугольником перед старым домом с деревянными огромными колоннами, серыми от времени. В Лиханове же не было ни мух, ни орущих петухов, ни коровьих утренних и вечерних концертов — там ничто не беспокоило. Здесь же, в той усадьбе, с раннего утра шло хозяйство. И отсюда шли провиантные рейсы, утренние и вечерние, доставлявшие в Лиханово вс. снесь. Дуни беленькие, Дуни черненькие. Маши, Груши мелькали на веселой тропинке, шли длинным мостиком на высоких сваях через овраг с гладкими, блестящими на солнце перилами и остроконечными столбиками на свайных концах.

Первые путешествия совершены мною именно этой дорогой. Отец не любил почему-то, чтобы мы, дети, присутствовали при хозяйственных операциях, терпел наше присутствие, но если обращал внимание, то говорил: "Ну, идите, идите, бегите, играйте!". А много ли здесь было развлечений? Можно было убежать в поле и часами — за плугом, что очень любили работники, так как мы развлекали их. Можно было ехать верхом на обед или просто править парой лошадей, свободно идущих на возжах к дому. Можно было выпросить у кухарки зеленых шей с солониной — вкуснейшего из всех когда-либо съеденных мною блюд. Можно было покормить густо насоланным хлебом любимцев: Воронушку, Тамарку, Приставку, какого-нибудь веселого стригунка с остро насторожен-

Герб рода Прибыльских.

ными ушами и нежными, как пух, губами. Постоять на пруду с "птишницей", сухорукой Акулей — старой девушкой, вечно бормотавшей озабоченно над стайками утят. Поглядеть, как лечат индюшат водкой и перцем, мимоходом подразнить индюков!

Никто из нас не проявил наклонностей к хозяйству. Маня увлеклась птицей и несколько лет орудовала, начав девочкой вместе с Акулей разводить породы, приставляла, чтобы ей везли из города яйца, но это была единственная серьезная попытка.

3.

В старом андаровском доме, приобретенном еще дедом у Ерлыковых вместе с Андаровым, все дышало глубокой стариной, старым помещичьим бытом.

Огромное ампирное крыльцо с колоннами. Рамы в окнах подъемные. Серая от древности, поросшая лишайниками тесовая обшивка. Расточительно огромные сени, темные, глубоко входящие в дом, с резким, пронзительным запахом кожи, седлами, старой сбруей. Застарелый дворовый запах! Чуланы-кладовые — и все пронизано специфическим столетним духом.

Изредка удавалось проникнуть в эти таинственные хранилища. Вас от них оберегали. Находили мы там среди разного хлама массу

интересных вещей: то арапник, то уздечку, то старые лисьи шкурки. Какой-нибудь дикий подсвечник, стремена, саблю в металлических ножнах. Входим в дом. Темный коридор, дверь налево, дверь направо. В комнате, за прихожей с большими старинными широкими окнами, в которые всегда стучали в ветреную погоду ветки сирени, в темном переплете подъемных рам — простые гладкие тесаные стены, блестящие, коричневые от времени. В углу работники укладывали вороха овса на чистых рогожах. Какие-нибудь подлежащие выдаче припасы хранятся тут же. На невысоком шкафу с раздвижными дверками — какая-нибудь старая, закопченная временем фарфоровая пепельница, которую все собираются отмыть. Помню массивную, в виде веера, распушенного птичьего хвоста, подставку для перьев из когда-то белого фаянса с черным рисунком башен и стен замка. Она годами стояла тут, мешала, ее переставляли. И опять она появлялась, покрывалась пылью, пока кто-то из старших не объяснил ее значение. В старину писали гусями перьями, и они очищенным концом вставлялись в ее раструбы. Участь ее была решена: она переехала к брату на письменный стол и, отмытая от вековой копоти, долгие годы служила верой и правдой.

В следующей комнате, веселой и солнечной, стоял громадный сундук, обитый полосами металла в клетку по тюленьей коже, вытертой и утраченной местами. Вот этот-то сундук и был нашим главным сокровищем! Маленькие бесчисленные томики на грубой серой бумаге: "Отечественные записки", "Библиотека для чтения" — толстые в переплете тома. "Галатея" — желтые, аккуратные. Все старина: всего не прочитаешь. Романы! Романы "Геприетта, или гусарские похищения". Вальтер Скотт, Марлинский, 1 издание Карамзина, "Досужие мысли дворянина и кавалера"... Вот тут-то, лежа на горячих от солнца половицах, подстелив кулаки под голову, погружались мы в чтение записки. Толстые тома "настоельных

календарей" в тисненых золотом темно-зеленых переплетах. Те, о которых писано в "Евгении Онегине".

Чего только не было набрано мелким шрифтом в этих солидных томах! Это была однотомная энциклопедия, руководствоваться которой и почерпнуть нужные сведения мог каждый. Тут и астрономический отдел, собственно календарь занимал очень малую часть. Юридически-законоведческий с практическими советами: как писать купчие крепости, завещания и так далее, куда апеллировать и тому подобное. Все было, вплоть до дислокации полков гвардии и пехоты, с указанием их полных названий и фамилий командиров.

Лечебный отдел — с практическими советами, рецептами, иллюстрациями. По нему лечили, варили, красили, составляли замазки. По нему деревенский житель избирал детям учебное заведение, полк, вводил травосеяние (рейграс, экспонат опробовал мой дедушка Павел Васильевич, которые все равно не привились). В деревне долго еще кустики экспоната удивляли народ, появлялись на самых неожиданных местах и доставляли мне искреннее удовольствие, когда мои зятья (оба естественники) встали в тупик, не умея его определить, в то время как я, гимназист 7-8 классов, определил его случайно и даже зафиксировал его в своем гербарии.

Андаровский книжный сундук переехал к нам в Лиханово. Его разобрали, книги поставили на общие полки, ибо мама открыла нашу библиотеку и нашла неудобным наше лежание на полу, да и вообще, мы пропадали на целые часы из вида. Эти книги раскладывал систематически один из наших протеже семинарист — учитель Виноградов Николай (23), попovich. Потом на филологическом факультете Сибирского университета "археолог", "нумизмат", попавший чуть не в секретаря к великому князю Николаю Михайловичу, чем и кем ни бывший за свою авантюрную жизнь: и правителем дел губернатора, и редактором газеты в советские годы, впрочем, кончивший свою жизнь самым

жалким образом. На квартире его была обнаружена масса украденного и из публичной библиотеки, и из Андарово.

Отец иронически относился к кутейникам: их грубость, алчность и специфический семинаристский "материализм" претили ему. Вежливый, сердечный с простым народом, отец относился к попам и кутейникам иронично-пренебрежительно.

"Семинарист". "кутейник" — это высшая степень его ругани, и все-таки это не мешало ему хлопотать о каком-нибудь дьяковом отпрыске. Надо сказать, что деревенские дьячки — это были настоящие пауперы: ни у одного мужика не видал я такой бедноты, как у дьячков! Последняя степень мужицкой русской бедноты — это бескровный дом! Вот дьячки со своим многочисленным потомством и были такими! Дети буквально сидели голышами, и уже большие. В измазанных, почти черных рубашках, длинных и изорванных, без портков, копошились они, в то время как батюшка тут же в двух шагах жил изрядно.

4.

Пьянство — дикая мужицкая жизнь — ничем подчас, в сущности, не отличало попа от мужика. Он бывал дик иногда так же, как его паства. После пьяницы отца Александра, лезшего с крестом в нашу подворотню в первый день Пасхи (отец же велел запереть ворота, не желая нам демонстрировать служителей Бога Вышнего в таком свинском виде), был женившийся на его дочке отец Вадим. Это был приличный поп. Правда, он ел варенье забавно, переворачивая во рту ложечку, прямо из вазочки, но вазочку выносили на кухню, мыли, и инцидент проходил незаметно, но с этим бескультурьем можно было смириться. Держался он, несмотря на молодые годы, с достоинством и скромно. Учителя звали его иезуитом. Помню, как в последнюю нашу зиму в Лиханове привозили его к Боре и к Миле на урок в тихих сумерках. Мама, очевидно, не бралась за закон Божий, боясь что-нибудь спутать.

Наблюдать семинарских и вообще всю кутейную братию мы имели возможность и в детстве, и потом уже в юности — у Геннадия Николаевича в Измайлове в Тихонов день. В селе рядом с усадьбой было несколько попов да в Измайлове один, и вот вся родня их, конечно, съезжалась к празднику, а у Геннадия Васильевича был обычай звать всех на красный двор, а наиболее приличных оставлять и на обед.

Нам делалось наставление, как себя держать, ибо такого веселого хохота я от сестер и их подружки (хорошенькой и веселой Кати Быковской) нигде не слыживал, как там. Брат Борис, толстый, спокойный, и тот обычно трясся низко, наклоня курчавую голову. Так необычны, так интересны были персонажи: поповны и их кавалеры. Этот серьезный, обстоятельный говор на "о", когда кавалер занимал даму, эти нигде и никогда не слышанные сочетания слов и выражения повергали как в судороги.

Потные, в неумело надетых накрахмаленных рубашках, которые непривычно давили в жаркий летний день, в визитках и "сертуках" женихи-студенты танцевали или ходили в хороводах с такими серьезными лицами, с таким напряженным или вдохновенным видом, что от смеха у нас тряслись поджилки. Театральность, надутость, очевидно, въелись в их кровь.

Верх же нашего удовольствия, предмет жестокого внимания составлял какой-нибудь франт, державшийся с королевским достоинством, очевидно, местный премьер, поразивший своих соперников необыкновенным галстуком, воротничками и прической. Этот в упоении собственного достоинства уже не замечал ничего! Он так распаркивался, делал такие вдохновенные па, принимал такие эlegantные томные позы, и я теперь думаю, что это был особенный стиль, не повторимый нигде.

Поповны, напряженные, с неподвижными лицами, на которых было написано "Ах, оставьте Ваш характер!" и специальная неприступность, все-таки были проще и естественнее, но недовольное, ску-

чающее выражение создавало иногда впечатление зубной боли. Поджатые губки, нахмуренные глаза, какая-то настороженность и сплошь и рядом "обидчивое" или даже "обиженное" и явно сердитое лицо... но все это был только "хороший тон", что и производило невероятный комизм!

Наблюдать такого франта в студенческой тужурке или в "сертуке" с молящим взглядом, минорным и сладким, картинно и "изысканно" пользующегося носовым платком и гребенкой в момент, когда он приглашал свою гордую и недоступную, сердито-угрюмую даму, было для нас диким наслаждением.

Поймав мой взгляд как-то на такой паре, Маня, сидевшая рядом со мной, нечаянно громко сказала: "Точно Нептушка!" — и перевела взгляд на кудрявого франта в черном солидном сюртуке. Я помню, что мы с ней принуждены были лезть под стол (как будто уронили вилку), призвав всю свою волю, чтобы не подавиться смехом. Глупый, курчаво-черный метис водолаз Нептун или Нептушка — любимец покойного деда — очень часто принимал глупо — восторженную позу с задранным сверху хвостом! Сходство было разительное!

Помню, как, возвращаясь от Геннадия Николаевича поздней ночью, принуждены мы были остановиться из-за какой-то неполадки в мамином экипаже, ехавшем впереди. Пока кучера возились около лошадей, мы все вышли и расселись на пеньки. "Анюточка! Наши дети совсем не умеют себя вести!" — начал отец. Далее следовало короткое нравоучение о том, что люди расцениваются не по манерам, но, иллюстрируя, отец "перехватил", и все кончилось таким дружным хохотом, что после него все стали наперебой, давлясь от смеха, рассказывать свои впечатления.

"Ты сам культивируешь у детей чувство комизма, сам их настраиваешь", — вполне резонно ответила мама. "Ничего, ничего! Пусть узнают жизнь и людей!" — говорил отец и заливался смехом сам, вспомнив какое-нибудь сообще-

ние. Отцу нравилась наша наблюдательность, и, конечно, он ее культивировал.

Тысячи раз видели мы крестьянские хороводы, пляску, но там все было как надо! Был свой стиль, и ничего комичного, что бы вызывало насмешки или ироническое, пренебрежительное отношение, не находили.

* * *

Последний год мы жили в Костроме на Мшанской улице. Квартира была большая, удобная, с конюшнями. Отец отдал усадьбу в аренду эстонцу Ритто, выдававшему себя за немца, и, как всегда, восторгался новым человеком. Ритто очень недурно воспользовался впоследствии доверчивостью отца: он свез весь хлеб, все сено, весь лен — все это застраховал и принялся обрабатывать на одном месте, но потом все спалил, получил страховку, премию и исчез вполне легально.

Мы были уже в Томске. Надо сказать, что один из приятелей отца П.Ф.Хомутов (24) уехал в Красноярск и звал отца в благодатную Сибирь служить. И вот как все в жизни отца приняло неожиданный оборот. Стремительно покочив с усадьбой, он согласился на Томск. Мама ничего не могла сделать, мы, дети, были недовольны: приросли крепко к усадьбе, к деревне. Помню, как грустно бродили мы по саду, прощались с каждым деревом... Шли к реке, полями в Андарово и там, пригорюнясь, сидели у нового флигеля Ольги Николаевны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Деревянная усадьба Ратилово дворян Жадовских постройки XIX века на берегу реки Мезы сохранилась до наших дней как дачное строение.

2. Усадьба Котинцево-Фатьяново не сохранилась.

3. Каменная усадьба Пчелкино дворян Бутаковых постройки XVIII века с коробовыми сводами сожжена лет 10 назад.

4. Василий Николаевич Ермолов — владелец усадьбы Долматово на р. Покше. В этой усадьбе отбывал ссылку знаменитый генерал А.А.Ермолов.

5. Усадьба Вахнево не сохранилась.

6. От церкви села Семилова, построенной Бутаковыми, сохранилась часть колокольни.

7. От усадьбы Лубенино сохранился пруд, часть парка. Деревянная усадьба разграблена и сожжена после революции.

8. Родовая усадьба Карцевых Следово известна с 1730 года.

А в усадьбе героя 1812 г. генерала П.Я.Корнилова в сельце Зиновьево (ныне Кирово) сохранился каменный флигель XVIII века, большой парк, пруд. Усадебные строения в с. Княжево Чичаговых, Корниловых не сохранились.

9. Титовы, Жадовские — костромские помещики.

10. Князь Урусовы с середины XIX века владели богатой усадьбой Шишкино на реке Покше. Сохранились руины двухэтажного флигеля XVIII-XIX вв., остатки пихтовых и липовых аллей парка, система прудов XVIII века, здание земской школы.

11. Деревня Голичиха находится в 17 км от п. Раслова.

12. Деревня Калинкино расположена в 7 км от п. Раслово. Землевладельцы — Борщовы и Вагнер.

13. Деревня Плосково — центр старинного Плоскова стана. Не сохранилась.

14. Кологеровы — один из богатейших костромских дворянских родов.

15. Купец Крылов владел рядом фабрик и усадеб на территории нынешнего Судиславского района, в том числе в с. Шишкино.

16. Купец 1 гильдии И.П.Третьяков — один из самых богатых людей губернии, владелец ряда винных заводов в Костроме, Галиче, Судиславле.

17. И.Ф.Трухин — владелец усадьбы в Паникарпово возле с. Шахово, активный земский деятель, отец генерала Красной Армии, затем начальника штаба РОА Федора Трухина.

18. Г.Н.Исаков — костромской помещик, владелец старинной усадьбы Измайлово. Село и усадьба Измайлово не сохранились.

19. А.В.Чихачева (урожд. Ермолова) родилась в усадьбе Ермоловых Долматово, родственница генерала А.П.Ермолова, содержала в г.Костроме одну из трех публичных библиотек.

20. П.И.Фонтекова — костромская помещица.

21. Фатьянов, капитан 2 ранга — костромской помещик.

22. Усадьба в Лиханове возникла в XIX веке, через овраг, в Андарово, стояла усадьба XVIII-XIX века. Усадьбы приобретены статским советником Павлом Васильевичем Прибыльским (1826-1887 гг.) у Ерлыкова. Обе усадьбы не сохранились.

23. Здесь приводятся сведения об одном из самых талантливых и плодовитых костромских краеведов Н.Н.Виноградове.

24. П.Ф.Хомутов — костромской помещик, близкий родственник (дядя жены) краеведа А.А.Григорова, друг отца П.Н.Прибыльского.

ВЬЮГА

Детское

* * *

...Ночная вьюга до бела!
Она все столбики, колонки
Там на террасе замела,
И в трубах
дребезжать заслонки
Уныло будут до утра
Отцу приехать бы пора!
Дорогу лесом замело,
Наверно, едут деревнями.
Но там, открытыми полями...
Там все пустынно, все бело...
Все веики снегом занесло.
Несвязный звон колокольца
Кружит метелью в белом поле,
А ветер, ветер без конца
По трубам просится на волю.
Нет, это, думается нам,
Наш самовар звенит стихая!
Нет, это, вьюга по печам
Звенит, заслонками играя!
Но уши Марс насторожил
И вдруг в переднюю умчался.
И там, у двери, заскулил
И с громким лаем заметался.

* * *

И сразу ожил целый дом:
Поспешно зажигают свечи.
Вот Федор Павлыч с фонарем
Идет — бормочет: "Недалече".
Девчонкам надо повизжать!
Мальчишкам надо кувыркнуться!

Потом к окошкам подбежать
И к стеклам

головой приткнуться.

Но так за окнами бело,

Так мутно:

не видать "ни следу",

Что не увидишь ничего,

Пока совсем уж не подьедут.

И вот у самого крыльца,

Ломая снег, идут пристяжки

Под тихий звон колокольца.

Под фонарем

блестят ледяшки

На мокрых гривах.

Мутны бляшки

На сбруе. Васько — коренник

Весь белый — виден через миг!

Несут корзинки из саней,

Так пахнет сеном и дорогой

Из-за незапертых дверей!

"Анюта! Не пускай детей!"

Вот кто-то крикнул из сеней:

"Федюня, помаленьку трогай!"

И силуэты лошадей

Проходят долго мимо окон.

Глядеть мешает Милин локоть!

Не видно большие фонарей!

* * *

Уж слышно папиросный дым,

И крепкий чай дымит в стакане.

И мы здороваться бежим,

Чтобы рассестся на диване

И слушать взрослых разговор,
Встречать веселый папин взор.

Усы оттаивает папа.

Он в кресле за столом сидит.

А на коленях Марса лапа

Влюбленной дрожью

вся дрожит.

"По тракту лошади несли,

Ну, и потом, не хуже лодки

Качало на ухабах нас.

— Пошли, Юляша, Федьке водки!

Анюточка! Курьез весь в том:

Постромки, возжи —

все намерзло!

Он греет руки! Я — на козла!

Потом уж правила вдвоем!"

Глаза прищуренно искрятся,

И золотится борода,

Но нам велят уже прощаться.

Пришла беда!

Уж вечер кончен?

Неужели?

Вот умываться мы пойдем,

И нас погонят спать в постели!

В столовой будут говорить

И будут ужинать, смеяться.

А нам, нам нужно раздеваться!

Как скучно маленькому быть!

д. Лиханово.

1890 г.

"Усадьба". Рисунок Павла Прибыльского.

ВЪДОЖОСТЬ Ѡ ЦЕРКВИ

Соборной Преображенской, состоящей Костромской епархии и цезда в заштатном городе Судиславле, за 1887-й год.

1. Церковь сия построена в 1758-м году тщанием прихожан.

2. Зданием каменная с таковою же колокольнею, крепка.

3. Престолов в ней три: один в настоящей холодной — в честь Преображения Господня — и два в теплых приделах, из которых один, находящийся в левом приделе — в честь святителя и Чудотворца Николая Мирликийского.

4. Утварью достаточна. Богослужбные книги имеются и хранятся в порядке.

5. Причта по штату положено: протоиерей — один, священник — один, диакон — один и псаломщиков — четыре, а ныне налицо состоятъ: протоиерей — один, священник — один, диаконов — три и псаломщиков — один, и из диаконов два состоятъ на псаломнических вакансиях.

6. Земли к сей церкви при устройстве ея ни пахотной, ни сенокосной нарезано не было. Но между 1755 и 1767 годами, как видно из находящихся при оной церкви документов, из дачи вдовы Матрены Сампониной с детьми поступила в вечное владение оной церкви пожертвованная поименованной вдовою пустошь, именуемая Липовою, которая находится вне города Судиславля. В пустоши этой значится земли по генеральному межеванию, учиненному в 1773 году мая 18 дня, пахотной — 46 десятин 1308 кв. саж., сенокоса по оврагам — 8 десят. 1800 кв. саж., мелкого кустарника — 19 дес. 400 кв. саж. и дровяного леса — 4 дес. 1260 кв. саж. и сверх того под проселочною дорогою — 960 кв. саж., а всего, за исключением находящаяся под проселочною дорогою, 78 десятин 2368 кв. саж. Копии с плана и межевой книги на сию землю хранятся в церковном архиве. Сею землею пользуются, на правах владельцев, состоящие на службе при оной церкви священно- и церковнослужители.

7. Из числа членов причта означенной церкви у четырех имеются собственные дома, а священник и диакон живут на квартирах.

8. Священно- и церковнослужители жалованья нигде не получают, содержатся же доходами, получаемыми от прихожан. В числе церковной суммы имеется причтовый капитал на сумму 1050 рублей серебром, состоящий в процентных бумагах разных кредитных учреждений, с которых проценты поступают в пользу причта посредственно.

9. Зданий, принадлежащих сей церкви, как то: богаделен, домов, лавок и т.п., отдаваемых в аренду, нет.

10. Расстоянием сия церковь от губернского города Костромы, а с тем вместе и от Консистории в 50-ти верстах.

11. Ближайшие к сей церкви селъ: Богословская села Баран в 1-й версте и Архангельская погоста Кордобова в 3-х верстах.

12. Приписной к сей церкви, кроме Успенской кладбищенской церкви, находящейся при городе Судиславле, нет.

13. Дамовой церкви в сем приходе тоже нет.

14. Опись церковному имуществу есть; она сделана в 1865 году, скреплена секретарем Духовной консистории и утверждена печатью оной Консистории.

15. Приходо-расходные книги о суммах: свечной, копилковой, кружечной, других переходящих суммах и капиталах причта, ведутся в целости, за шрифтом и печатью Духовной консистории.

16. Копии с метрических книг с 1810 года хранятся.

17. Исповедные росписи с 1842 года тоже хранятся.

18. Обыскная книга, выданная из Духовной консистории в 1871 году, за шрифтом и печатью оной, хранятся в целости, и имеется не писанных листов достаточное количество.

19. Приходского попечительства при оной церкви нет.

20. Православного церковного братства тоже нет.

21. В церковной библиотеке, существующей при оной церкви издавна, книг для чтения духовного содержания имеется 125 томов.

О ПРИХОЖАНАХ ОЗНАЧЕННОЙ ЦЕРКВИ

В каких местах и какого званья прихожане	Число дворов	Число душ		В каком расстоянии от церкви и нет ли препятствий в сообщении
		мужск.	женск.	
В части настоятеля судиславского Преображенского собора в г. Судиславле:				
статских		2	4	
военных	1	4	9	
купцов и мещан	42	121	143	
раскольников поморского толка			5	
В деревнях:				
Дуткине:	крестьян	13	51	В четырех верстах
	военных	1	1	
Кудрине:	крестьян	10	28	В пяти верстах
	военных	1	2	
Суворове:	крестьян	8	28	В четырех верстах
	военных	1	3	
Манине:	крестьян	9	40	В пяти верстах
	военных		2	
В части помощника настоятеля онаго собора в г. Судиславле:				
купцов и мещан		35	134	
военных		2	4	
раскольников поморского толка		1		2
В селъце Климцове:	дворян			В одной версте
	крестьян	1	3	
В деревнях:				
Готовке:	крестьян	4	12	В двух верстах
	военных	1	4	
Доманове:	крестьян	12	46	В пяти верстах
	военных	1	1	
Фелисове:	крестьян	15	54	В трех верстах
	военных	2	11	
Сколюпове:	крестьян	6	18	В двух верстах
	военных	1	4	
Маньлкове:	крестьян	2	6	
Нагорском:	крестьян	2	4	

*Протоиерей Иоанн Доброхотов руку приложил.
Священник Анатолий Санин руку приложил.
Диакон Константин Алякритский руку приложил.
Диакон Павел Иванов руку приложил.
Диакон Иоанн Капустин руку приложил.
Псаломщик Владимир Касторский руку приложил.*

«ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ РАССМОТРЕТЬ И ПРИЗРЕТЬ»

Вот одна из любопытных страниц судиславской старины. В начале своего царствования Екатерина Вторая проявляла либерализм: она понимала, что только на этом пути можно добиться доброй славы у потомков. Одним из самых важных ее начинаний было составление нового Уложения, т.е. свода законов. Подготовка к заседанию Комиссии об Уложении приняла характер широкого опроса всех слоев населения России, по всем городам, в которых выбранные от каждого сословия лица составляли так называемый Наказ, текст которого должен был отразить все пожелания народа к составителям Уложения. Историк С.М.Соловьев писал, что Екатерина "хотела слышать откровенные голоса различных состояний Русского народа, хотела познакомиться, по тогдашнему выражению, с умоначертанием народным" ("История России с древнейших времен", т. XXVII, гл. II).

Наконец, в 1767 году, 30 июля, в Москве Комиссия под председательством костромского депутата А.Бибикова приступила к работе. С 18 февраля Комиссия заседала в Петербурге, и заседания ее продолжались до декабря 1768 года — до начала русско-турецкой войны.

Среди читанных в Комиссии Наказов обращают на себя внимание Наказы судиславских дворян и купцов. Судиславский депутат — коллежский советник В.Г.Баскаков — среди прочих пунктов высказал следующие: "Нельзя ли учредить словесный суд, кроме криминальных и розыскных дел, чтобы дворяне могли быстро разбирать мелкие дела. Ибо из дворян многое число таких, которые приказных порядков не знают, а другие и грамоты вовсе не умеют, поверенных же от себя за сущую скудостью представить не в состоянии" ("Костромская старина". Вып. 4. Кострома. 1897). Дворяне просили такого "словесного" суда для дел о драках, ссорах, потраве хлеба, лугов, порубке леса, перепашке земель.

26 июня 1767 года городским головою Федосеем Кокоревым и 47 гражданами Судиславля был подписан "Наказ от жителей г.Судиславля отправляющемуся в Комиссию по сочинению проекта нового Уложения судиславскому купцу Григорию Федорову Бардину". Полный текст этого Наказа опубликован в "Сборнике Императорского русского исторического общества". 1894 г., в 93-ем томе.

НАКАЗ ОТ ЖИТЕЛЕЙ Г.СУДИСЛАВЛЯ

"Ее Императорское величество все судиславское купечество просит:

В 1-м пункте

о суде словесном, как наилучшем, дающем обиженным скорейшее удовлетворение. Купечество желает, если дозvoлят обстоятельства дел, суда словесного, с надлежащим их расследованием, а не такого, по принятой теперь форме, продолжительного суда, порядок которого и не всякому из купеческого звания известен и который своею медлительностью лишает обиженного должного удовлетворения.

во 2-м

о выборе в бургомистры ежегодно, так как долговременное служение утомительно.

в 3-м

испрашивается позволение, вследствие увеличения числа купечества и за теснотою, городским жителям заводить постройки, дворы, огороды, заводы всякие и сады на выгонной земле.

в 4-м

Судиславское купечество жалуется на отягощение от постоев воеводы, его товарищей и воеводской канцелярии; за неимением для воеводы и его канцелярии казенного двора, они имеют постои на дворах обывательских купеческих бесплатно. Владельцы даже и домов своих лишились и дошли до такой нищеты, что за них подушную подать и всякие поборы платят другие купцы.

в 5-м

Жалоба на противозаконную торговлю крестьян в лавках дорогими материями и на скупку ими большими партиями холста, отправляемого ими в портовые города. Судиславское купечество просит эту торгов-

Купец И.П.Третьяков с дочерьми. Фото начала века.

лю крестьянам воспретить, дабы не было подрыва интересов купцов.

в 6-м

то же и: в случае, если кто из крестьян или разношницев будет торговать хотя бы по кредиту от купцов, у тех все конфисковать в казну.

в 7-м

...чтобы крестьяне в селах и в городах продавали те продукты, которые останутся от их деревенской экономики, у других же чтоб ничего не перекупали под страхом конфискации. Судиславское купечество к этому еще присовокупляет, что вблизи города Судиславля, не более как в полуверсте, живут крестьяне Богословской слободы вотчинники ведомства Государственной Коллегии Экономии, которые завели торги недельные в те же дни, когда бывает недельный торг в г. Судиславле. Не только эти крестьяне, но и приезжие торгуют в сказанной слободе как съестным, так и прочим, например, холщовым и шелковым товарами противозаконно. Вследствие этого в г. Судиславле торговля уменьшилась, и купечество дошло до оскудения, а от этого и в государственных податях бывает большая недоимка.

в 8-м

Судиславское купечество просит разрешения покупать людей для домашних нужд и отправления полицейских должностей и для отдачи в рекруты. За неимением собственных людей, купечество должно само исполнять и домашние работы, и полицейские обязанности. Особенная нужда в своем верном человеке чувствуется в случаях отъездов по торговым делам и промыслам. Судиславское купечество по примеру костромского просит дозволения покупать им небольшое число людей. Кроме того, судиславское купечество просит дозволения им покупать и земли у соседних помещиков для выгона городского скота.

в 11-м

Судиславское купечество просит не назначать на счетные должности и в иногородние службы лиц из купечества, что служит для купцов помехой в торговле.

в 12-м

Речь идет о том, чтобы повелено было поручить полицейскую должность и суд над купечеством ратуше, а не губернаторам и воеводам; также, чтобы купцов не призывать на суд ни к гражданским, ни к военным начальникам.

в 13-м

Об отягощении, претерпеваемом купцами относительно приезжающих в город штаб- и обер-офицеров, слишком прихотливых в отношении отводимых им квартир. Судиславское купечество просит предоставить им самим выбирать квартиры, а нижним чинам отводить квартиры у всех жителей по очереди.

в 14-м

о том, чтобы ни дворянство, ни купечество не держали беспаспортных или беглых, а высылали бы их на прежние жилища".

В заключение судиславские граждане просят ЕЕ Императорское величество изложенные пункты о их нуждах всемилоостивейше рассмотреть и признать

Наказ помечен 26 июня 1767 г. и подписан городским головою Федосеем Кокоревым и 47 гражданами г. Судиславля.

Благие намерения Екатерины не принесли добрых плодов: либерализм ее сменился откровенно самодержавными устремлениями, и проект нового Уложения был запрещен. Дело остановилось. Но интересно, что Судиславль, наряду с Костромой и Галичем, в истории с екатерининским Уложением оставил наиболее заметный след.

Виктор АФАНАСЬЕВ

Закупка холста купцом Красильниковым.

Ивановская ярмарка в Судиславле.

Торговые люди. Фото начала века.

СУДИСЛАВСКИЕ КУПЦЫ. 1849 г.

1. Анна Петровна КОКОРЕВА. Купчиха 3 гильдии.
2. Яков Егоров ДУБОВ. Купец 3 гильдии.
3. Максим Иванов ПАПУЛИН. Купец 3 гильдии.
4. Петр Алексеев ЗАХАРОВ. Купец 3 гильдии.
5. Михаил Акинфиевич КАМЕНЬЩИКОВ. Купец 3 гильдии.
6. Неразборчива запись.
7. Дмитрий Иванов КРАСИЛЬНИКОВ. Купец 3 гильдии.
8. Петр Федор. ТРЕТЬЯКОВ. Купец 3 гильдии.
9. Иван Григор. МОСКВИН. Мещанин.
10. Иван Алексей МАХАЕВ. Мещанин.
11. Дмитрий Петров ЗАХАРОВ. Купец 3 гильдии.
12. Матвей Васильев КРАСИЛЬНИКОВ. Купец 3 гильдии.
13. Михаил Петров ЗАХАРОВ. Купец 3 гильдии.
14. Николай Никитин КОКОРЕВ. Мещанин.
15. Авдотья Пантелей. ЗАХАРОВА. Купчиха 3 гильдии.
16. Анастасия Алекс. ЗАХАРОВА. Купчиха 3 гильдии.
17. Евгений Акинф. КРАСИЛЬНИКОВ. Купец 3 гильдии.
18. Максим Иванов ПАПУЛИН. Купец 2 гильдии.
19. Авдотья Семенова ЗАХАРОВА. Купчиха 3 гильдии.
20. Авдотья Иванова БАРАДИНА. Купчиха 3 гильдии.
21. Татьяна Васильева БАРАДИНА. Купчиха 3 гильдии.
22. Мария Иванова КРАСИЛЬНИКОВА. Купчиха 3 гильдии.
23. Иван Петров ЗАХАРОВ. Купец 3 гильдии.
24. Матрена Егорова СОРОКОУМОВА. Купчиха 3 гильдии.
25. Иван Абрамов ТРЕТЬЯКОВ.
26. Мария Алек. ЗАХАРОВА.
27. Михаил Акинфев. КАМЕНЬЩИКОВ.

ГАКО Ф. 222. Оп. 1. Л. 1, 2, 3, 4.

Документ

«ТОРГОВОЕ ДЕЛО НЕ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ...»

Господину городскому старосте г. Судиславля
Уполномоченного
Федора Дмитриевича Фалепеева
заявление.

Припоминая, что при прежнем составе гласных г. Судиславля было распространено ходатайство Судиславской городской Думы пред министерством относительно перевода нашего города из местностей третьего разряда в четвертый, т.е. по платежу гильдейских и других документов в более... разряд; но, насколько помню, что ходатайство это почему-то не было удовлетворено, — не удовлетворено, быть может, было и потому, что недостаточно было мотивировано.

Прежние времена миновали, и взгляды у правительства могут совершенно перемениться, и вот на основании настоящих соображений я полагаю, не лишним бы было снова возобновить пред министерством настоящее ходатайство с более подробным разъяснением необходимого перевода; причем изложить все доводы, побуждающие ходатайствовать вторично, разъяснение это должно быть выражено в том смысле, что город наш несет одинаковые платежи и налоги по местной торговле наравне с губернским гор. Костромой, тогда как в нашем городе народонаселение состоит всего из тысячи душ, фабричной и прочей промышленности никакой нет, селения, окружающие наш город, не имеют никакого

кустарного промысла, в которых главный элемент жители — крестьяне находятся в самом бездоходном положении. При всем этом местное торговое дело в нашем городе никогда не может развиваться и вследствие того... окружают его большие торговые города, в которых базары приходятся последовательно на всю неделю; в селах же этих более представляется возможным производить торговлю по свидетельству на мелочной торг и почти теми же товарами. Наконец главными конкурентами для нашего города являются Кострома в 50 верстах, Галич и Кинешма — в 65 оба города.

При изложении настоящего неудобств к развитию местной торговли представляется непосильным нести равные платежи по торговым документам наравне с большими городами.

Возобновление настоящего ходатайства меня побудило и потому, что в № 191 Собрания узаконенной и распоряженной Правительства напечатаны следующие постановления: о перечислении г. Вышнего Волочка Тверской губ. по платежу сборов за право торговли и промыслов из третьего разряда в четвертый. Не лишним считаю присовокупить здесь, что город этот с народонаселением в 16 тысяч. А посему, в видах интересов местного торгового класса, я покорнейше прошу Вас довести до сведения гг. уполномоченных настоящее мое заявление при первом их собрании.

28 декабря 1895 года.
Федор Фалепеев.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 19. Д. 1444. Л. 2.

Купюры связаны с тем, что документ обгорел.

ЗАГАДКА ОДНОЙ ЖИЗНИ

Как купец Папулин раскол чинил

В 1832 году Михаил Николаевич Жемчужников был назначен гражданским губернатором в Кострому. Перед отъездом из столицы состоялся небольшой разговор его с царем Николаем Павловичем. Костромской губернатор уже откланялся и готовился уйти, когда император вернул его следующими словами: "Жемчужников, постой! На прощание я расскажу тебе арабскую сказку. Слушай ее со вниманием! При жизни и царствовании покойного моего брата Александра I костромской раскольник купец Папулин испросил позволение устроить близ города Судиславля богадельню на двенадцать человек. Богадельня была устроена, по смерти Папулина перейдет по собственному его желанию в приказ общественного призрения. По вступлении моем на престол я узнал, что их в этой богадельне содержится не двенадцать, а несколько сот человек, что она устроена в лесу в виде замка с подземными ходами и в ней скрывается много беспаспортных и беглых. Узнал я это случайно: многие из причастных к заговору 14-го декабря направились туда, чтобы скрыться, и были пойманы. Я призвал к себе рано поутру Закревского (министра внутренних дел) и шефа жандармов. Мы втроем рассуждали в этой комнате о том, какие принять меры, чтоб захватить всех беглых, скрывающихся в этой богадельне, и решили, чтобы министр внутренних дел и шеф жандармов, сохраняя все это дело в тайне, отправили немедленно каждый по одному чиновнику в Судиславль. В 10 часов утра они вышли от меня — в 12 часов пополудни я уже получил от них донесение, что выбранные ими чиновники выехали из Петербурга. Скорее этого уж кажется и требовать невозможно. Не правда ли? Но участники раскола успели проведать о моем распоряжении, чиновники по приезде в Судиславль нашли замок пустым со свежими

Николай Андреевич Папулин.
Рисунок Германа Комлева.

следами недавних жильцов и с глухой и полунемой старухой, которая ничего не могла рассказать, хотя бы и хотела, остальные скрылись. Следовательно, они были извещены о скором приезде чиновников. С тех пор прошло около пяти лет, но это дело, несмотря на мое личное в нем участие, несколько не продвинулось. Вот арабская сказка, которую я хотел тебе рассказать на прощание. Теперь ты едешь в Кострому губернатором, и я поручаю тебе заняться этим делом и принимать меры, какие тебе заблагорассудится. Прощай! Действуй благоразумно и осторожно!"

Как сообщает в уважаемом журнале "Вестник Европы" за 1899 год В.М.Жемчужников, по приезде в Кострому губернатор принял чиновников и граждан, к нему явившихся. В числе их был и купец Папулин, почтенный старик с умными, пронизательными глазами. Губернатор обошелся с ним сухо и не говорил ни слова. Между тем, когда был поднят вопрос о том, как поступить с судиславской богадельней, Папулин, чтобы отклонить от себя всякое подозрение, сам попросил назначение от-

дельного полицмейстера с командой солдат для надзора за проживающими в его богадельне людьми. Губернатор призвал к себе бывшего тогда полицмейстером Небольсина и встретил его следующим вопросом:

— Будете ли вы говорить со мной откровенно?

Полицмейстер Небольсин молча поклонился.

— Представьте себе, что вы говорите не с губернатором, а с Михаилом Николаевичем Жемчужниковым. Будете ли вы говорить со мной откровенно?

— С удовольствием.

— Если так, то скажите мне правду, сколько человек в настоящее время живет в богадельне, находящейся под вашим надзором?

— Не могу вам определить число их с точностью, потому что я в ней никогда не бывал, но будет человек до трехсот.

— Почему же вы, приставленные именно для надзора за проживающими в этой богадельне людьми, никогда в ней не бывали и, зная положение, по которому в этой богадельне дозволено жить только двенадцати человекам, позволяете проживать в ней тремстам человекам, совершенно вам неизвестным?

— Рассудите сами, ваше превосходительство, что мне делать? Я человек семейный и бедный, получаю от Папулина содержание и живу в довольстве, пока оставляю его в покое! Если бы я стал исполнять свои обязанности как следует, то подвергся бы той же участи, какая предстоит теперь моему предшественнику. Он добросовестно занимал свою должность и за то получил отставку, да еще отдан под суд. Дело его будет в вас. Вы сами увидите, что он невинен, но обвинение подведено так искусно, что, при всем желании вашем спасти его, вы не в состоянии будете его оправдать. Он пропал наверное, но он человек бессемейный, а у меня есть семейство. Если я пропаду, то со мной пропа-

дет и семья моя. А теперь я счастлив и спокоен! ...К тому же, — продолжал Небольсин, — к этой раскольничьей секте принадлежат не только те, которые живут у Папулина в богадельне, но и многие из вашей канцелярии, многие из канцелярии министерства внутренних дел, шефа жандармов и другие. Агентов в Петербурге у них множество. Прежде чем пришла весть о вашем назначении в Кострому, Папулин уже узнал о том и отправился в Петербург. Там он оставался до вашего отъезда и ехал вслед за вами. Он возвратился из Петербурга веселый и говорил мне, что при вас ему будет еще лучше, что за него ходатайствует перед вами одно важное лицо, от которого вы найдете письмо при самом приезде вашем в Кострому... (Приехав в Кострому, губернатор действительно нашел у себя письмо от одного весьма важного лица). Но после того, как он представлялся вам, он стал невесел и жалуется на ваш сухой прием.

— Из этого вы можете убедиться, что я не принадлежу к его секте, — сказал Жемчужников, — поэтому, надеясь на меня, вы должны немедленно приступить к отправлению своей должности. Разузнайте сначала, кто живет у Папулина. Но сколько нужно вам времени для этого?

— Недели две, — ответил Небольсин.

— Так разузнайте, кто у него живет, и потом всех беспаспортных присылайте ко мне в острог, а остальных вышлите вон. Не опасайтесь ничего, я вас буду защищать и вам содействовать. Прощайте.

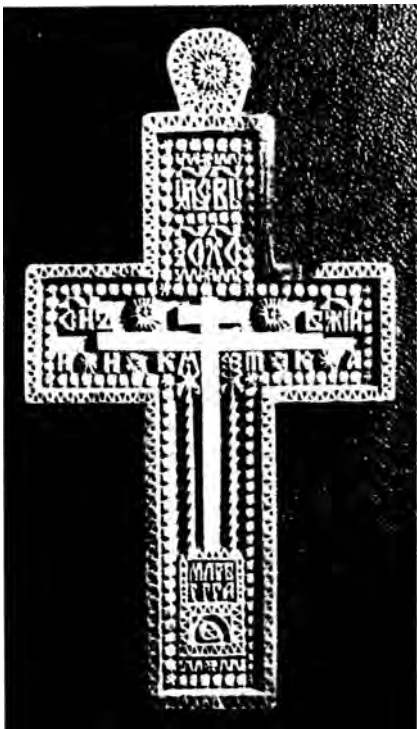
Через неделю Небольсин начал уже присылать беспаспортных, острог наполнился. Но в это время губернатор получил известие о постигшем его несчастии — смерти жень! Он оставил службу и поспешил в свои деревни в орловской губернии к осиротевшим детям. Несколько лет спустя, когда Жемчужников был уже петербургским гражданским губернатором, к нему является Небольсин.

— Ну, как у вас идет дело Папулина?

— С назначением нового губернатора на ваше место оно остано-

вилось, и мне по-прежнему хорошо, — ответил Небольсин.

Журналист Посеев в статье "От Бадена Швейцарского до Галича Костромского", помещенной в журнале "Книжки недели" за 1895 года, пишет следующее: "В Николаевские времена судиславским крезом был один известный фанатик-начетник, теперь же там царит "миллионщик" купец Третьяков..."

Старообрядческий крест.

Со времен Николая I прошло много времени, однако Папулин и в начале нового века вызывал жгучее любопытство. Кто же он, герой "арабской сказки"?

Наивысший расцвет города Судиславля, его "золотой век" пришелся на первую половину XIX века. Он немыслим без связи с именем Н.А.Папулина. Папулин родился в старинной купеческой семье, известной в Судиславле с середины XVIII века. По переписи начала XVIII века фамилии Папулиных в числе известных четырех в городе не значится. С начала XIX столетия Н.А.Папулин является признанным главой судиславских старообрядцев. Под его руководством Судиславль становится одним из ведущих староверческих

центров России. Почта ежедневно доставляла ему крупные денежные суммы от староверов со всей страны. Старовер Захаров на месте деревянной в 1808 году построил каменную полотняную фабрику, содержал старообрядческое кладбище и церковь на нем. Староверами были купцы Дубовы и многие другие. Судиславль стремительно рос: Еще в конце XVII века в нем в 29 дворах жило чуть более девяноста человек, а в середине XIX века здесь — полторы тысячи жителей. Причем интересно, что в начале века было всего 600 человек. Тогда Судиславль получает генеральный план и застраивается новыми зданиями, большей частью в два этажа. Каждый десятый дом строился из кирпича. Папулин и другие купцы-староверы составляли огромные капиталы.

Судиславцы по примеру костромских купцов просили Екатерину II разрешить им покупать крепостных. Полотняные, кожаные, табачные фабрики, крупная торговля требовали наличия свободных рук. В городе их не хватало. Многие, несмотря на жестокие законы, укрывали беглых и использовали их дешевый труд. Некоторые, как мельник Москвин, были разоблачены и осуждены. Сопrotивление крепостничеству рядилось в России в форму старообрядчества. Оно было выгодным для "третьего сословия" — нарождающейся буржуазии и поэтому было в нем очень популярно. Папулин, по сведениям Николая I, содержал в своей богадельне, а фактически раскольничьем ските, сотни беглых крестьян. Они создавали ему огромный капитал. Силами богадельни собиралось, скупалось по базарам, обрабатывалось большое количество грибов. На продаже этой продукции Папулин ежегодно имел до 100000 рублей серебром. Беглые чеканили ему фальшивые золотые монеты. Одна из них недавно найдена в Судиславле на бывшем огороде Папулина.

Так возникали купеческие состояния в Судиславле, которые современники сравнивали с богатствами античного царя Креза.

Папулин за 7000 рублей приобрел 1300 икон, иконостас и настен-

ные украшения богатейшей Благовещенской церкви Строганова в Сольвычегодске и на шести парных подводках вывез их в Судиславль. Среди икон были иконы Андрея Рублева, в том числе "Год святых", иконы письма митрополита Петра московского. Громадную ценность имели иконы строгановских живописцев. Старообрядцы в Судиславле ночью ограбили большой обоз с древними иконами из поморских скитов, следовавший в Москву. Этими иконами были украшены молельни под Судиславлем. Благодаря этим ценностям, Судиславль сделался славен во всем богатом и разнообразном староверческом мире. Папулин собрал большую библиотеку

из древних книг и рукописей. Таких культурных богатств Судиславль не знал больше никогда.

В 1846 году по приказу царя Папулин был тайно арестован и заточен сначала в Кирилло-Белозерский, а затем, по сведениям писателя С.Максимова, в Соловецкий монастырь. Ценности, собранные раскольниками в Судиславле, были на 20 возах вывезены в Кострому. Тридцать икон из них оказались в старoverческих церквях Москвы, часть попала в коллекцию графа Строганова. Большую же часть постигла другая судьба. Когда "чистили" музейные фонды Ипатьевского монастыря, эти иконы как опасный "опиум для народа" уничтожили по акту. Неко-

торые книги из собрания Папулина случайно уцелели. Они являются жемчужиной ценного фонда областной научной библиотеки. Дом Папулина в Судиславле был продан и разобран, скит с подземными ходами разрушен. Уже в середине XIX века на месте каменного замка был санный покос.

Папулин остался в памяти как высоко нравственный человек, ведущий безбратный образ жизни. После ареста он наложил на себя обет молчания, сидел в камерке безвыходно, надевал на нос большие круглые очки и беспрестанно читал толстые книги в кожаных переплетах. Его образ так и остался загадкой из "арабской сказки".

Юрий СМЕРНОВ

Документ

№ 162 20 июля 1845 года
Из указа Его Императорского Величества,
Самодержца всероссийского
из Костромского губернского правления.

Судиславской городской думе

...По поводу дошедшего до его сиятельства сведения, что Судиславский городской голова Максим Папулин, тайно содержащий поморскую секту, способствовал родному дяде своему раскольнику Николаю Папулину приписывать в Судиславле мещан людей, вступивших в секту Папулину, произведено было по распоряжению его сиятельства секретные дознания по коему обнаружилось, что Максим Папулин по сведениям священнослужителей Судиславского Преображенского собора хотя показывается в числе прихожан православных и бывающих иногда на исповедях, причастия не принимал во все время служения их при том соборе с 1834 г. А был ли когда у св. причастия до того времени, означенные священно-церковнослужители отозвались неизвестностью, показывая при том его Максима Папулина и комиссии по Высочайшему повелению бывшей в Судиславле в числе замеченных в склонности к исправоверии, сверх сего он Максим Папулин ни на беспристрастность выборов на 3-х летие с 1842 по 1845 г., ни на верность службы присяги не принимал. По списку доставленному в комиссию от полиции числится по 7 и 8 ревизиям приписавшихся к Судиславлю 56 человек мужского и 446 женского пола. По соображении двух списков найденных у главного раскольника старопоморской секты Николая Папулина, одного, составленного за 7 лет, а другого — в минувшую зиму, оказалось, что в Судиславле раскольников старопоморской секты: коренных жителей и приписанных 292 человека. А общее

соображение числа раскольников означенной секты, проживающих в других уездах здешней губернии, показывается, что секта сия с 1828 г. приобрела новых последователей 1435, увеличилась более нежели втрое. Независимо от сего по дознанию открылось, что и секретарь губернской Думы и ратуши губернский секретарь Плетнев показан теми же священнослужителями не бывшим никогда в течении 10 лет ни на исповеди, ни у св. причастия. Притом он Плетнев имея законную жену и от нее детей не живет с ней по собственному произволу и тем подает соблазнительный пример. Из имеющегося у его сиятельства сведения видно, что на бывших в 1844 году в г. Судиславле общественных выборах были допущены к оным и избраны в должности ротманов мещане Махаев и Назаретский принадлежащие к староморской секте. Принимая в основание уклонение Судиславского городского головы Максима Папулина от исполнения главнейшего таинства нашей церкви св. причастия, еще больше отпадение от оной секретаря Думы и Ратуши Плетнева, самое близкое родство Головы с главнейшим раскольником судиславским Николаем Папулиным, значительную приписку людей Староморской секты к Судиславлю и, наконец, допущение к общественным выборам раскольников, Г. сенатор не может не признавать, что Максим Папулин принадлежит тайно к староморской секте, содействовал совокупно с секретарем Плетневым Николаю Папулину в видах распространения этой столь вредной по своим правилам секты. По сему имея в виду, что на основании существующих указаний раскольники не могут занимать должностей соединенных с правом власти или начальства...

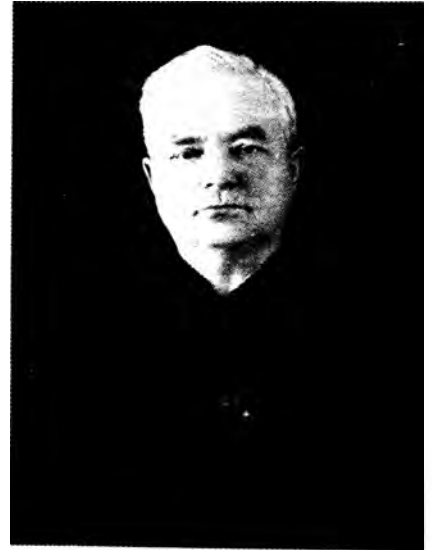
ГАКО ф. 222. Оп. 1. Л. 3, 4, 5, 6.

ДОМ НЕВСКОГО

В Судиславле до сих пор с уважением вспоминают земского врача С.А.Невского. Улица, где он жил, названа его именем. Невские жили в красивом особняке конца XVIII — нач. XIX века с колоннами на Владимирской улице, переданном врачом по завещанию под дворец пионеров. Сейчас в доме Невских размещается музыкальная школа.

Семья Невских была центром притяжения местных культурных сил, "душой" города. Доктор был общительным, веселым, с разнообразными интересами. Свой человек в компании заядлых охотников, член Костромского научного общества по изучению местного края, музыкант и театрал. В 1914 г. он женился на Софии Макаровне Соколовой из древнего местного купеческого рода. Соколовы были в родстве со всеми видными семьями городка. В юности София училась в частной музыкальной школе в Москве, получила пригла-

шение выступать на сцене Московской филармонии. Но ради мужа она покинула столицу и обосновалась в Судиславле в доме родителей. Ее сестра осталась в Москве и закончила консерваторию. Там же учился их младший брат Макар. Другой брат Николай был актером МХАТа. После смерти отца в 1904 г. Николай бросил сцену и учебу в Императорском техническом училище (ныне Бауманском), вернулся в Судиславль. Оставил

С.А.Невский за год до смерти. 1958 г.

С.А.Невский — врач-ординатор полевого лазарета (крайний справа). 1914 г.

Сергей Невский — студент-медик Казанского университета (крайний слева). 1912 г.

консерваторию и Макар. Но музыка не ушла из жизни Соколовых. В родном городе они создали оркестр. В него вошли родственники и друзья. За рояль садилась тетка, Надежда Макаровна Соколова. Двоюродный дядя, Александр Иванович Полозов, был с флейтой, с контрабасом — Николай Петрович Любимов. Дочери священника Синайского играли на скрипках. Одна из них запоминалась своим пенсне. Ветврач Козлов был прекрасным баянистом.

Василий Петрович Любимов обычно пел (баритон). Сергей Иванович замечательно играл на мандолине. Перед концертом развешивались афиши. Когда музыканты расставляли свои поппитры, в большом доме становилось тесно. Валерий Невский вспоминал, что до тридцатых годов аплдисменты на концертах были нежелательны, а до революционеров это вообще было не принято.

София Макаровна не ограничивалась музыкальными концертами. Она организовала в городе театр, отведа себе роль режиссера. К этому делу она приохотила молодого свойственника Соколова, будущего известного поэта. Любительский театр сначала давал спектакли в доме Соколовых, а потом в районном Доме культуры. В пьесах были заняты те же лица. Доктор любил исполнять роль Луки в пьесе Горького "На дне".

Сын доктора Невского Валерий во время нечастых наших встреч в Москве много рассказывал о быте города и семьи в начале века. Среди его воспоминаний особое место занимает бабушка Лиза Со-

колова, урожденная Москвина. По моему разумению, она была одной из первых женщин-фотографов России. Две комнаты особняка бабушка отвела под фотолабораторию. Большинство химреактивов она готовила сама. Елизавета Ивановна выписывала из Москвы журналы по фотоделу. Ее работы сохранились. Валерий Сергеевич рассказал и о фотолетописце Судиславля Владимире Николаевиче Русине. Без фотоаппарата Русина не обходилось ни одно знаменательное событие. Он запечатлел интересные виды, пейзажи, уже исчезнувшие здания и целые районы. По воспоминаниям Невского, Русин работал конторщиком, оценщиком в "Торгсине". Жена его была учительницей. Фотограф умер 9 декабря 1943 года в возрасте 62 лет. На чердаке дома сохранилось множество стеклянных фотопластинок.

Валерия Невского уже нет в живых, но осталось его письмо: "Насчет нашего дома могу сообщить лишь то, что знаю от старших: когда-то дед Макар с кучей детей жил в деревянном доме, примерно там, где стоит домик С.Н.Гасиловой. Третьяков после постройки своего дома стремился занять под свое хозяйство весь квартал. Дедовский дом (со слов тети Нади, дед его кому-то продал, и он по сей день стоит на углу, в двадцатые годы в нем была избачитальня, а теперь — аптека) Третьякову страшно мешал, и он предложил деду отдать ему взамен большой старый (теперешний) каменный дом с колоннами, куплен-

ный Третьяковым (которым, не знаю) когда-то вместе с участком земли у богатого старовера Папулина. За короткий срок тот же Третьяков полностью восстановил дом и нужные хозяйственные постройки, и в конце того века дед переехал туда со всем семейством. В этом или еще в старом доме родилась моя мама (1891 г.), не помню. Скорее всего, еще в старом, так как дед до 1904 г. успел построить еще новый красный (теперь здание музея — ред.) дом рядом и расширить участок, который вначале был вдвое (если не втрое) меньше. Помню, покойная бабушка Лиза (мамина мать) рассказывала, что когда-то на месте, где был дровяной навес, рядом с дубом у ворот, во времена ее молодости, если не детства, стояла часовня, и то ли из-под нее, то ли еще откуда шел подземный ход на папулинский луг, где в древности стоял староверский скит (обломки и развалины и я еще помню). Тогда за лугом, в зарослях ольхи, можно было видеть следы древнего кладбища с замшелыми каменными надгробиями могил. Мы с Колькой Захаровым как-то еще до поступления в школу, т.е. до 1924 г., там играли и провалились сквозь обвалившуюся землю в какую-то яму... Кое-как вылезли (помню перед глазами часть темной кирпичной кладки в этой яме) и страшно перепугались. Еще до войны, возвращаясь с охоты из-за "гнилого моста", я набрел на упомянутое кладбище, рассматривал замшелую каменную плиту, но разобрать что-либо не смог, к тому

же и написано было по-славянски. Кроме многочисленных воспоминаний о старом Судиславле, я конечно мог увидеть в Москве остатки старой мебели Невских из Судиславля. Это были редкой красоты и величины бронзовые канделябры, большой рояль, огромный стол с массивными резными ножками, стулья, старинные книги, карты, фотографии, инструменты. Валерий Сергеевич рассказал мне о собрании голландской живописи XVII века, редких пастельных портретах, мебели красного дерева, росписях на потолках в судиславском доме, где жизнь была трудной, но счастливой. Много было распродано в Москве в 60-е, 70-е годы, в том числе картина художника Аргунова, писанная маслом.

Любопытно родовое древо Невских. Мать доктора жила в Макарьеве. Она была в родстве со знатными фамилиями Верховских и Троицких, с писателем Маминым-Сибиряком. Родственником ей приходился и советский министр культуры Кафтанов. Судиславский родственник Невских Борис Иванович Полозов в чине полковника преподавал в военно-строительной академии. Его внук Михаил Алексеевич преподает в МГУ. Родственница Варвара Сергеевна Полозова в двадцатые годы создала в Судиславле краеведческий музей. К сожалению, собранные ею ценные экспонаты, включая старинные музыкальные инструменты, органы, в тридцатые годы были сожжены по акту, как хлам. Музей тогда располагался во дворе Третьякова. Экскурсантов поражали охотничьи трофеи купца, тучела животных, особенно громадных медведей, ампириная дубовая мебель, кафельные полы, шелк и бархат, позолота. Все это было расхищено, уничтожено местным начальством. Невские оказались в близком родстве даже с конструктором самолетов Туполевым, так как его сестра вышла замуж за одного из судиславских Соколовых...

Такова история одного из известных судиславских домов.

Юрий СМЕРНОВ

Дом С.А.Невского (слева) на ул. Большая Владимирская. Фото начала века.

В СУДИСЛАВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЕ

«ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ УСТРОЙСТВА МОСТОВОЙ...»

1888 года февраля 21 дня гласные Судиславской городской Думы в заседании своем в числе 18 лиц под председательством г. городского головы, выслушав доложенное им заявление гласного Думы Макара Ивановича Соколова о том, что для продолжения будущим летом устройства каменной мостовой в г. Судиславле следует предварительно ассигновать на заготовление камня сумму, о чем и просит доложить городской Думе. Постановили: Принимая во внимание заявление гласного Соколова, на заготовление камня для продолжения в лето настоящего года устройства мостовой в Жуковской и Болотовской улицах и на торговой площади между рядами ассигновать в распоряжение городской управы из городских сумм пятьсот рублей серебром. Городской голова Василий Третьяков и гласные Думы Иван Кокорев, Петр Сорокоумов, Абрам Третьяков, Дмитрий Кокорев, Петр Д. Кокорев, протоиерей Иоанн Доброхотов, Михаил Третьяков, Никанор Захаров, Макар Соколов, Иван Богомолов, Иван Захаров, Федор Пучков, Яков Дубов, Василий Сорокоумов, Семен Махаев, Иван Капустин и Федор Москвин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 19. Д. 685. Л. 14.

«ТРАКТИРЫ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ...»

1894 года февраля 15 дня гласные Судиславской городской Думы в заседании своем в числе 10 под председательством г. городского головы слушали копию с постановления Костромского губернского по питейным делам присутствия от 21 января сего года... об утверждении составленного Судиславской городской Думою в заседание 7 декабря 1893 г. по соглашению с г. костромским уездным исправником проекта обязательных постановлений для трактирных в гор. Судиславле заведений...

Принимая во внимание заслушанное постановление Костромского губернского по питейным делам присутствия от 21-го января с.г. на основании... Высочайше утвержденного 8 июня 1893 года положения о трактирном промысле для трактиросодержателей в гор. Судиславле, определили издать и утвердить следующие обязательные постановления:

1.

а) Трактирные заведения по устройству своему должны заключать в себе не менее трех комнат, общая площадь которых была бы не менее 200 квадратных аршин; б) Трактиры должны иметь куб для горячей воды и достаточное количество столовой, кухонной и чайной посуды, содержимой в чистоте и опрятности и в) кушанья, продаваемые в

трактирных заведениях должны быть приготовлены из свежих припасов, а напитки без вредной примеси и должны быть содержимы в чистой стеклянной посуде.

2.

Содержателям трактирных заведений вменяется в непрременную обязанность: а) наблюдать за порядком и благочинием в заведениях; держать у себя в услужении людей благонадежных; учредить в заведениях внутренний присмотр за недопущением беспорядков и воровства и о всяком нарушении порядка и благочиния немедленно извещать полицию; б) лестницы в трактирных заведениях должны быть с перилами и в ночное время освещены при входах в заведения фонарями, а внутри заведения висячими и стенными лампами и в) трактирные заведения должны иметь хорошо устроенные ретирады и мусорные ямы, которые по мере накопления нечистот, должны быть вычищаемы как можно чаще.

3.

Во всем остальном трактиросодержатели обязаны руководствоваться существующими законоположениями.

Городской голова В.Третьяков и гласные Думы Петр Сорокоумов, Николай Красильников, Василий Кокорев, Иван Папулин, Иван Павел Москвин — Грохотов, Иван Захаров, Семен Захаров, Михаил Румянцев, Иван Капустин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 19. Д. 953.

«ГАЗЕТЫ И БУМАГИ СДАТЬ ПОКУПЩИКАМ С ВЕСА»

1888 года мая 25 дня гласные Судиславской городской Думы в заседании своем под председательством г. городского головы в числе 12 лиц, выслушав доложенные им два торговых листа, по которым Судиславской городской управой 10 сего мая проданы с разрешения городской Думы старые газеты прежних лет и разные подлежащие к уничтожению бумаги за период времени с 1876 по 1884 годы судиславскому мещанину Ивану Васильеву Махаеву за пуд по 2 р. 65 к. и судиславскому же 2-й гильдии купцу Петру Дмитриевичу Кокореву разных подлежащих к уничтожению бумаг по 1 р. 10 к. за пуд. Постановили: Произведенные городской управой торги утвердить и поручить управе газеты и бумаги сдать покупателям с веса. Городской голова Василий Третьяков и гласные городской Думы Иван Кокорев, Петр Сорокоумов, Иван и Никанор Захаровы, Петр Дмитриевич Кокорев, Иван Павлович Богомолов, Василий Алексеевич Беляев, Семен П. Захаров, Федор Пучков, Федор Москвин и Иван Капустин.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 19. Д. 685. Л. 62.

МЕЛЬНИЦЫ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН

Не одно столетие мельницы на Руси олицетворяли основательность крестьянской жизни. Где мельницы, туда и дороги, там и люди, там и разговоры о хлебе, о детишках, о скотине, об извечных полевых заботах. Мельница в работе — значит, все нормально, не пробудем голодными, даже и нищему-страннику достанется кусок каравай.

В нашей местности преобладали мельницы водяные, что вполне понятно при наличии множества небольших, как раз удобных рек и речушек. По скудным сведениям сохранившихся документов и свидетельству очевидцев, удается установить, что в окрестностях Судиславля на огибающей его реке Корбе и ее притоках одновременно действовало шесть мельниц.

Начнем по порядку. Самая верхняя мельница — в двух километрах от Судиславля, так называемая Новиха, там, где теперь расположена турбаза "Берендеевы поляны". Этой мельницей владел некий зажиточный судиславец Иван Михайлович Захаров. Там же стояла его добротная усадьба. По сведениям старых жителей, мельница Захарова считалась одной из лучших в округе. Ценность ее состояла также и в том, что ее легко и быстро, путем замены какого-то оборудования, можно было переделать в льняную маслобойку. А лен издревле занимал в наделах здешних крестьян почетное место, сеяли его на лучших землях ради получения волокна и масла. И еще живы сегодня те судиславцы, что бегали босиком на Новиху к Ивану Захарову "ржаным куском масло лакать". Эта мельница остановилась, замерла при советской власти в числе первых. Какова судьба ее хозяина, никто толком сказать уже не может. Очевидно, он разделил участь, как принято было говорить, "дармоедов и кровосо-

Василий Васильевич Травкин — судиславец по рождению и жительству. Он автор шести книг прозы, повести и рассказы его публиковались во многих "толстых" литературных журналах. Главная тема творчества Василия Травкина — жизнь на своей земле, судьбы деревенских жителей, любовь к родной природе. В "Губернском доме" писатель представлен в краеведческом жанре — рассказом о судиславских мельницах.

сов". Далее вниз по течению Корбы стояла шемякинская мельница, попросту Шемякинка. Тоже надежная, хорошо оборудованная. Одна из самых старых на Судиславской земле.

Еще ниже, почти что в границе поселка, под соборным холмом, — мельница судиславская. Она держалась всех дольше. Жители улицы, прилегающей к Корбе в этом месте, помнят, что она действовала еще в 1947 году.

Следующая, в полутора километрах, — Клейнка. Возможно, стоял когда-то тут хутор с таким названием. Место низкое, по обеим сторонам — заливной луг. Попечитель здешней округи, предприниматель И.П.Третьяков, думал закольцевать дорогой прилегающие к Судиславлю деревни — от деревни Климецво через мельницу Клейнка начали выкладывать булыжную мостовую. Сделать это, однако, не успели. Революционные события остановили строительство, булыжник впоследствии разобрали и увезли.

Километрах в пяти-шести от Судиславля стояла еще одна добротная мельница — Славновская. Она обслуживала в основном жителей близлежащих многолюдных деревень, край

тут считался хлебодородным и зажиточным.

Но была и еще одна судиславская мельница — с южной стороны поселка на притоке Корбы речке Готовке, как раз там, где сейчас под холмом устроена запруда Комсомольского озера.

Шесть мельниц на небольшой территории, но тесноты не замечалось, все действовали, время упорядочило прикрепление окружающих деревень, каждый крестьянин знал свою мельницу и по первому снегу с благоговением ехал на лошадке молоть жито.

Старожил Судиславля Валентин Михайлович Утешев хорошо помнит судиславскую мельницу — там, где сейчас стоит разбитая, разграбленная баня. Он родился и жил в доме, что в пятидесяти метрах от мельничной плотины, кстати сказать, где живет в одиночестве и поныне. Ему и сейчас явственно слышится шум падающей на лопасти колес воды, несмолкаемый, мерный, успокаивающий. С этим шумом в годы детства и юности он просыпался и укладывался вечером в постель. Летние дни, обычно, пролетали в играх вокруг мельничной запруды: купались в омутах — верхнем и нижнем, ловили рыбу, раков.

С высоты нынешнего технического совершенства плотины тех мельниц можно назвать примитивными, словно бы бутафорскими, но учтем: воду они держали надежно, мельницы работали десятилетиями. Строители полагались лишь на подручные средства да еще на свою сообразительность, расчет, смекалку.

В основании плотины сначала делали подушку из ельника, затем набивали солоmistый навоз, а сверху — мощный прижим из глины. Сколачивалась стенка из деревянных щитов с

крючьями по краям каждого щита, которые вставлялись в пазы стоек. Поверху плотины закреплялось во всю ее ширину бревно с привязанными к вбитым штырям веревками. Концы веревок привязывались к крючьям щитов. В водополь, обычно в весеннюю распутицу, во избежание прорыва плотины бревно начинали поворачивать воротом, веревки накручивались, щиты таким образом поднимались, и вода уходила, напор ее ослабевал.

Валентин Михайлович Утешев хорошо помнит последнего мельника судиславской мельницы Николая Коровкина. Был он без руки, сутуловат, плечист и, как, видимо, большинство людей этого важного дела, нетороплив и солиден.

Можно себе представить, как он управлялся. Ранним утром, поднявшись по лесенке к жерновам, наблюдал, как таскают и высыпают мешки с зерном в бункер приехавшие из какой-то деревни мужики. Коровкин проверял клинья — устанавливал сыпь. Затем включал мельницу. Передаточный механизм приводного колеса действовал через систему шестерней и валов. Жернов медленно трогался, в воронкообразное его отверстие текло ручейком зерно. Коровкин чутко вслушивался в гул сокрушающих разворотов камня и по нарождающимся, едва

уловимым переливам знал, когда ослабить или подбить клинья.

Но вот выплеснулась струйка муки. Он тотчас совал в нее ладонь, растирал в пальцах и опять определял усилить или ослабить давление жернова. Чем тоньше помол — спорей мука, удачливей тесто. Но и камни беречь надо: при тонком помоле резцы стачиваются быстрее, тогда снимай верхний жернов, опрокидывай, начинай кропотливую тонкую ковку.

Коровкин молот, а мужики, задав лошадям овса и сена, уставшие с дороги — встали заполночь, чтобы успеть первыми, — спали в теплом прирубе.

Временами, особенно в начале зимы, на мельнице наблюдался наплыв санных подвод. Образовывалась очередь, и тогда мельница работала почти круглосуточно. Очередники, дожидаясь, не маялись — по-домашнему чувствовали себя в прирубе: здесь можно было вскипятить чай, сварить похлебку. И лошади в укрытии от пурги и мороза — под навесом.

Водяные мельницы еще долго могли бы действовать на благо местного люда. Но советская власть, взявшись все переделывать и перекраивать, конечно же, усмотрела в них тормозящую старорежимность, гнездо, опору кулацкого сопротивления, и потому

вполне понятна неприязненность, в конце концов обернувшаяся насилием в отношении их владельцев.

Многие мельницы остановились, подверглись разорению. Многие отошли в собственность организовавшихся колхозов. Очень часто дела на них не ладились: в общественных руках все быстро ветшает и приходит в негодность. Но отдельные мельницы продержались до конца сороковых, середины пятидесятых лет.

Я помню, как мы с сестрой в 56-м году ездили с ночевкой полоть заработанную старшим братом в МТС рожь на левонковскую мельницу, что стояла на речке Шаче в пятнадцати километрах от Воронья.

Когда думаешь о судьбе мельниц, возникает вопрос: почему же они при советской власти так быстро и так бесславно прекратили свое существование? Или они уже изжили себя, на смену им пришли другие, более современные установки и механизмы? Или они негодились колхозам по причине дорогостоящего обслуживания? Или уже в мельницах отпала надобность, так как в достатке появилась недорогая и разнообразная мука в продаже? Или еще какие-то неведомые, не зависящие от воли людей природные причины? Однако во все годы жизни колхозников, всех деревенских жителей, даже в бедные, бедственные военные, послевоенные годы, в мельницах существовала насущная необходимость. Вспоминаются домашние жернова, ступы. Ввиду отсутствия мельниц, хозяевам приходилось дробить, мельчить зерно простейшим древним способом. Помню, чуть ли не в каждом доме по всей нашей деревне раздавалось, бывало, вечером рокотание жерновов и мягкий стук пестов в ступе. Конечно, в те тяжелые годы, связанные с военным лихолетьем, зерна имелись какие-то крохи. толкли в ступах большею частью полову, клеверную кашку. Но ведь жили с надеждой, верили: в конце концов перетерпим вызванную войной нищету, придет

Мельница на реке Корбе.

хлебный достаток. Вот тогда и заработают в полную силу мельницы.

Действительно, жизнь наконец наладилась, вошла в какую-то усредненную устойчивую норму. О голоде остались лишь горькие воспоминания. Но мельницы не заработали. Наоборот, замерли и те последние, что поддерживались в некоторых колхозах в рабочем состоянии. И этому факту тоже есть свое объяснение. Государственная централизация продолжала укрепляться, она приобрела всеохватную, всеобъемлющую форму. Власть чиновников становилась неограниченной. Все контролировалось сверху: никакой инициативы на местах, никакого самовольства. Инициатива лишь одна — больше получать молока, мяса, льнопродукции, зерна. Колхозники работали, производили, но не распоряжались продукцией. Основная ее часть изымалась в виде госпоставок. Такая же ситуация и с зерном. Рассчитаться с государством — первая заповедь. Иногда даже и на семена мало что оставалось. В таком случае зачем мельницы? Они совсем не нужны. А чтобы лишить колхозника даже соблазна отвезти хлеба из муки собственного помола, мельницы закрыли. И, таким образом, закончилась их вековая история. Не народ от них отказался, не жизнь распорядилась. Распорядились чиновники, пекущиеся не об интересах людей, а об укреплении командной системы, то есть об интересах своего существования и власти. В памяти народа сохранилось много связанных с мельницами и мельниками суеверий, примет, поговорок, былей, сказок, частушек. Вполне естественное наследие. Ведь мельницы составляли звено в земледельческой цепи, как бы вершили крестьянский труд. Дух загадочности и тайны окутывал этот укромный уголок. Крестьянин думал: добром ли откроется ему нынче мельница, будет ли что молот, или нечистая сила не допустит, и будут хозяйничать на ней одни лишь русалки да водяные?

О РЕМЕСЛЕННОЙ ШКОЛЕ

В Судиславле не раз поднимался вопрос об учреждении ремесленной школы, но государство не отпускало на это денег. "В 1897 году, — писали земцы, — гласный Третьяков предлагал в Судиславле свой дом и 1000 р. в год субсидии на открытие в Судиславле школы ремесленных учеников. Обсуждение доклада об этом было отложено до следующего собрания и более не возобновлялось". И только в 1913 году, уже на средства мещанина Михаила Максимовича Гусева, в Богословской слободе открылась Учебная столярно-токарная мастерская для мальчиков, где был первым мастером-учителем столяр Федор Петрович Григорьев.

"Справочная книжка по Костромской губернии на 1914 год".

ИНТЕРЕСНЕЕ ВСЕГО

11 декабря 1905 года в Судиславле впервые был устроен спектакль с благотворительной целью. Спектакль состоялся несмотря на то, что полиция в лице исправника Перротте старалась, насколько возможно, затормозить это дело, имея с устройтелем спектакля давнишние какие-то счеты. Спектакль этот был разрешен лично губернатором, которым на оригинале афиши была сделана разрешительная надпись.

Исправник ниже подписи губернатора сделал надпись: "Не разрешено". Всего интереснее, что губернатор после вторичного обращения к нему устройства спектакля за разрешением заставил исправника Перротте подписать всю сотню отпечатанных афиш.

"Костромской листок", № 126. 1905 г.

ПРИВЛЕЧЕН ЗА БУЙСТВО

На днях в Заважынском волостном суде судили за буйство и безобразия сына потомственного почетного гражданина Ивана Петровича Третьякова — Виктора Ивановича, так как ранее, по решению окружного суда, он был лишен прав за кражу в пути и приписан к мещанам. Волостной суд оправдал буйна, несмотря на наличность улик. И дальше: "Не так благополучно окончилось 15 декабря разбившееся у местного земского начальника дело второго сына Третьякова — Федора, который был привлечен за буйство и за нанесение побоев крестьянину деревни Мостиц и на этот раз приговорен к месячному аресту. Вообще, гг. Третьяковы своими поступками продолжают наводить страх на местных обывателей".

"Костромской листок", № 129. 1905 г.

ЖЕРТВОВАТЕЛИ

При открытии 6-го числа Ноября настоящего года Костромской губернии в заштатном городе Судиславле приходского училища сделаны в пользу его следующие приношения: Судиславский Полицмейстер Толмачев положил жертвовать по 15 р. в каждую треть года, пока будет при настоящей должности, на покупку книг и журналов для училищной библиотеки, купец Курочкин пожертвовал Библию на словенском языке, коллежский секретарь Васильев — книгу Богословского Содержания, Поручик Юрьев — 5 р. асс., Губернский секретарь Ратьков — 10 р. асс., Губернский секретарь и Кавалер Аристов — 10 р. асс., Почтмейстер Сулов золотом — 21 р., Судиславские священники: Григорий Тарелкин, Алексей Гласов, Василий Белороссов — по 5 р. асс. каждый, Столоначальник Судиславского Духовного правления Макаровский — серебром 1 р., Поручик Каленин — 5 р. асс., Судиславские купцы Третьяков, Кокорев и Москвин — по 10 р. асс. каждый.

Московские ведомости. № 94, 100. 1838.

ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВНИ ИВАНЬКОВО

7 сентября 1925 года в Костроме в театре "Пале", украшенном новыми росписями В.А. Колесова, гудела возбужденная толпа. Вход разрешался только по пригласительным билетам, которые были заранее распространены по организациям. Не имевшие билетов теснились на улице. Шел судебный процесс над Грачевым. Показания 38 свидетелей вызывали нервный шок публики. Судьи и присутствовавшие в зале требовали смертной казни преступнику. Есть чему удивляться и в наши дни.

26 июля 1925 года в д. Иванькове Судиславской волости Грачев из шести своим односельчанам сжег 16 домов и 60 построек, убил 11 человек, 12 лошадей, 8 человек ранил. Как такое могло случиться? Врачи, обследовавшие Грачева, пришли к выводу, что у него имелось нервное расстройство. На этом основании они предлагали направить его в колонию для душевнобольных. А, в общем, это был обычный крепкий хозяин, "себе на уме". Он своими руками вырыл у себя на усадьбе пруд. В начале века свел свои земли "в отруб", воспользовавшись реформой Столыпина. Медицинская комиссия признала его годным для военной службы, и он, как и все здоровые мужчины, отслужил положенное в царской армии. Вернувшегося со службы хозяйственного мужика заметил фабрикант и землевладелец Третьяков. Он предложил ему службу лесничего в своем поместье. Грачев навел железный порядок и строго наказывал штрафами своих односельчан, замеченных в краже третьяковского леса. Служба у фабриканта, выход "на отруб" противопоставили Грачева деревенской общине. Началась вражда. Крестьяне, как могли, мстили Грачеву, даже детишки включились в травлю. Грачев мстил деревне по-своему. Он никому не разрешал пользоваться своим прудом. Пока была возможность, давил штрафами. После ре-

волюции ситуация изменилась не в его пользу. Верх одержала деревня. Но у Грачева был свой отруб. Когда началось земельное переустройство, передел земли, чаша терпения его переполнилась. Грачев задумал страшное.

Начал с изучения законодательства. В волисполкоме узнал, какие наказания следуют по закону за убийство, поджог и т.д. Выяснил, что смертная казнь полагалась только за покушение на жизнь представителя власти. Далее он распродал свое имущество. На второй день престольного праздника местной "Казанской" он поджег свой дом, а потом, взяв керосин и факел, стал поджигать один за другим деревенские дома. Всех выбегавших расстреливал, не щадя ни старого, ни малого. Убил полторагодовалую девочку, тринадцатилетнего мальчика, стрелял в десятилетних детей, моливших о пощаде малолетних детей, матерей. Покончив с деревней, он отправился в луга, где паслись лоша-

ди. Из 14 лошадей в живых осталась одна. Уцелевшие жители прятались в ржаном поле. Грачев поджигал его. После содеянного преступник скрылся в лесу. Тут на дороге он увидел милиционера и представителей волисполкома, получивших сообщение. Они были напуганы и боялись встречи с Грачевым. Среди идущих преступник увидел своего соседа Травкина. Грачев выстрелил в него, но попал в милиционера.

На суде Грачев спокойно признался во всех преступлениях, сожалел о том, что ранил милиционера, так как не хотел этого. Суд не принял протестов адвокатов-защитников, врачей и приговорил Грачева к расстрелу. Есть сведения, что как незаконный этот приговор был отменен высшими инстанциями.

Так погибла деревня, в старые времена принадлежавшая костромским дворянам Пушкиным.

Юрий СМЕРНОВ

Документ

«ПОСТАВЛЯЮ ТЕЛЕГРАФНЫЕ СТОЛБЫ...»

МВД
Судиславского городского головы
февраля 1879 г. № 16

Его Высокоблагородию господину старшему механику
Вологодского телеграфного округа Торماسову.

Честь имею заявить, что по устройству телеграфной линии от г. Костромы до г. Судиславля в пособие правительству при жертвуемых костромским уездным земством одновременно 200 руб., я поставляю телеграфные столбы по 17 на каждую версту, которые уже и сложены у каждого верстового знака от г. Судиславля до г. Костромы на 50 в. количеством 850 столбов; кроме того, г. Судиславль даст помещение для телеграфной станции, но без отопления и освещения согласно постановлению Судиславской городской Думы, состоявшемуся 17 мая 1878 г., на срок, какой найдет правительство нужным.

ГАКО. Ф. 133. Оп. 16. Д. 1125. Л. 5.

«НАШ ВЕК В СРАВНЕНИИ С ВЕЧНОСТЬЮ НИЧТОЖЕН»

Из дневника конторщика Василия Любимова

Большую часть жизни служил автор этих дневниковых записей конторщиком и тяготился этим рутинным трудом. До 17-го года воевал в царской армии, а после до 23-го — в Красной. Был еще грузчиком, фельдшером, служащим райпо. В Судиславле до сих пор жива о нем память как о бескорыстном помощнике районного краеведческого музея, большом поклоннике музыки и просто хорошем человеке.

Из автобиографии. "Родился я в 1894 г., 30 апреля, в Судиславле. Отец мой, Любимов Петр Епидифорович, тоже уроженец Судиславля, служил складским работником; работал помощником материальщика на фабрике Разоренова и Кокорева в селе Тезине (Вичуга)..."

Запись без даты.

В дожди мы сидели дома и играли в войну на полу. Катушки из-под ниток — это русские, а коробки из-под спичек — неприятель...

Вот звонят часы с музыкой, бормоча какой-то мотив. Дядя Павел начинает шепотать (колоть шепки), а тетя Сима трясает самовар и что-нибудь печет. Что касается поесть, так об этом не думали даже, да и есть-то не хотели, все отказывались. И действительно, чаша полная: утром молока горячего с особенными белыми сдобными колобушками, чай с сахаром. Масло сливочное с белым или черным хлебом, а в воскресенье и праздники еще пирог с рисом и яйцами или с мясом. Все это сколько съешь. А съешь только колобушку да кружку молока, и больше ничего не хочется. В обед суп с мясом или молочная лапша, каши и молоко с минутками или яблоки. В 4 часа чай и все повторяется утреннее, а вечером ужин. Вечерний чай всегда с конфетами и все с разными. В курятнике было до 500 куриц всех пород. Из курятника убежим в лес. В качестве лакомства еще были все лесные ягоды с песком и всех видов варе-

нье, и в постоянном избытии сливочные конфеты варки тети Симы.

7 ноября 1946 г.

Я имею несчастье по профессии быть бухгалтером. Я завещаю детям быть кем угодно, только не считать. В самом деле: это что-то ужасное. Насколько же тяжка эта работа. Она не имеет конца, так же, как время. Текут к тебе непрерывно документы, всякие бумажки: и оборванные, и обгрызенные клочки, и хорошие богатые счета, и дрянные справки. Все это должен ты читать, собирать, обрабатывать. Считаешь, проверяешь. Писал эти цифры раз 10, пересчитываешь снова. Хорошо еще, когда бывает все правильно, а то, зачастую, от усталости наврешь. Надо искать опять, перебирать их, и так без конца. Вот сделал ты отчет. Как бы финал, итог бессмысленной и сухой работы. Но, увы, снова то же самое и снова отчет, и так без конца. Моя маленькая жизнь вся погибла в этих проклятых цифрах... А сколько гадостей тут всяких. Дал денег — виноват. Зачем дал? Не дал — виноват, работу сорвал! Одним словом, спасибо никто никогда не скажет, а только посулят наказать, под суд отдать, и все в этом роде. Провались ты, все учеты и отчетность, в тартарары! Весь учет этот — мать нечестности.

29 марта 1947 г.

Наша маленькая жизнь становится все хуже, даже ужасной. Всю зиму в комнате не раздева-

лись. Баня изломалась. 2 месяца не мылись: мыла нет. Дома мытье немисливо. Почти парши завелись (блохи, клопы), как только чуть стало теплей. Дров нет, спичек, керосина, соли тоже нет. Одежда вся — одна рвань, сменить нечем и на всех нет. С обувью еще хуже. Все разговоры только около еды и про еду и воспоминания о хлебе и каше.

21 мая 1947 г.

Страшная рука голода висит и даже сжимает уж свои жертвы. Люди кладутся в больницу и умирают от дистрофии. Ежедневно варим щи с крапивой и ревенем, и даже добавляем ягель, и то рады и говорим: "Еще можно есть". Как только дожили до овощной травы! Все хотят жить и покупают только еду. Господи, помоги нам перенести это время. Хочется поглядеть на деток и хочется еще раз увидеть стол с хлебом и кашей, попить молочка и чайку с сахаром. Пока все, больше ничего не надо...

17 декабря 1947 г.

Много было богатырей-грузчиков на складе. Был дядя Егор, 10 раз подряд крестившийся двухпудовой гирей. Раз внес он в третий этаж ящики чугунного литья весом в 35 пудов. Был Голубиков — бывший матрос с крейсера "Варяг", известного всему миру в русско-японской войне. Он был молчалив и спокоен. Железного сложения. Один раз занес воз с ящиками весом в 80 пудов, и мы все были

поражены, а он улыбнулся и сказал: "Что же я как плохо подъехал, неловко сваливать". Это было в 1912-1914 гг. Придешь, бывало, с работы домой. Мама готовит ужин. Накладет горой хлебушка. Вытащишь огненный картофельный суп с мясом и жаренную в сале картошку. Или пшенной каши горшок с маслом скоромным или сахарным песком и молоком. И вот наешься досыта и пойдешь гулять или сражаться в городки или лапту. И так дотемна. И ничего, не уставали совсем. Вот они — ши да каша наша. Вот богатыри с этой пищи и развивались. А перед сном еще чай был с сахаром да с баранками. Зачастую любили баранки есть с икрой вобленой, а спали как убитые. Дела дома и по службе делаешь быстро и без всякого труда. Сила, бодрость, веселье — это все для человека. Сыт, здоров, вот и все.

11 февраля 1948 г.

Несмотря на все невзгоды жизни, людскую суету, зло, все же Божий мир хорош. Мы только его в суете жизни не замечаем, не наслаждаемся его красотой, не успеваем. Посмотрите, как ярко светит солнце — источник жизни! Несмотря на все наши грехи. Господь еще не потушил его для нас.

2 мая 1948 г.

Наблюдая с бульвара, можно заметить, как Судиславль обветшал, все дома состарились, ворота, заборы повалились... Судиславль поразвалился, почернел. Ведь все же он большой старик и живет от татарского нашествия на Русь...

31 марта 1971 г.

Наш век в сравнении с вечностью ничтожен.

16 апреля 1971 г.

Я иногда покупаю книги: пусть они останутся на память детям. Книги ведь — разум всего человечества.

9 октября 1974 г.

Зашли в храм, все разгромлено, как будто был Мамай или Гитлер. А это все наши граждане, русские, бесцельно изуродовали всю старину... Какой позор, хулиганство и бескультурие. Поля уничтожены. Ташат все, кому не лень, и все — на пьянку. Тяжело смотреть.

Запись без даты.

Есть картина художника Ге "Что есть истина?" На ней изображены Пилат и Христос. Это из 18 гл. Евангелия от Иоанна.

Память — драгоценный дар для человека. Божий дар природы.

СТАРЫЕ ПОМЕТКИ

* Дурак свят — у него мозги спят.

* Худшие у вас во славе, а лучшие — гонимы.

* Губы да зубы — два запора, а удержу нет.

* На одно солнце глядим, да не одно едим.

* Беда вымучит, беда и выучит.

* Батюшка Питер бока нам вытер.

* Золото моем, а сами голодом воем.

* За твоим языком не поспеешь босиком.

Загадки-шутки 1912 года

1. У кого во время французской революции была самая большая шляпа?

2. Какая лошадь видит задом так же, как и передом?

3. Когда телега бывает рыбой?

4. Когда дом бывает закуской?

5. Без рук, без ног, а рубашку носит.

(Ответы на странице 80).

Рекорды

7 июня 1916 г. с Володей ходили пешком в Кинешму. Пошли в субботу в 11 час. вечера, а пришли в понедельник в 5 часов. Потом сразу домой обратно. И не особенно утомились. А по приблизительному счету сделали не менее 100.000 шагов.

19 мая 1941 г. дома взошли арбузы из семян из Васильсурска. Арбуз дал десяток завязей. Один был украден, а второй снят в сентябре и зрел дома. В ноябре разрезали, оказался спелым, но мало сладок.

Письмо барину от старосты

Батюшка Барин, твой жеребец Михайло Петрович помер. Шкуру я вашу барскую продал и на оные деньги купил для вашей милости прочный хомут. Свиной у нас на ярмарке Вашей породы было много, жаль, что вашей милости не было.

Братья Любимовы в струнном оркестре купца Гусева.
Николай — верхний ряд, 1-й слева, Василий — 3-й и Владимир — 4-й слева.
Фото начала века.

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

"Кто назвал горы и реки? Кто дал первые названия городам и местностям? Только иногда доходят смутные легенды об основаниях и наименованиях... Вопрос географических названий сплошь и рядом выдвигает энигмы (загадки) неразрешимые".

Н.К.Рерих. Истоки.

На судиславской земле, в средней полосе России, в живой речи судиславцев живет не одна сотня местных географических названий — топонимов. Это названия официальные и неофициальные, старые и новые, сельские и городские, стихийно возникшие и искусственные. Иногда названия уже не существующих природных объектов и населенных пунктов.

Судиславль славится своими краеведческими изысканиями, в том числе и лингвистическими. В последнем особенно преуспели студенты Костромского педвуза — члены лингвокраеведческой лаборатории и учащиеся сельских школ (отметим многолетнюю плодотворную работу Калининской школы) и районного центра. По итогам конкурса "Язык земли", являющегося частью юбилейной программы для школьников "Губернская экспедиция", в 1996/97 учебном году Судиславский район вышел на первое место, а абсолютным призером конкурса явилась Калининская неполная средняя школа.

Калинковские школьники к настоящему времени собрали более 300 географических названий своей округи — своеобразный словарь топонимов края. Топонимы характеризуют размер, рас-

положение, время появления географических объектов и другие их физические признаки: Большое озеро, Малый омут, Ближний омут, Дальний пруд, Новая улица, Черная речка, Светлое озеро... Рельеф местности, характер почвы, животный мир отражают названия: Крутой овраг, Горка, Песочный, Березки, Боброва плотина. Образное представление мира дают названия: Шишка и Бугор — возвышенности в сосняке, Медвежий рукав — место в болоте, Скворечники — часть деревни Калинки с новыми двухуровневыми домами, похожими на домики для птиц. Много названий, отражающих отношение одного объекта к другому, это новые, молодые топонимы: Лес-за-Дорогой, Ягодник-за-Линией, На-Буртасово-Дорога или Буртасовская дорога. Также относительно молоды, но вполне устойчивы микротопонимы с узкой локальной базой (известные только в данной местности): Магазин, Почта, Контора, Ферма, Комплекс.

Очень много топонимов, связанных с личными именами, прозвищами, фамилиями: Иванов выгон, Кокуревы покосы, Барин пруд, Горка-за-Бабкой Верой, Дорога-у-Бабки Филиного дома и другие.

Что обычно для сельских микротопонимов, калинковские названия образуют своеобразное гнездо-ансамбль с доминантой-ойконимом (названием населенного пункта): д. Куломзино, Куломзино (поле), Куломзино (покос), Куломзино (мельница, которая когда-то была на реке); д. Буртасово, Буртасовская дорога, Буртасовские поля, Буртасово (покосы); д. Семеновское, Семеновская гора, Семеновское (поле, место купания, покосы, грибное и ягодное места). В калинковских материалах обращают на себя внимание многочисленные названия пастбищ, образующие своеобразное тезоименитство с названиями уже исчезнувших деревень: Ракишино, Паниково, Кучино, Болото.

В добротных материалах, собранных членами отряда "Виктория" Михайловской средней школы, выделяются многочисленные названия хуторов и усадеб: Домницы — бывший хутор между бывшими деревнями Юркино и Глебово на берегу реки Мезы в 4 км от Михайловского, Анциферов хутор — 0,5 км к северу от села Ильинское, Есиплево — хутор в 1 км от Михайловского, Аристовых хутор, Крюков хутор, Хутор Былинкиных, Хутор Волковых. В настоящее

время это названия полей. Нет уже в судиславских краях помещиков, разрушились их усадьбы, но все еще живы в народной памяти названия их усадеб. Сафрянки, Горки, Красная горка. Жары (усадьба в 11 км от дороги Раслово-Михайловское, принадлежащая видному костромскому историку-краеведу М.Я.Диеву).

Среди михайловских топонимов особенно многочисленны наименования полей, чрезвычайно пестрых по форме и мотивировке. Даем их в алфавитном порядке в виде минисловарика (не правда ли, интересная складывается мозаика): Балакирьево, Березки. Блоха. Буглино. Бычинская, Вертепы, Ворониha, Вшивая горка, Глухово, Гороховица, Горюха, Грачи, Гришево, Дворины, Дяди Костин участок, Есилево, Жарковские горки, Жуково, За баней, Замостье, За школой, Ильинские горки, Каменка, Касав. Катки, Кобыла, Коллектив, Коллективная поляна, Колотушкино, Кости, Кресты. Круглоголовка, Купчая, Мишино огумно, Ножницы. Писцовые поля. Плосково, Пономариха, Проскуличиха. Пылаевская гора, Раскорчевка, Рошенье, Рукав, Санино поле, Сечь, 33 га, Тяпышево, Четвертуха, Штаны, у Ванина пруда, У

дуба, У ивы, У Кирпичного, У Саввы, У Степы.

Городская топонимика одного из самых древних городов центра России Судиславля исторически многослойна и лингвистически выразительна. Ее любовно собрали члены краеведческой группы "Земляне" ДДТ и группы "Судиславочка" Судиславской средней школы. Это названия улиц, площадей, достопримечательных мест. Некоторые примеры. Бутырская гора, впоследствии Соборная, позднее Пионер-гора — холм в самом центре Судиславля, на котором расположен Спасо-Преображенский собор; Вшивая горка (Вшивка) — холм, заросший зеленым лесом на северной окраине Судиславля. Раньше на нем находился пересыльный пункт арестантов, следующих по Старо-Вятскому тракту в Сибирь. В настоящее время — кладбище. Липовая пустошь — аллея около Спасо-Преображенского собора со стороны реки Корбы. Заозерье — микрорайон Судиславля, расположенный за Комсомольским озером, вырытым в послевоенное время. Заречье — микрорайон на западной окраине Судиславля, за рекой Корбой. Лобанка — большой холм, заросший хвойным лесом, в центре Су-

диславля на берегу реки Готовки — бывшее лобное место, где в старину читались княжеские указы, чинили суд и расправу над людьми, ныне парк отдыха. Барский пруд — пруд в 2-х км от Судиславля. Ранее здесь была барская усадьба. Дно пруда выложено брусчаткой, берега сделаны в виде прямоугольного сруба. В настоящее время сильно загрязнен.

Данные материалы — лишь малая часть того, что характеризует топонимику судиславского края. Нет нужды говорить о безмерной ценности собранного материала (и в большей степени еще не освоенного) со многих точек зрения. С точки зрения лингвистической, топонимы ценны тем, что, сохраняясь многие годы, они переживают не только тех, кто их создал, но и сам язык. Они заключают в законсервированном виде слова, в настоящее время исчезнувшие из языка, содержат специфические значения, не сохранившиеся в современном языке, отражают ступени освоения человеком природы и этапы развития языка, изменения в жизни общества и особенности деятельности людей.

Нина ГАЩОВСКАЯ,
профессор КГПУ

ИЗ СЛОВАРЯ СУДИСЛАВСКИХ ТОПОНИМОВ

РЕКИ, РЕЧКИ

Андоба. Река. В переводе с финского — обильная.

Антоновка. Речка. Протекает через д. Лысково. В районе д. Калинки.

Берёзовка. Река с чистой прозрачной водой, берет начало в березовых рощах. На ней деревни: Бочково, Калинки, Панюково, Высоково.

Готовка. Речка. Протекает в п. Судиславль с северо-востока на запад. Впадает в р. Корбу.

Доротайка. Речка. На ней деревни: Иевлево, Лукино.

Дунайка. Речка. На ней деревни Лазарево и Магово, усадьбы Аристово и Жирославка.

Каменка. Речка, на которой стояла исчезнувшая деревня Болото.

Корба. Река. Название означает ложбину, по-рошную дремучим хвойным лесом.

Локтёвка. Река. "Узкая".

Меза. Река. В переводе с угро-финского языка — "мед", "пчела".

Мера. Река.

Мерская. Речка.

Мостовка. Речка (сейчас ручеек), берущая начало в болоте и впадающая в р. Покшу.

Покиша. Река. На языке мордвы "эрза" означает "большая". Притоки: Березовка, Ивачевка, Черная — названия славянского происхождения.

Ромшика. Речушка, приток р. Корбы.

Сверкунья. Речушка, приток р. Андобы.

Содыша. Речка.

Телятьевка. Речка. Приток р. Андобы.

Холмуша. Речка.

Шевляга. Речка.

Юрьенка (Юронка). Речка. В районе д. Калинки.

СУДИСЛАВСКИЕ СКАЗКИ

Бытует, казалось бы, праздный вопрос: "Можно ли выдумать сказку?" Однако вопрос таковой уводит в глубинную суть бессмертного жанра. Я убежден: сказку выдумать нельзя. Сказка должна родиться сама под внимательным взглядом на жизнь, на дела людские, где никогда не иссякнет души движение, сердца печали и радости, заботы

и поиски разума, где сошлись в противоборстве непримиримом правда с неправдой, любовь со злобою, честность с корыстью, где есть солнце, земля и доброта человеческая, где мудрость сказочную порождает сама жизнь. А где родилось что-то — и зовется тем же именем. Потому и название книги — "Судиславские сказки".

ВОРОН И ХОРЬ

Жили в давние времена в Судиславском лесу дремучем Ворон-птица и Хорище-зверь. И детей своих всяк по-своему наставляли-воспитывали. В каждый первый месяц весны в полнолуние превращались они в людей и ходили по свету.

Вот в одну весну позвал Ворон пятерых сыновей своих и говорит им:

— Вырастил я вас, а теперь уходите домой с глаз моих. Не хочу я вас видеть. Ни ветер вам крылья не обтрепал, ни сокол не поранил, и гроза никого из вас не опалила. Сейчас время подошло вам в людей превращаться и людьми до осени быть. А когда вернетесь, я посмотрю, кто с чем возвратился.

— Зачем же ты гонишь нас, отец? — спрашивают воронята. — Разве мы виноваты чем перед тобою? Ты уже стар. Кто тебе гнездо поправит? Кто тебе пищу добудет? Кто тебя от врагов уберезет?

— Не надо мне забот ваших, — ответил старый ворон да и прогнал их всех.

* * *

Долго ли, скоро ли стали и хорята собираться в люди.

Оскалил зубы старый Хорь и говорит:

— Насковзь вас вижу, племя хоринное. Каждый норовит от дому родительского сбежать. А я вас растил, кормил, поил бездельников. А кто теперь для меня пищу добудет? Кто мне нору согреет? Кто от врагов меня уберезет? Нечего вам по свету шляться да бгть людьми. Раз вы хори, то и должны

быть хорями. Лучше бы дома делом занимались да помогали бы мне, старому хорю.

Остались молодые хори. Живут неделю, другую — старого Хоря

обихаживают: кто возле норы спит, кто дохлого мыша старому Хорю подсунет, кто и вовсе без дела по лесу болтается. И скучно им, и досадно, и лень берет. Расхотелось совсем ходить человеками — живут себе хорями. Один хорь в курятник залез — ему лапу капканом придавило. Второй хорь с кунницей подрался, и та глаз ему вырвала. Третий хорь в костер угодил, и шерсть на нем вполовину облезла. Четвертый хорь ухо оборвал, когда с дерева падал. А пятому хорю собака хвост оторвала, когда во дворе застала.

Посмотрел на хорят старый Хорь и говорит:

— Насмотрелся я, какие вы мне, старику, помощники. Осень скоро, а от вас ото всех все равно проку никакого нет. Сходите в люди —

может быть, там что-нибудь для меня, старого Хоря, добудете.

Фыркнул старый Хорь по-хоринному — и стали пятеро хорят людьми.

Вышли они на поляну и стали ругаться и друг друга попрекать:

— Ты — хромой!

— Ты — кривой!

— Ты — облезлый!

— Ты — безухий!

— Ты — бесхвостый!

Ругались-ругались и, наконец, передрались. Много шерсти на поляне оставили и в разные стороны разбежались.

* * *

А в ту пору вороновы дети в город пришли.

Старший брат и говорит:

— Прогнал нас из гнезда отец, чтобы мы сами ремеслу научились.

Второй брат говорит:

— Хочет отец, чтобы мы вольную-вольку познали.

Третий говорит:

— Хочет отец, чтобы мы разум имели свой.

Четвертый говорит:

— Хочет отец, чтобы сами умели добыть свой достаток.

А пятый сказал:

— Хочет отец, чтобы мы, как и он, умели бы детей растить своих.

Подумали-подумали братья и решились: "Негоже возвращаться к отцу такими, какими он нас отослал".

И научились братья дома строить, а в праздник отдохнуть да погулять; научились своим разумом до всего доходить; научились что заработано беречь, а вот жениться не успели. И приглядели было себе невест, да осень нагрянула: при-

шла пора быть им снова воронами и к гнезду родному возвращаться.

Прилетели воронята домой, отду гнездо его старое заново поправили, пораскинули умом да и крышу над гнездом поставили, поймали зайца для старого ворона и весь заячий пух для зимы сбергли.

Похвалил сыновей ворон и говорит:

— А теперь уходите снова с глаз моих.

Сыновья и спрашивают:

— Почему ты, отец, опять гонишь нас? Никак мы этого понять не можем.

— А потому, — ответил старый Ворон, — что детей надо растить для жизни, а не для себя.

— Спасибо за науку, отец, — ответили воронята, — и стали в ту минуту навсегда людьми.

* * *

В то время прибежали по осени в свою нору хори. Один за воровство все лето в порьме сидел, другой за обман битый был, третий все искал, где бы даром поесть, и от того животом маялся, четвертому второе ухо в драке оторвали, пятый от грызни со всеми все зубы растерял. Сбежались все вместе, все пятеро, все злее злого, шипят, бранятся и друг друга теребят да покусывают. Увидали старого хоря.

— Это ты во всем виноват! Не отец ты нам. Нет того, чтобы о нас, о хорях, позаботиться, так ты людей из нас делать выдумал!

Разъярились, оскалились, набросились на старого хоря — разорвали его и слопали.

* * *

А старый ворон отослал сыновей да так и остался, как прежде, в дремучем лесу. И вот прилетает с той поры ворон изредка к человеческому жилью: покружит сверху над деревней, крылья распластав, да прокурлычет, проклекает для детей своих.

МУЖИК И ГАДЮКА

Пошел мужик однажды на речку раков ловить. Опустил плетенку на дно, запалил костерок дымкоурный, сел на бережку и думает: "Наловлю ведро раков, испеку десяток, сам наемся и домой принесу, — то то детишкам будет в радость, а жене на удивление. Эка, скажет, мужик у

меня: что поймать, что достать, что до дому принести!"

Сидит он так, вольной волюшкой радуется, комаров дымком отпугивает, про заботушки, про дела все думает, ждет-пождет, когда раки в плетенку поналезутся.

Подползла к нему сзади гадюка болотная, собралась укусить, а про себя прикинула: "Вот помрет сейчас мужик и не скажет, что зачем он делает, на воду глядячи. Живешь вот век на болоте, а там все лягушки квакают, гады ползают, а среди гадов уж какие там новости — все только яд один".

Приловчилась гадюка да петлей на шею мужикову шаст!

— А ну, скажи, мужик, серый лапотник, зачем на берегу сидишь? О чем на прохладе думаешь?

Обомлел мужик от ласки гадючей и слова вымолвить не может.

— Ай, что ж ты молчишь, сермяжная душа? — прошипела змея, придавила шею кольцом скользким, холодным, в ухо жалом пошевеливает. — Может быть, тайну скрыть хочешь от меня? Али совсем уж невежею стал?

Перевел мужик дух кое-как, собрался с силою:

— А я, государыня подколотная, раков тут ловлю.

— А зачем, лапотник-мужик, раков ловишь ты? Раков даже мы, гадюки, не глотаем, чтобы горло наше змеиное не повредить.

— А чтобы они совесть не прятали и от того назад бы не пятились.

— А тебе совесть-то зачем? — гадюка спрашивает. — Вся жизнь ты одно только и знаешь, что работаешь.

— А затем, государыня подколотная, совесть мне нужна, что на земле с совестью каждый краше делается...

— Ага, вон оно что! — смекнула гадюка. — То-то, я гляжу, ты молодец молодец. А ну, докладывай, невежа, где совесть твоя прячется?

— А моя совесть, государыня подколотная, вся на виду. — отвечает мужик. — Только взять ее другому никак невозможно — самому надо иметь. Придавила ты вон шею мне, а лицо у меня стало все красное — это совесть как раз и есть. Ты отступишь-ка от меня пока, а уж я покажу тебе, где раки зимуют, отчего у раков совесть проявляется, — глядишь, и тебе краше быть захочется... Нынче неприкрашенных гадюк уж и не водится...

— Ну, смотри. — говорит гадюка, — шутить-то со мной негоже тебе будет. Показывай все как есть. Что-то я отродясь не видывала, чтобы черное да красным делалось. И сама я черным-черна, а раки и того еще чернее.

— Что ж, изволь, — отвечает мужик. — Сейчас мы тебе, змея-государыня подколотная, все в лучшем виде прямо и покажем.

Сползла гадюка с мужичьей шеи. Достал мужик со дна речного плетенку, вывалил раков в ведро с водой и подвесил над костром варить.

Ан, смотрит змея — диво да и только: раки и взаправду красными становятся.

— Эй, лапотник, погоди-ка, на тебя взберусь, чтобы совесть рачью получше видеть мне.

— А ты, государыня подколотная, свернись-ка клубком да сама к ним и вспрыгни. Раки — они все от роду корявые: у них не сразу и выведать можно, с какого боку совесть раньше проявляется.

Свернулась гадюка клубком, подскочила да в кипяток и прыгнула.

Зашипела змея, извернулась, напоследок жало выпустила:

— Так-то, лапотник, ты мне совесть показываешь?!

— А все так, — отвечает мужик, — в ком совести нет, тому совесть незачем и показывать...

«ТОЛЬКО КИСТИ И СЛОВУ ОТЗЫВАЕТСЯ РУСЬ»

По итогам областного конкурса "От родины черпаю вдохновенье", посвященного 200-летию Костромской губернии, первое место среди авторов литературных произведений заняла десятилетняя Кристина Бахирева, ученица Судиславской средней школы.

В МОЕЙ МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТЕ

В моей маленькой комнате
Лампы потушены,
Лишь фонарь за окном
Караулит метель,
Лишь снежинки, закону
Природы послушные,
Молча вьются кругом,
Не решаясь взлететь.
Звезд не видно на небе,
Луна не красуется,
Застылают окно
Только мгла и метель.
Спать не хочется мне,
Жутко ветер беснуется,
Да фонарь, как назло,
Освещает постель.

КАРТИНА

Позабудешь о школе,
Краски, кисти возьмешь.
Нарисуешь на поле
Прошумевшую рожь.
И берез хороводы
Белоствольем слились,
Где-то синие воды
Лижут синюю высь.
Синий ветер гоняет
Над землей облака,

Словно вату ровняет,
Обрывая бока.
Осторожно руками
Синей краски возьмешь,
Голубыми штрихами
По листу расплеснешь.
Зачерпнешь ярко-желтой,
Бросишь небу в лицо.
Проведишь легкой тенью
Горизонта кольцо.
И картина готова.
Я судить не берусь:
Только кисти и слову
Отзывается Русь.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

Первая снежинка
Упала на ладонь.
Подожди-ка, милая,
Поговори со мной.
Почему так долго
Пруд не замерзает?
Почему зайчонок
Шубку не меняет?
Где зима застряла,
Не метет метелью,
Белым покрывалом
Не закроет землю.
Застоялись лыжи,
Загрустили санки...
Как же Дед Мороз нам
Привезет подарки?

РОМАШКИ

Убегу в луга,
что не скошены,
С головой окунусь в траву,
На поляне, людьми
позброшенной,
Желторотых ромашек нарву.
Принесу я букет
в свою комнату
И поставлю
в вазу на окне,
Чтобы ночью и днем сто
подсолнухов
Головами склонялись ко мне.

И под шетоп подружек
застенчивых,
Душиной ночью в подушке
пуховой
Мне приснится
поляна заречная
В белом платье
ромашек шелковых.

ГРАФИНЯ

Ленивая Графиня
На коврике лежит
И, песню напевая,
Под музыку урчит.
Мышей она не ловит,
Терпеть не может их,
Зато и суп, и мясо
Съедает за двоих.
И ходит очень важно,
Достоинства полна,
Как будто бы не кошка,
А человек она.

ТРИ ПЕСНИ О ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ

С

* * *

кушино-тошино птичке в клетке.
Жаль ей воли своей.
На зеленой лучшей ветке,
Нежели в клетке золотой.

Клетка, точно жар, горела,
И пиенцы много в ней.
Вся пиенца и сторица
Вся неклевана лежит.

Прилетала с воли птичка,
С уваженьем говорит:
"Что ты, птичка, приуныла,
Что ты песен не поешь?"

"Кабы я была на воле,
Пела летом и зимой,
Пела летом и зимой,
И тепереиной порой.

Вот поставил злодей клетку
Для погибели моей.
Я ошиблася, влетела —
Клетка схлопнула дверям.

Прихлестала легки крылья,
По клетушке летучи.
Притупила вострый носик,
По целейкама клеучи,
Клеучи да пучи,
Да дружка вспоминаючи".

* * *

(Пелась на девичнике
накануне свадьбы).

И

е у нас ли в частом поле
Вянут розовы цветы,
Я сама в несчастной скуке
Своей лишаюсь красоты.
Не подойдут ко мне подружки
Да со веселостью своей,
Не постучатся об окошко,
Не позовут гулять с собой.
Гуляйте, милые подружки,
Теперь уж воля не моя.

А я сидела во светлице
Весной со ивеечкой одна
И проливала горьки слезы,
Жалела девичье житье:
И надо свекру-ту уважить,
И свекрове удружить,
Деверьям-то всем потрафить,
Золовке надо платье сшить,
Еще мужу молодому
Бойся слова согрубить...

И

* * *

росвети мне, светлый месяц,
Да путь-дорожку дружку,
Где бы дружка увидеть
Да бы слово сказать,
Как первое-то тайное,
Да второе в тиши:
"Ты отдай, мил, колечко
Золотое с руки.
Не отдашь — сам уедешь.
Да я помру без тебя".
Схороните, подружки,
У дорожки большой,
Схороните, подружки,
Да у дорожки большой,
Да против церкви святой.
Мил поедет венчаться
Да на могилу пойдет.
Он потужит, поплачет
И побудит меня:
— Ты вставай, дорогая,
Да я пришел по тебя.
— Поздно, милый, хватился,
Я теперь не твоя.
Я теперь не твоя,
Я земле предана.
На крылечке стояла —
Простудилася я.

Записаны от Ефимьи Ивановны Доброхотовой, 1913 года рождения, уроженки д. Калинкино Лихановского (ныне Расловского) сельсовета.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ИГРЫ, ЗАБАВЫ, ХОРОВОДЫ

КОСОЙ ЗАЯЦ

Девушки и парни образуют 2 отдельных круга. Девушки — внутренний, парни — внешний, в разные стороны. Под гармошку все идут по кругу, у одного из парней в руках платок или кепка.

Как музыка остановится, парень, у которого в руках платок, выводит за собой девушку, остановившуюся напротив. Они встают в круг спиной друг к другу. По сигналу поворачивают головы. Если в одну и ту же сторону оба повернулись, то целуются, если нет, то снова встают в круг, и игра продолжается.

ПЛАТОЧЕК

Девушки образуют круг, в кругу стоит парень. Подружки поют песню и идут по кругу:

*Ой, лапки мои,
Лапоточки мои,
Вы скородили, пахали,
Танцевать сюда попали!*

Во время песни сзади передают друг другу платочек. Когда песни закончатся, парень должен угадать, у кого платочек. Если угадает, то дает девушке задание, и она его должна выполнить.

Записано со слов Яблоковой Ольги Александровны, 1913 г.р., п. Глебово.

БУТЫЛОЧКА

Все встают в круг. Посередине водящий раскручивает бутылочку. На кого горлышко покажет, когда остановится, с тем водящий должен целоваться.

Записано со слов Соловьевой Веры Петровны, 1927 г.р., п. Глебово.

ХОРОВОД «ЗАИНЬКА»

Все взялись за руки, встали в хоровод. В середине "Зайнйка", парень. Хоровод кружится то в одну, то в другую сторону:

*"Зайнйка по сенечкам гуляй-таки, гуляй, серенький,
по новеньким гуляй, гуляй, разгуливай".*

Парень ходит по кругу.

"Некуда зайнйке выпрыгнути-таки, некуда серолу выпрыгнути".

Парень пытается вырваться из круга, и если это ему удастся, то потом все девушки его по очереди целуют.

ВОРОБЬШЕК

Участники хоровода поют, обращаясь к парню, стоявшему в кругу:

*Скажи, скажи, воробышек,
Скажи, скажи молоденький,
Как старые ходят,
Как они гуляют.*

"Воробышек" показывает: "Они эдак, и вот эдак, и все они эдак".

Затем повторяются первые две строчки куплета и последние две указывают на то, что должен показать "воробышек":

*"как молодые под венец идут",
"как гуляют мужики".*

Записано со слов Тихомировой Клавдии Васильевны, 1906 г.р., д. Текотово.

КРАСКИ

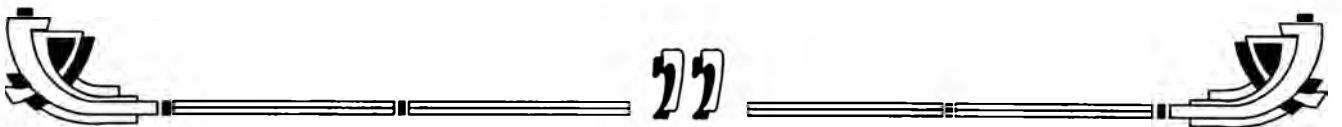
В эту игру играли в основном на улице. Один человек водит. Он отходит в сторону. Водящий спрашивает у всех, у кого какая краска (красная, белая и т.д.). Каждый цвет обозначает определенное действие. Красный — целоваться, синий — идти провожать, белый — исполнить желание. Когда приходит водящий, его спрашивают, какую краску он выбирает. Тот, у кого он называет краску, бежит от него, если водящий его поймает, то пойманный исполняет то, что обозначает его краска.

БАРОБОЙ

Этой игрой обычно занимались посиделки. Все рассаживаются на скамейках. Сидят тихо, не шелохнувшись.

В кругу парень с завязанными глазами. Его задача — выбрать девушку, которую он хочет проводить до дома.

Записано со слов Маянцевой Софьи Константиновны, 1936 г.р., п. Глебово, Судиславский район.

ПЕСНИ, ЧАСТУШКИ, ПРИЧИТАНИЯ

«ОЙ, МЫ ПРОСО СЕЯЛИ»

Ой, мы просо сеяли, сеяли,

Ой, дид-ладо сеяли, сеяли,

А мы просо вытопчем, вытопчем,

Ой, дид-ладо вытопчем, вытопчем.

А чем же вам вытоптать, вытоптать,

Ой, дид-ладо вытоптать, вытоптать?

А мы коней выпустим, выпустим,

Ой, дид-ладо выпустим, выпустим.

А мы коней перейдем, перейдем,

Ой, дид-ладо перейдем, перейдем.

А чем же вам перенять, перенять,

Ой, дид-ладо перенять, перенять?

А шелковым поводом, поводом,

Ой, дид-ладо поводом, поводом.

А мы коней выкупим, выкупим,

Ой, дид-ладо выкупим, выкупим.

А чем же вам выкупить, выкупить,

Ой, дид-ладо выкупить, выкупить?

Мы дадим вам 100 рублей, 100 рублей,

Ой, дид-ладо 100 рублей, 100 рублей.

Нам не надо тысячи, тысячи,

Ой, дид-ладо тысячи, тысячи.

А чего же вам надобно, надобно,

Ой, дид-ладо надобно, надобно?

А нам надо девицу, девицу,

Ой, дид-ладо девицу, девицу.

В нашем полку убыло, убыло,

Ой, дид-ладо убыло, убыло.

В нашем полку прибыло, прибыло,

Ой, дид-ладо прибыло, прибыло.

В нашем полку слезы льют, слезы льют,

Ой дид-ладо слезы льют, слезы льют.

В нашем полку пиво пьют, пиво пьют,

Ой дид-ладо пиво пьют, пиво пьют.

Записаны от Добрыниной Екатерины Александровны, 1910 г.р., д. Воркуновка Судиславского района.

ЧАСТУШКИ НА БЕСЕДАХ

Разве выйти поплясать,

Разве поосмелиться,

Ну, на что теперь моя

Головушка надеется.

Задумевшая подруга,

Выходи на парочку,

Неужели не считаешь

Меня за товарочку.

Я, бывало, запевала,
Запевалочкой была,
А теперь запевалочка —
Товарочка моя.

Пойду плясать,
Дома нечего кусать,
Сухари да корки,
На ногах опорки.

Пошла плясать,
Половицы гнутся,
Мне не семьдесят годов,
Жетки найдутся.

Вот она и заиграла
Двадцать пять на двадцать пять,
Вот она и загулила,
Наша молодость, опять.

Гармониста я любила,
Не попала за него:
Не хватило капитала
У папашки моего.

Игрочек у нас хороших,
Я его приворожу:
Я возьму и на гармонику
Две ромашки положу.

Пошла плясать
Русского, походного,
Говорят, избаловалась —
Ничего подобного.

Вот спасибо говорю,
Я уж наплясалася,
У тебя устали руки,
Да и нам досталось.

Мордовская Анастасия Павловна, 1926 г.р., Безродная Любовь Ивановна, 1929 г.р., п. Дружба Судиславского района.

ПРИЧИТАНИЯ ПРИ ПРОВОДАХ НА ВОЙНУ

Дорогой ты наш кормилец,
на кого ты нас оставляешь
с малыши деточками,
да вернешься ли ты обратно-то к нам.
Опросталась моя горница,
с какой сторонушки я тебя ждать-то буду,
в какое окошечко ожидать буду.

Голубева Александра Николаевна, 1924 г.р., д. Болотово.

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ ПРИ СВАТОВСТВЕ И ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Родной мой батюшка!
Родная моя матушка!
Куда вы меня провожаете?
Или я вам надоела?

Величание невесты

Красота ты девичья, красота,
красота неоцененная,
и куда мы тебя деть будем?
Отнесем мы эту красоту
во полюшко во чистое
и поставим эту красоту
во цветочек во лазоревый,
туда или-прошли прохожие,
мужички или деревенские,
они или со сенокосами,
со косами, со острыми,
подкосили эту красоту,
подсушили девью молодость.

Чернышева Елизавета Ивановна, 1929 г.р., д. Залужье, Судиславский район.

Большое спасибо
областному Дому на-
родного творчества за
предоставленные ма-
териалы.

«ЦАРСТВО ЖЕНЩИН»

Так в своих путевых записках "От Костромы до Соль-Галича" назвал Судиславль известный просветитель, собиратель старорусских рукописей И.Корнилов. Это же подтверждают "Материалы для статистики России" "Костромская губерния". В 1860 г. — в Судиславле 529 лиц мужского пола и 1044 — женского.

НАЛЕТЕЛИ ВОРОНЫ

Самое большое число хозяев было раньше у села Воронье. Если еще в начале XVIII века все оно принадлежало одному помещику, то к середине века им уже владело 36 помещиков, но только один из них жил в этом селе.

ДРЕВНЕЙШАЯ НАХОДКА

Грубо сработанный топор из бронзы, так называемый "фатьяновский топор", был обнаружен в 1953 г. близ дер. Княжево местным жителем Н.В.Бруснецовым. Специалисты считают эту находку самой древней в Судиславском крае.

В СУДИСЛАВЛЕ — РАВНОПРАВИЕ

Полтора века тому назад в заштатном городе Судиславле купцов было 227 душ (126 мужского пола и 101 женского), что больше, к примеру, чем в штатных городах Буе, Чухломе, Кологриве или Солигаличе. К тому же в Судиславле имелось двое почетных граждан (один гражданин и одна гражданка), которых в означенных городах не было вовсе.

Отгадки на загадки номера

Загадки о природе со стр. 30

Леша Кротков. Колибри.
Даша Щербакова. Лавровый лист.
Юля Каримова. Земля и небо.
Ваня Елкин. Перекати-поле.
Настя Попова. Глиняный горшок.

Шутки со стр. 70

1. У того, кто имел самую большую голову.
2. Слепая.
3. Когда она "треска".
4. Когда он сыр.
5. Подушка.

ФОТОКОНКУРС

Внимание: продолжается фотоконкурс журнала "Прохожие и близкие", посвященный 200-летию Костромской губернии.
Работы присылаются до 1 декабря. Условия конкурса — "ГД" № 2/97 г.

Максим Хантов. "Нагулялся".

ВАШЕМУ ДОМУ — ОТ НАШЕГО

Редакция "Губернского дома" благодарит исполком Костромского регионального общественно-политического движения "Наш дом Россия" за помощь в издании этого номера журнала.

ГУБЕРНСКИЙ

5/97
(25)

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ДОМ

Время Общество Знание

"Семейный альбом" Домерниковых-Бекеневых

В гостях.

Встреча с актером Костромского драмтеатра
Владимиром Барковым.

Мастерская. Художник из деревни Крутик

Свидетельства Архивы Документы

Св. Иоанн Кронштадский в Костромской губернии

Из истории Костромской духовной семинарии

Юрий Бартенев. Золотовская летопись

Литература Искусство Культура

"От родины черпаю вдохновение".

Представляем детский историко-литературный альманах
"Костромская сторона"

Валерий Пушкин. Стихи

Евстолия Прокофьева. Рассказы

Редактор Николай Муренин

Художники Юрий Бекишев, Герман Комлев

Фото Георгия Белякова, из фондов Судиславского
краеведческого музея, частных коллекций

Компьютерная верстка — Дмитрий Кротков

Адрес редакции: 156000, г.Кострома, пр.Мира, 7, тел. 51-67-38.

Извините, рецензировать и возвращать рукописи не имеем возможности.

Сдано в набор 15.08.97 г. Подписано к печати 10.09.97 г. Заказ № 5978.

Печать офсетная. Объем 10 п. л. Тираж 1500 экз. Цена свободная.

Набрано и сверстано в редакции журнала "Губернский дом",
отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации администрации
Костромской области, г.Кострома, ул.Щербины,2.

